

ОГЛАВЛЕНИЕ

П. Лавровъ: Исторія, Соціализмъ и Русское движеніе (къ „Материаламъ для Исторіи Русскаго Соціально-Революціоннаго движенія“, I).

СЪ РОДИНЫ И НА РОДИНУ № 1.

Отъ издателей	1
Хроника революціонной борьбы	3
Что дѣлается на родинѣ?	18
1. <i>Москвичъ</i> : Письмо изъ Москвы	18
2. — <i>й</i> — <i>ъ</i> : Письмо изъ Саратова	22
3. А.: Письмо изъ Иркутска	31
Разныя извѣстія	33
Изъ Воспоминаній о Н. В. Шелгуновѣ	35
Адресъ „Группы офицеровъ“ П. Л. Лаврову	44
Отвѣтъ П. Л. Лаврова	46
Перепечатка изданій сдѣланныхъ въ Россіи:	
Народовольческая программа	47
Первое письмо голодающимъ крестьянамъ	52
Извѣщеніе	54
Сообщеніе	55
Отчеты	56

Matériaux pour servir à l'histoire du mouvement socialiste-révolutionnaire en Russie. № 1.

Материалы для Исторіи Русскаго Соціально-Револуціоннаго Движенія.

I

(П. ЛАВРОВЪ: ИСТОРИЯ, СОЦИАЛИЗМЪ И РУССКОЕ
ДВИЖЕНІЕ).

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

СЪ РОДИНЫ И НА РОДИНУ

№ 1

ЦѢНА 1 ф. 50 с.

Изданіе группы старыхъ народovolъцевъ.

ЖЕНЕВА

Типографія группы.

—
Январь 1893 г.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИЯХЪ ГРУППЫ СТАРЫХЪ НАРОДОВОЛЬЦЕВЪ.

Тому нѣсколько мѣсяцевъ образовалась въ средѣ русскихъ социалистовъ-революціонеровъ, живущихъ за границею, изъ нѣсколькихъ лицъ, болѣе близкихъ между собою по убѣжденіямъ, *Группа Старыхъ Народовольцевъ* для коллективнаго содѣйствія русскому социально-революціонному дѣлу.

Мы, ее составившіе, съ радостью отмѣчаемъ одинъ знаменательный фактъ: большая часть программъ, прокламацій и плановъ дѣятельности, обнародованныхъ въ послѣднее время или инымъ путемъ дошедшихъ до нашего свѣдѣнія, болѣе или менѣе близки къ старой программѣ Народной Воли конца 70-тыхъ годовъ; предлагаемые измѣненія таковы, что они могли-бы быть сдѣланы и прежними народовольцами, если-бы они продолжали свою дѣятельность, принявъ въ соображеніе измѣнившіеся обстоятельства.

Мы увѣрены, что наши товарищи въ Россіи организуютъ тамъ боевую революціонную партію, согласную съ этою программой, и отчасти уже приступили къ этой организаціи: мы увѣрены, что они на самой нашей родинѣ создадутъ агитаціонную литературу, соответствующую требованіямъ настоящей минуты, и отчасти уже приступили къ ея сознанію.

Мы не отказываемся сами предпринимать отъ времени до времени изданія по текущимъ вопросамъ русской жизни и представляемъ каждому изъ нашихъ товарищей, входящихъ въ составъ нашей группы, участвовать въ пропагандистской или въ агитаціонной литературѣ въ связи съ другими группами посвящающими себя подобному дѣлу и принимающими программу, близкую къ нашей.

Но мы имѣемъ въ виду посвятить преимущественно въ настоящую минуту свои литературныя силы болѣе общимъ трудамъ по вопросамъ русскаго социально-революціоннаго дѣла. Намъ хотѣлось-бы въ этихъ трудахъ дать необходимую подкладку дѣятельности вышедшихъ русскихъ социалистовъ-революціонеровъ; уяснить ихъ связь съ ихъ предшественниками, ихъ связь съ тѣми принципами, которые они унаслѣдовали отъ этихъ предшественниковъ и которые лежатъ въ основѣ всѣхъ задачъ міроваго социалистическаго движенія, въ наше время происходящаго.

Мы имѣемъ въ виду коллективными силами предпринять изданіе двухъ сборниковъ статей. Первый изъ нихъ будетъ называться: „Матеріалы для исторіи русскаго социально-революціоннаго

движенія“: второй: „Основы теоретическаго социализма въ приложеніи ихъ къ Россіи“. Ихъ содержаніе опредѣляется самимъ ихъ названіемъ, но прилагаемая оглавленія А и Б уяснятъ читателю планъ изданій, имѣющихся въ виду.

Каждый вопросъ будетъ обработанъ отдѣльнымъ лицомъ, принадлежащимъ къ нашей группѣ или согласившимся съ нею по общему пониманію русскаго социальнаго-революціоннаго движенія и общихъ теоретическихъ основъ социализма въ ихъ приложеніи къ Россіи: но всѣ члены группы обязались содѣйствовать каждой отдѣльной работѣ, насколько это будетъ для нихъ возможно. Такъ какъ наша группа смотритъ на начинаемое ею предпріятіе, какъ на дѣло, полезное всему русскому революціонному движенію, безъ различія фракцій, то она считаетъ себя вправѣ рассчитывать на доставленіе ей матеріаловъ, или вполнѣ обработанныхъ статей, а также свѣдѣній и средствъ для изданій со стороны всѣхъ русскихъ социалистовъ-революціонеровъ, которые будутъ имѣть возможность ей содѣйствовать.

Порядокъ изданія отдѣльныхъ статей будетъ совершенно независимъ отъ ихъ мѣста въ общемъ планѣ сборниковъ, и каждая изъ нихъ будетъ появляться по мѣрѣ ихъ изготовленія. Мы употребимъ всѣ старанія, чтобы появленіе отдѣльныхъ статей было не рѣже, какъ каждые два мѣсяца, т. е. чтобы въ годъ появилось ихъ не менѣе шести. Къ каждой изъ появляющихся статей могутъ быть сдѣланы приложенія съ особою нумераціею страницъ (общее для всѣхъ приложеній), относящіяся къ явленіямъ русской жизни и особенно русскаго революціоннаго дѣла. Полнота этого отдѣла будетъ несомнѣнно зависѣть отъ степени содѣйствія нашихъ товарищей въ Россіи.

Къ обработкѣ нѣкоторыхъ статей сборниковъ, имѣющихся въ виду, уже приступлено. Каждый сборникъ составитъ особый томъ.

Мы знаемъ, что нашъ коллективный трудъ не можетъ не заключать въ себѣ много недостатковъ и пробѣловъ. Но мы надѣемся, что, добросовѣстно исполненный, онъ дастъ полезный матеріалъ нашимъ товарищамъ въ Россіи для ихъ пропаганды и для ихъ полемики съ противниками и съ сомнѣвающимися. Мы желали-бы, чтобы въ этомъ трудѣ наши товарищи нашли правдивое сказаніе о томъ, какъ страдали, боролись, успѣвали и гибли ихъ предшественники, завѣщая преемникамъ или свѣтлую мысль или энергическое дѣло; нашли и вѣрное указаніе на тѣ незыблемыя основы, научныя и нравственныя, которыя всегда должны служить опорой дѣятельности социалиста, какъ ни были-бы разнообразны практическія задачи, предъ нимъ возникающія.

Начиная изданіе, которое потребуетъ не мало труда и довольно значительныхъ средствъ, мы ждемъ отзыва и содѣйствія отъ нашихъ товарищей въ Россіи и за-границей, чтобы знать, нуждаются-ли они точно въ нашемъ изданіи и слѣдуетъ-ли намъ продолжать его.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

А. Матеріалы для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія.

- 1) Исторія, соціализмъ и русское движеніе (вмѣсто введенія).
- 2) Русское общество и русскій народъ до декабристовъ.
- 3) Декабристы.
- 4) Николаевщина, либерализмъ и народничество.
- 5) Соціализмъ и эпоха реформъ.
- 6) Герценъ.
- 7) Чернышевскій.
- 8) Бакунинъ.
- 9) Десятилѣтіе 1863—1873 года.
- 10) Народники 1873—1878 года.
- 11) Земля и Воля.
- 12) Народная Воля 1879—1885 года.
- 13) Рабочія организациі 1878—1885 года.
- 14) Націоналистическіе элементы и соціализмъ.
- 15) Фракціи 1885—1892 года.
- 16) Иностранная пресса и русское движеніе.
- 17) Выводы исторіи соціализма въ Россіи.

Б. Основы теоретическаго соціализма и ихъ приложеніе къ Россіи.

I. Общая часть.

- 1) Условія развитія и цѣли соціализма.
- 2) Борьба классовъ и рабочія партіи.
- 3) Эволюція и Революція.

II. Особенности Россіи.

- 4) Русское землевладѣніе: крестьянство и община.
- 5) Капитализмъ и рабочій классъ въ Россіи.
- 6) Русская интеллигенція и революція.

—

Адреса для простой и денежной корреспонденціи за-границею:
 M-r Bokhanovsky, 65, Avenue des Grottes. Geneve.
 M-r Elie Reclus, 72, B-d de Port-Royal. Paris.

—

ИСТОРИЯ, СОЦИАЛИЗМЪ И РУССКОЕ ДВИЖЕНІЕ

(вмѣсто введенія)

Мои товарищи по группѣ, предпринимающіе коллективный трудъ изданія „Матеріаловъ для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія“, поручили мнѣ предпослать статьямъ, которыя войдутъ въ составъ этого изданія и будутъ посвящены различнымъ эпохамъ, пережитымъ участниками этого движенія, нѣсколько страницъ введенія. Въ нихъ я попытаюсь показать общую связь русскаго движенія не только съ задачами социализма, какъ онѣ стоятъ въ настоящее время передъ всѣми націями, участвующими въ исторической жизни человѣчества, но и съ самыми основными задачами человѣческой исторіи, выдвинувшимися передъ развитыми людьми съ самого начала того періода, когда въ человѣчествѣ выработались личности, способныя наслаждаться развитіемъ, почувствовавшія потребность его и поставившія его себѣ жизненною цѣлью. На сколько я понимаю существенныя черты исторіи человѣчества — и въ этомъ отношеніи я считаю себя раздѣляющимъ мнѣніе многихъ знаменитыхъ и уважаемыхъ моихъ предшественниковъ и современниковъ—социализмъ нашего времени есть необходимый продуктъ всего предшествовавшаго ему процесса этой исторіи. Онъ есть въ то-же время первая рациональная попытка осуществить реальными средствами и на реальной почвѣ идеаль того, что ри-

совалось бредъ мыслителями разныхъ эпохъ, какъ общежитіе, удовлетворяющее наилучшимъ доступнымъ въ наше время способомъ требованія справедливости. Я полагаю, что интересные результаты можно также получить отъ сравненія социалистическаго движенія нашего періода вообще съ тѣми особенностями, которыя оно получило на нашей родинѣ. Но для этого приходится разсматривать первое не только въ его общихъ характеристическихъ чертахъ, а также съ разнообразными усложненіями, которыя оно представляетъ въ разныхъ странахъ, соотвѣтственно исторически-сформировавшейся средѣ, гдѣ этому движенію приходится ставить свои задачи и отыскивать способы ихъ рѣшенія. Съ этой точки зрѣнія можно замѣтить, что русское революціонное движеніе, съ самой той эпохи, когда оно выработало опредѣленно *свои* задачи, было обусловлено во всѣхъ своихъ главныхъ чертахъ основными принципами научнаго социализма, одинаковыми для всѣхъ странъ и народовъ. Но въ то-же время оно подвергалось тѣмъ видоизмѣненіямъ, которыя вносила въ практическое осуществленіе этихъ принциповъ экономическая, политическая и культурная среда, въ которой развивались и принуждены были дѣйствовать русскіе социалисты. На сколько возможно сдѣлать это на немногихъ страницахъ, посвящаемыхъ этому „введенію“, я постараюсь выяснитъ для читателей основанія, на которыхъ въ моемъ пониманіи выработался взглядъ на вопросъ: какое мѣсто современный социализмъ занимаетъ въ исторіи вообще и какое мѣсто приходится отвести русскимъ социалистамъ-революціонерамъ въ современной борьбѣ социализма съ капитализмомъ?

I

Русское социально-революціонное движеніе есть историческое явленіе, корни котораго лежать глубоко въ

исторіи человѣчества и которое тѣсно связано со всѣми задачами этой исторіи, способными вообще быть характеризованными, какъ *стремленіе къ прогрессу*.

Два элемента въ своемъ взаимодѣйствіи составляютъ прогрессъ въ исторіи: развитіе сознательной мысли и дѣятельности въ личности и усиленіе солидарности между людьми, какъ въ смыслѣ ея бѣльшей прочности, такъ и въ смыслѣ охватыванія ею бѣльшаго числа личностей.

Каждый изъ этихъ двухъ элементовъ ставилъ свои особыя требованія, встрѣчалъ особыя препятствія своему успѣху; для каждаго изъ нихъ побѣды обозначались особыми подвигами, пораженія—особыми индивидуальными страданіями и общественными бѣдствіями; поэтому легко было энергическимъ личностямъ, общественнымъ дѣятелямъ и мыслителямъ принять ихъ за элементы вполне обособленные и ограничивать представленіе о прогрессѣ лишь однимъ изъ нихъ. Это было тѣмъ легче, что бывали случаи, когда эти элементы какъ-бы обнаруживали между собою противурѣчія и вступали въ самую горькую для человѣчества борьбу. Это были эпохи жестокихъ болѣзней человѣчества. Дѣйствительный и здоровый прогрессъ въ исторіи могъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда обстоятельства дозволили обоимъ этимъ его элементамъ развиваться одновременно и осуществлять свои цѣли сообща; когда человѣкъ созналъ ихъ взаимную зависимость и когда они встали передъ нимъ, какъ *одна* великая цѣль. Тогда онъ началъ къ ней *естественно* стремиться вслѣдствіе эгоистическаго желанія индивидуальнаго счастья. Тогда онъ разглядѣлъ въ этой великой цѣли тотъ идеалъ справедливости, къ которому его *обязывали* стремиться требованія нравственности. Тогда научная критика указала ему въ той-же цѣли логической результатъ *фатальнаго* теченія исторіи, какъ только это теченіе стало обуславливаться сознательными задачами прогресса.

Основными побужденіями, какъ къ развитію созна-

тельной мысли и дѣятельности въ личности, такъ и къ усиленію солидарности между людьми были тѣ самыя побужденія, которыя обуславливали всю дѣятельность человѣка. Рядомъ съ прямо-фізіологическими потребностями, это были: экономическая потребность обезпечить себѣ сначала необходимое, а затѣмъ удобства жизни, и потребность оградить свою безопасность. Это была жажда нервныхъ возбужденій, разростающаяся въ разные аффекты и страсти, вызывавшая стремленіе украшать жизнь даже на счетъ необходимаго и полезнаго, послужившая почвой для различныхъ формъ забавъ, увеселеній и для всѣхъ отраслей искусства. Это была потребность общежитія, унаслѣдованная человѣкомъ отъ его зоологическихъ предковъ и создавшая для отдѣльныхъ группъ людей общій языкъ, общій обычай, затѣмъ силу общественнаго мнѣнія и могущество моды; на почвѣ этой потребности развилось творчество общественныхъ формъ въ человѣчествѣ, сначала безсознательно, а затѣмъ и сознательно ставившее себѣ цѣлью лучше обезпечить личности необходимое и удобства жизни помощью формъ экономическихъ, и обезопасить ее помощью формъ политическихъ. На высшей ступени эволюціи человѣчества, къ этому присоединилась *потребность развитія*, доступная сначала немногимъ, но потомъ все большому и большому числу людей. Какова-же была среда, въ которой приходилось дѣйствовать и развиваться первымъ людямъ, пробудившимся къ потребности развитія?

Подъ вліяніемъ элементарныхъ побужденій уже ранѣе этого произошло сплоченіе первобытныхъ людей въ племена и роды, подчиненные ненарушимымъ обычаямъ. Возникла первобытная техника, обезпечившая дикарю необходимыя средства существованія. Созданы были первые приемы украшенія тѣла, общественныхъ игръ и церемоній, возбужденія нервовъ одуряющими ритмическими движеніями и опьяняющими напитками. Возникъ въ воображеніи человѣка фантастическій міръ первобытныхъ религій и сказокъ. Жалкія способы про-

изводства соответствовали ограниченности потребностей, одинаковых для всех членов общества, удовлетворяемых или каждым из них отдельно, или коллективной работой всех: общественное равенство было на первых ступенях почти неизбежным результатом этой элементарной техники. Но там, где это равенство установилось и удержалось, оно было равенством особей одинаково-лишенных всякой возможности развиваться, всяких шансов вступить в историческую жизнь. А факты показывают, что на этой самой ступени общественного союза, выработались кое-где и формы самой уродливой власти, ограниченной лишь столь-же уродливыми формами возмущения против нея. Это произошло под влиянием несколько усложнившейся военной техники, вызванной враждебностью родов, и под влиянием одновременного усложнения обрядов первобытного колдовства, усложнения, имевшего следствием выделение из массы племени знахарей и шаманов, повелителей надъ болъзнями, надъ удачею и неудачею въ предпріятіяхъ. Во многих неисторических племенах вожди-колдуны, цари-фетиши оказались облеченными безусловно властью надъ остальнымъ племенемъ, хотя это раннее „божественное право“ не мѣшало и тому, что этихъ неограниченныхъ повелителей надъ дѣйствіями и надъ жизнью членовъ племени и самихъ били, истязали и убивали, если они не умѣли устранить голодовку, эпидемію или неудачу на войнѣ. Власть проявлялась безъ всякаго ограниченія и контроля, точно такъ-же, какъ революціи внутри племени происходили внѣ всякихъ политическихъ и экономическихъ соображеній, ббльшею частью подъ влияніемъ фантастическихъ мотивовъ. Всѣ солидарныя общества чловѣка были малочисленны и безусловно враждебны между собою. Мысль личности была подавлена обычаемъ и привычкою. За предѣлы небольшого племеннаго союза не шло чувство солидарности, какъ за предѣлы исполненія привычнаго дѣла не шла работа мысли.

Тѣмъ не менѣе, даже безъ всякаго сознательнаго стремленія вносить измѣненіе въ свои культурныя формы, человѣческое общество безсознательно улучшаетъ свою технику и подѣ этимъ вліяніемъ измѣняетъ свою культуру. Съ первымъ улучшеніемъ техники, съ первою выработкою такой формы производства — хотя весьма еще грубой — которая давала возможность труду однихъ людей обеспечивать отчасти или вполнѣ существованіе другихъ, произошло раздѣленіе труда. Оно, съ одной стороны, скрѣпило солидарность общежитія взаимной зависимостью однѣхъ личностей отъ продуктовъ труда другихъ. Но, съ другой, оно же фатально, въ личностяхъ, наиболѣе способныхъ къ развитію мысли, вызвало эгоистическое стремленіе существовать на счетъ труда другихъ, вызвало представленіе, что *это* именно возвышаетъ достоинство человѣка. Развитіе индивидуальной сознательной мысли стало какъ-бы въ противурѣчіе съ солидарнымъ общежитіемъ. Здѣсь было начало общественной болѣзни, которая свирѣпствовала въ продолженіи всей исторіи и до сихъ поръ обнаруживается самыми печальными симптомами.

Пробуждающаяся потребность развитія проявилась сначала въ стремленіи къ выработкѣ личности, способной къ самостоятельной мысли и къ энергическому подвигу, уже не коллективному а индивидуальному; личности, для которой сдѣлалось возможнымъ противопоставить свое индивидуальное рѣшеніе и пониманіе подавляющему обычаю въ мысли и въ жизни. Этотъ обычай сталъ понемногу терять свою священную неприкосновенность, и если его формы, сохранившія это свойство, охранялись преданіемъ, то развивающаяся личность стала все чаще стремиться воспользоваться этими священными формами для своихъ индивидуальныхъ цѣлей. Сознательная мысль наивыгоднѣйшимъ образомъ поставленныхъ особей, на первыхъ шагахъ своего развитія, направилась на отысканіе въ существующемъ обычаѣ средствъ для огражденія своихъ личныхъ интересовъ, и *борьба между интересами лич-*

ностей и общественныхъ группъ стала все болѣе могучимъ двигателемъ историческихъ событій взаменъ прежняго безусловнаго господства обычая. Мало-по-малу усвоивалась мысль и о прямой борьбѣ противу обычая во имя интересовъ, о сознательномъ измѣненіи перваго въ виду вторыхъ. Предъ развитыми и энергическими личностями этого періода все болѣе опредѣленно возникала цѣль сохраненія или измѣненія обычныхъ общественныхъ формъ въ зависимости отъ того, что лучше позволяло имъ эксплуатировать трудъ другихъ въ свою пользу. Отличаться отъ другихъ болѣе или менѣе грубымъ но драгоценнымъ украшеніемъ и костюмомъ, быть предметомъ обряда, выражающаго почитеніе, пользоваться болѣе большими удобствами жизни, было уже, въ ранніе періоды, привлекательно для дикаря и входило въ его представленіе о своемъ достоинствѣ. Теперь въ это представленіе стала входить все болѣе способность имѣть болѣе досугъ, позволявшій дальнѣйшую выработку сознательной мысли, возможность обязывать другихъ трудиться для себя. Жить, наслаждаться и развиваться на средства незаработанныя личнымъ трудомъ, стало одною изъ прелестей жизни, однимъ изъ желательныхъ практическихъ идеаловъ. Улучшалась техника жизни. Совершенствовались производство предметовъ необходимости и роскоши личнымъ и коллективнымъ трудомъ. Но, вмѣстѣ съ этимъ, и подъ этимъ вліяніемъ, росло политическое неравенство и создавалась болѣе прочная политическая власть, вырабатывая различныя отрасли общественныхъ формъ, способствовавшихъ упроченію и урегулированію принудительнаго труда большинства на пользу меньшинства. Противуположеніе кастъ, сословій и классовъ и ихъ борьба устанавливались все болѣе опредѣленно. Всѣ формы господства одной группы надъ другими и эксплуатаціи массъ освящались догматами и мнѣями религій, сказаніями о мудрыхъ и героическихъ предкахъ. Эти догматы, мнѣя и сказанія самымъ тѣснымъ образомъ сплетались съ экономиче-

скими, политическими и культурными формами общественной жизни. Тутъ, съ одной стороны, проявились попытки придать жизни обществъ, проникнутыхъ борьбою интересовъ, всю ту святость и неприкосновенность, которая были естественно свойственны обычаю первобытнаго времени. Обнаруживалось, съ другой стороны, стремленіе охватить въ умъ человѣка всѣ элементы общественнаго строя и работы мысли въ данномъ общественномъ организмѣ единымъ міросозерцаніемъ, первую попыткою философской мысли. Въ то же время законодательство, государственныя учрежденія, военная сила закрѣпляли господство одного класса надъ другими, ту или другую форму насилія, выросшаго изъ формъ производства, обмѣна и распределенія. Враждебность отдѣльныхъ человѣческихъ группъ между собою, если и смягчилась нѣсколько въ своихъ формахъ, то получила болѣе сознательный характеръ. Каждая изъ нихъ стремилась уже не инстинктивно, какъ прежде, къ истребленію или удаленію всѣхъ соперниковъ въ борьбѣ за существованіе, но сознательно къ подчиненію ихъ себѣ для экономической эксплуатаціи ихъ въ свою пользу или, вѣрнѣе, въ пользу класса, въ ней господствовавшего. Сознательная мысль создавала классовое господство и классовую эксплуатацію на почвѣ техническаго и экономическаго развитія, на почвѣ борьбы между націями и государствами.

Однако, не только эти мрачныя и кровавыя результаты получились отъ первой работы мысли, пробужденной потребностью индивидуальнаго развитія къ борьбѣ между личными интересами во вредъ солидарности между членами общества. Логическій процессъ этого самого индивидуальнаго развитія вызывалъ также иныя продукты историческихъ цивилизацій, продукты, которые должны были, отчасти безсознательно, отчасти сознательно, образовать новую и лучшую почву для солидарности между людьми.

Потребность индивидуальнаго развитія личности вызвала эстетическое и философское творчество, соотвѣт-

ствующее этой жизненной потребности. Изъ неопредѣ-
ленного міра духовъ, которые нужны были первобыт-
ному человѣку для обезпеченія себѣ удачи въ жизни,
выдѣлились обособленные типы боговъ, которымъ че-
ловѣкъ стремился придать все болѣе индивидуальнаго
изящества и достоинства. Древнія сказанія стали груп-
пироваться около нѣсколькихъ героическихъ лично-
стей, совершившихъ чудесные подвиги, и тотъ-же
процессъ обработки ихъ индивидуальности и ихъ до-
стоинства былъ приложенъ къ этимъ героямъ. Неза-
мѣтно для человѣка эти боги и герои стали получать
достоинство *нравственное*. Выработывая изъ отрывоч-
ныхъ мифовъ стройныя мифологіи, изъ преданій о под-
вигахъ предковъ величественныя эпопеи и потрясаю-
щія драмы, человѣкъ упражнялся въ объединяющей,
философской мысли, подготавливая будущія болѣе строй-
ныя міросозерцанія. Развилась субъективная лирика и
въ ней уже вполнѣ сознательно, хотя и не преднамѣ-
ренно, человѣкъ поставилъ себѣ и задачи нравствен-
ныхъ идеаловъ и вопросы пониманія міра, какъ сце-
ны, на которой разыгрывались драмы и комедіи аф-
фектовъ, стремленій и дѣятельности человѣка.

На этой почвѣ, подъ вліяніемъ этихъ вопросовъ,
потребность развитія выработала, наконецъ, и *критиче-
скую мысль*, а съ нею вмѣстѣ получилось для развито-
го человѣка стремленіе къ научной истинѣ въ теоріи,
къ нравственной дѣятельности на практикѣ. Развитая
личность стала понимать, что она, какъ личность *об-
щественная*, не можетъ развиваться индивидуально ина-
че какъ при формахъ общества, дающихъ почву для
правильнаго взаимодействія личностей при ихъ разви-
тіи. Предъ нею возсталъ идеаль *справедливаго* общежи-
тія. Она стала искать своего достоинства въ дѣятель-
номъ участіи въ прогрессивномъ процессѣ исторіи.
Ей стало недостаточно объединять отдѣльныхъ боговъ
въ генеалогическихъ мифологіяхъ и преданія о пред-
кахъ, о ихъ мудрости и ихъ страстяхъ, въ стройныхъ
эпическихъ сказаніяхъ. Она стала стремиться къ объ-

единяющему философскому міросозерпанію, въ котормъ одновременно всѣ знанія, вѣрованія и стремленія личности сливались-бы въ одно гармоническое цѣлое и вся дѣятельность личности находила-бы себѣ разумное основаніе.

Но этотъ-же самый періодъ выработки критической мысли и ея разностороннихъ результатовъ, съ такою же необходимостью вызывалъ не только болѣе рациональное мышленіе объ обществѣ, а въ то-же время и болѣе цѣлесообразную эволюцію его формъ.

Работа сознательной мысли, вызвавшая по всюду господство одного класса надъ другимъ, господство одной націи надъ другими и эксплуатацію большинства меньшинствомъ, создала, во первыхъ, попутно, обширныя націи и государства изъ отдѣльныхъ племенъ, установила механически и насильственно въ этихъ обширныхъ цѣлыхъ зависимость и взаимодѣйствіе между гораздо бѣльшимъ числомъ людей, чѣмъ это могло быть ранѣе, при всеобщей раздѣльности малочисленныхъ племенъ. Если прежняя *аффективная* связь между „своими“ людьми, какъ членами рода, сѣзусилась и ослабѣла вслѣдствіе распадена родового и племенного союза на болѣе тѣсныя союзы семейныя, то *идейное* единство союза племенъ, націи и государства позволяло, съ другой стороны, расширять представленіе объ общности обычаевъ, преданій и интересовъ на болѣе значительное число особей. При умноженіи и расширеніи сношеній между людьми во имя ихъ интересовъ неизбежно усилилась работа мысли. А это самое столь же неизбежно направило пробудившуюся критическую мысль на формы и на функціи существующаго общественнаго строя. Развитіе экономическихъ силъ вырабатывало, рядомъ съ юридически-господствующимъ классомъ, новые классы, которые стремились къ господству, вступали въ борьбу за это господство и сознательная мысль доставляла критическій матеріалъ для этой борьбы. Она шла собственно на почвѣ интересовъ; но на почвѣ точнаго научнаго наблюденія, на

почвъ философскихъ обобщеній, во имя бессознательно и сознательно измѣнявшихся вѣрованій, во имя вырабатывающихся нравственныхъ принциповъ отыскивались аргументы для борьбы противъ существующаго порядка, для его подрыва, для его измѣненія. Во имя національной *независимости* люди сплачивались въ солидарныя цѣлыя съ готовностью жертвовать личными эгоистическими цѣлями для пользы этого солидарнаго цѣлаго. Во имя политической *свободы*, члены класса, наиболѣе выгодно поставленнаго экономически для борьбы съ классомъ господствующимъ, группировали около себя подавленное большинство и проводили политическія реформы, вызывали революціонные взрывы. При этихъ условіяхъ сознательная мысль работала одинаково и въ направленіи своего развитія, и въ направленіи расширенія солидарности между людьми. Это были случаи безспорно-прогрессивной дѣятельности. Шла энергическая пропаганда словомъ. Совершались героическія дѣла во имя идеи. Она воплощалась въ примѣръ жизни самоотверженныхъ личностей. Политическія потрясенія и историческія катастрофы измѣняли законодательства и формы правленія, разрушали старыя государства и созидали новыя. Многія проповѣди оставались безъ отзыва, потому что онѣ были не своевременны. Многія героическія дѣла были безплодны, потому что не были надлежащимъ образомъ подготовлены или для ихъ непосредственной удачи, или для того, чтобы удавшееся энергическое дѣло нашло почву въ условіяхъ экономической и идейной жизни общества. Но тамъ, гдѣ эти условія осуществлялись, тамъ, на почвъ энергической пропаганды словомъ и дѣломъ, имѣли мѣсто великіе прогрессивные шаги человечества. Они совершались иногда болѣе правильнымъ путемъ, когда на почвъ новыхъ интересовъ, сплачивающихъ большее или меньшее число личностей, прямо возникала, постоянно развиваясь и укрѣпляясь, общественная форма союза, соотвѣтствующая этимъ интересамъ, а за тѣмъ уже, при борьбѣ за и

противъ этихъ общественныхъ формъ, выработывалась идейная подкладка, религіозное вѣрованіе, философская система, общественная теорія, доказывавшія рациональность этихъ формъ. Но иногда прогрессивный процессъ принималъ и менѣе логическое и правильное теченіе: теоретическое пониманіе прогрессивнаго значенія данной общественной формы переходило путемъ заимствованія въ страну, гдѣ еще отсутствовали тѣ формы борьбы между интересами, которыя вызвали на другой почвѣ это теоретическое пониманіе. На почвѣ идейной выступали, въ защиту этихъ религіозныхъ, философскихъ, нравственныхъ, соціальныхъ убѣжденій, группы, которыя педагогически, путемъ пропаганды, агитаціи и личнаго примѣра, распространяли около себя новыя практическія ученія и вызывали къ существованію общественныя формы союзовъ, сами собою не способныя еще тамъ возникнуть вслѣдствіе условій среды. Борьба за прогрессъ усложнялась, иногда затруднялась, но въ то-же время большею частью и сокращалась, давая начало совершенно-новымъ переходнымъ формамъ общенія и совершенно-иному теченію историческихъ событій. Эти различныя пути осуществленія историческаго прогресса и различныя явленія, ими вызываемыя, не могутъ скрыть отъ внимательнаго наблюдателя, что они могли служить и дѣйствительно служили одинаково для осуществленія цѣлей прогресса.

II

Одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи чело-вѣческой мысли былъ тотъ, когда среди родовъ и племенъ, боровшихся за существованіе и за взаимное истребленіе, среди націй и государствъ, боровшихся за господство и за взаимную эксплуатацію, возстало передъ сознаніемъ личности представленіе о *единствѣ* чело-вѣчества въ его дѣйствительныхъ интересахъ и

потребностяхъ, независимо отъ его раздѣленія на расы, племена, національности и государства. Философія стала стремиться къ *универсальной* мудрости, не обращая вниманія на то, былъ-ли въ числѣ мудрецовъ афинянинъ Соловъ или скивъ Анахарсисъ. Политики ставили себѣ задачею *универсальный* законъ для всѣхъ націй въ государствѣ, объединенномъ эдиктами преторовъ или цезарей, а для самихъ государствъ оставался привлекательнымъ старинный идеалъ всемірнаго господства, прельщавшій фараоновъ и царей Вавилона и унаследованный ученикомъ Аристотеля и повелителями Рима республиканскаго точно такъ-же какъ и Рима императорскаго. Апостолы Будды, Христа, Мохамеда пошли ко всѣмъ народамъ, проповѣдуя *универсальную* религію, провозглашая общечеловѣческое единство всѣхъ вѣрующихъ. Сознательная мысль начала работать надъ самою обширною задачею солидарности людей, надъ солидарностью всего человѣчества.

Но тысячелѣтія прошли въ бесплодныхъ попыткахъ рѣшить эту громадную задачу.

Мудрецы и философы не оказались способными отрѣчься отъ одного опаснаго наслѣдства, полученнаго ими отъ предыдущаго періода конкуренціи личностей въ виду взаимной эксплуатаціи и въ виду возвышенія каждою личностью своего индивидуальнаго достоинства на счетъ чужаго. Они усвоили изъ этого наслѣдства стремленіе не сливать своего достоинства съ развитіемъ окружающаго общества, а удаляться отъ послѣдняго. Они чуждались темныхъ массъ съ ихъ предразсудочными обычаями и вѣрованіями, съ ихъ ограниченными взглядами на міръ и на человѣка. Они гордились своимъ уединеннымъ возвышеніемъ надъ этими массами. Они и заплатили за это дорогою цѣною. Они должны были убѣдиться на опытѣ, что исключительное знаніе и исключительная мудрость немногихъ бессильны противъ некритической мысли массъ, которыя не затронуты этимъ знаніемъ и этой мудростью. Волна донсторическихъ вѣрованій въ своемъ ничѣмъ не

сдержимомъ ростъ, захлеснула наиболѣе рациональныя школы античныхъ любителей мудрости. Скептики и эпикурейцы стали вѣрующими неоплатониками, гностиками и христианами.

Механическое единство Римской Имперіи также мало могло послужить почвою солидарности человѣчества, какъ старинныя царства Рамзесовъ и Сеннахеримовъ, такъ какъ ни общіе экономическіе интересы, ни общее сознание развивающей идеи не связывали народы, подчиненные цезарямъ. Напротивъ: давно проснувшіяся стремленія къ свободѣ политической и къ независимости національной работали противъ идеи универсальной имперіи. Эти стремленія продолжали дѣйствовать въ томъ-же направленіи и позже, не позволяя установиться ни полуварварской державѣ Каролинговъ, ни Священной Римской Имперіи Гогенштауфеновъ съ ея феодализмомъ, ни господству Карловъ V, Людовиковъ XIV и Наполеоновъ I надъ новою Европою, ни эксплуатаціи колоній англійскою метрополіею, ни неограниченной власти Стюартовъ и Бурбоновъ надъ мнѣе обширной территоріей. Во имя политической свободы и національной независимости противу всѣхъ этихъ попытокъ объединенія людей механическимъ государственнымъ началомъ возникали не всегда удачныя, но постоянно возрождающіеся протесты. Имперія Римская, какъ Имперія Каролинговъ не только разложились на національные элементы, но, какъ-бы вслѣдствіе отвращенія къ государственной централизаціи, идеалу ихъ механическаго единства противоположился сначала странный политическій типъ варварскихъ королевствъ, въ которыхъ люди, жившіе рядомъ на той же небольшой территоріи, въ томъ-же городѣ, весьма часто были подчинены различнымъ законамъ, смотря по своему племенному происхожденію; а затѣмъ возникъ идеалъ феодальнаго разъединенія элементовъ государства. Швейцарія, Нидерланды, Греція отстояли въ разныя эпохи свою независимость, борясь на почвѣ очень различныхъ началъ. Во имя политической сво-

боды Англія возвела на эшафотъ Карла I, какъ позже Франція Людовика XVI. Возстаніемъ въ Сѣверной Америкѣ начался періодъ революцій, продолжающійся уже болѣе ста лѣтъ. Въ борьбѣ за національную независимость истекала кровью Польша и продолжала нѣсколько вѣковъ неравную борьбу Ирландія. Во имя свободы, равенства и братства три раза Франція призывала старую Европу на обновленіе, но два раза эти попытки привели лишь къ развращающему военному цезаризму. Въ теперь существующей, третьей французской республикѣ все болѣе чувствуется вредъ унаследованной отъ прежнихъ эпохъ политической и административной формальной централизаціи. Именно успѣхъ политическаго объединенія и преобладаніе надъ всѣми прочими интересами интересовъ политическихъ въ новой Германской Имперіи отравили въ послѣднія десятилѣтія работу мысли въ отечествѣ Гуттена и Канта, Гете и Шиллера, Фейербаха, Маркса и Лассаля грубымъ идеаломъ цезаризма Гогенцолерновъ. Результатомъ долгой борьбы между различными политическими формами и идеалами, борьбы полицейскаго государства противъ сословнаго, правоваго противъ полицейски-милитарнаго, результатомъ столѣтняго періода революцій, въ которомъ мы еще живемъ, — было для всѣхъ историческихъ странъ Европы и Америки — кромѣ нашей родины — лишь одно безспорное завоеваніе: всюду абсолютизмъ оказался болѣе или менѣе устраненнымъ какъ архаическая форма; всюду политическія партіи борются лишь за тѣ или другія частныя формы государственныхъ учрежденій, при чемъ предъ всѣми этими учрежденіями стоитъ одно и тоже требованіе, именно требованіе возможно-широкаго развитія личныхъ силъ, на сколько конкуренція и экономическія условія это позволяютъ, возможно-дѣятельное вліяніе всѣхъ личностей, болѣе или менѣе выгодно поставленныхъ въ экономическомъ отношеніи, на законодательство и на администрацію. Современные идеалы „правовыхъ“ государствъ суть идеалы обществъ,

способствующихъ индивидуальному развитію, но без-
сильныхъ въ сферѣ укрѣпленія и расширенія соли-
дарности между людьми. Отъ задачъ возможныхъ для
государства все опредѣленнѣе стали выдѣляться задачи
общества въ совокупности всѣхъ его функций, и по-
слѣднее все чаще стало противуполагаться первому.
Каково ни было-бы политическое будущее нынѣшнихъ
государствъ Европы и Америки, во всякомъ случаѣ
не на почвѣ политическаго объединенія, не во имя
политическихъ принциповъ можетъ быть рѣшена въ
будущемъ великая задача солидарности человѣчества.
Какъ результатъ социалистическихъ воззрѣній на этотъ
вопросъ можно привести слова Фридриха Энгельса:
„Общество, которое организуетъ заново производство
на основахъ свободы и равенства ассоціированныхъ
производителей, слаетъ всю государственную машину
туда, гдѣ ей тогда будетъ мѣсто: въ музей древно-
стей, рядомъ съ самопрялкою и съ бронзовымъ топо-
ромъ“.

Сначала обѣщало быть какъ будто успѣшнѣе поня-
тіе солидарности вѣрующихъ на почвѣ универсалисти-
ческой религіи. Но и она обнаружила еще болѣе без-
силія. Вѣрованія, оказавшіяся въ древности способны-
ми скрѣпить единство націй на почвѣ религіознаго
обычая, тѣмъ болѣе теряли возможность сдѣлаться проч-
ною связью для болѣе обширнаго общественнаго орга-
низма, чѣмъ болѣе значенія въ нихъ получало не ис-
полненіе обязательнаго обряда, а искреннее индивиду-
альное убѣжденіе. Отрицаніе мірскихъ заботъ въ виду
заботъ о царствіи небесномъ или о Нирванѣ вызывало
фатально въ личности пренебреженіе къ реальнымъ
интересамъ другихъ людей, слѣдовательно подрывало
всякое чувство реальной солидарности съ ближними.
Въ томъ-же смыслѣ дѣйствовала эгоистическая забота
о спасеніи своей индивидуальной души. Въ то-же
время выработка индивидуальнаго вѣрованія, отъ кото-
раго зависѣло это самое спасеніе, не могла не вызы-
вать въ области догматовъ — вовсе не логическихъ, а

большую частью противуръчивыхъ въ своей сущности — безчисленные различія и споры, ереси и расколы, опять таки противудѣйствовавшіе солидарности людей даже въ интеллектуальной сферѣ. Универсальная религія, между которыми самую значительную историческую роль играло христіанство, разрушили окончательно теоретическіе принципы раздѣльности націй, государствъ и расъ въ той формѣ, въ какой эта раздѣльность представлялась мыслящимъ людямъ въ древнемъ мѣрѣ; но это разрушеніе старыхъ теоретическихъ понятій объ общественной связи совершилось гораздо болѣе въ направленіи усиленія индивидуализма, чѣмъ въ направленіи созданія новыхъ болѣе прочныхъ элементовъ солидарности между людьми. Къ тому-же христіанство, ослабляя внутреннюю связь между элементами общественныхъ организмовъ, оказалось вовсе неспособнымъ устранить фактически борьбу между этими организмами, теоретическое значеніе различія которыхъ оно отрицало. Оно далеко не побѣдило всѣ переживанія борьбы между націями, не устранило все болѣе истребительныхъ войнъ между государствами, и даже не искоренило въ бѣломъ человѣкѣ высокомѣрное отношеніе къ „низшимъ“ расамъ. Христіанство оказалось вовсе не двигателемъ прогресса въ чловѣчествѣ въ обоихъ основныхъ элементахъ этого прогресса; всѣ явленія, входящія въ область послѣдняго и совершившіяся подѣ влияніемъ христіанства, были или заимствованы имъ извнѣ, или совершались помимо его прямыхъ требованій, даже въ противуръчій съ ними. Оно подчинило мысль догмату и потому явилось прямою помѣхою свободному развитію сознательной мысли въ гораздо большей степени, чѣмъ старинныя національныя религіи, подчинявшія человѣка преимущественно техникѣ общаго для всѣхъ обряда. Оно устанавливало солидарность вѣрующихъ на почвѣ личнаго убѣжденія въ формулы и мнѣя, недоступныя ни доказательству, ни даже ясному пониманію; эти бездоказательные и непонятные элементы вѣрованія вызы-

вали тѣмъ ббльшее разнообразіе исповѣданій, чѣмъ вѣра личности была искреннѣе и работа мысли энергичнѣе. По этому христіанству приходилось постоянно колебаться между слѣпымъ подчиненіемъ единой церкви — что подавляло развитіе мысли — и распаденіемъ вѣрующихъ на безчисленные оттѣнки сектаторства — что вело къ подрыву солидарности на самой почвѣ христіанскихъ вѣрованій. Отсюда получился неизбѣжный историческій фактъ, что во весь періодъ историческаго господства христіанства, оппозиція противъ его универсализма не прекращалась въ самой его средѣ. Экономическая борьба, вытекавшая изъ формъ производства и обмѣна, не только не исчезала въ братствѣ вѣрующихъ христіанъ, но обращала церковь въ свое орудіе, создавая новую форму собственности, конкурирующую съ прочими, церковное имущество. Аскетическое отношеніе къ благамъ міра было и осталось всегда настроеніемъ немногихъ и исключительныхъ личностей. Конкуренція націй и государствъ пользовалась сектаторскими различіями, чтобы установить въ католицизмѣ, православіи, англиканствѣ, въ лютеранизмѣ и кальвинизмѣ нѣчто подобное національнымъ и государственнымъ религіямъ древнихъ языческихъ народовъ. Споры сектъ и стремленіе наиболѣе развитыхъ личностей сдѣлать доступными пониманію догматы непонятные по своей сущности, подрывали самыя основы религіознаго мышленія, а за тѣмъ и религіознаго аффекта. Подъ эгидою церкви развивались другія соперничающія съ нею общественныя силы, ставившія себѣ задачи столь-же универсальныя. Это была теоретическая истина точной науки и философіи, чуждой всѣхъ религіозныхъ элементовъ, истина общая и очевидная для всѣхъ знающихъ и понимающихъ. Это была вполне-свѣтская нравственность, общая для всѣхъ развитыхъ участниковъ новой цивилизаціи. Это была космополитическая индустрія и торговля, связывающая интересы всѣхъ народовъ въ ихъ конкуренціи за обогащеніе на всемірномъ рынкѣ. Мало по малу

религіозные интересы стали для новой цивилизаціи отступать на второй планъ. Наука и литература стали все болѣе свѣтскими. Государство исключило изъ своего законодательства религіозные мотивы, и законъ сталъ „атеистомъ“. Разнообразіе неповѣданій и культъ сдѣлалось для христіанскаго общества однимъ изъ второстепенныхъ элементовъ культуры, очень мало вліяющимъ на остальные ея формы. Попытка религіи создать прочную универсалистическую почву для солидарности всего человѣчества оказалась вполнѣ неудачною.

Въ замѣну религіи выступили на это поприще ея только-что названныя соперницы, наука и индустрія, вступая въ связь все болѣе тѣсную и съ тѣмъ вмѣстѣ уясняя для людей великую историческую роль классовою борьбы, проходящей черезъ всю исторію, какъ реальная почва борьбы за политическую власть, борьбы за теоретическія и за социальныя міросозерцанія, борьбы за свободу мысли, слова, передвиженія. Формы производства измѣнились. Возникли громадныя мануфактуры. Пришли въ дѣйствіе могучія машины, замѣняющія силы и сообразительность ремесленниковъ. Наступилъ періодъ чудесъ пара и электричества. Но это былъ въ то-же время періодъ быстрого развитія пролетаріата, выносящаго на рынокъ свои силы, единственный товаръ, который остался въ его распоряженіи. Это былъ періодъ быстрой централизаціи капиталовъ, вымученныхъ изъ этого обдѣленного пролетаріата на плодородной для его эксплуататоровъ почвѣ добавочнаго труда. Наслѣдственные богатства стали безсильны передъ быстрымъ и громаднымъ возникновеніемъ богатствъ индустриальныхъ и биржевыхъ. Борьба политическихъ партій и государствъ оказалась въ зависимости отъ царей биржи. Наука и философія подчинились, какъ все остальное, господству капитала. Первая обратила всѣ свои силы, въ естествознаніи, на отысканіе новыхъ средствъ быстрого обогащенія тѣхъ, кто могъ присвоить орудія труда, въ политической

экономіи—на оправданіе, на прославленіе капиталистическаго строя общества и на попытки доказать его неизбежность. Философія провозгласила „разумность всего дѣйствительнаго“; она искала для дѣятельности человѣчества исключительно-утилитарныя основы; въ констатированной дарвинизмомъ въ природѣ борьбѣ за существованіе она находила аргументъ для идеализаціи подавленія слабыхъ сильными въ цивилизованномъ человѣческомъ обществѣ; въ виду-же слишкомъ рѣжущихъ глаза и все возрастающихъ бѣдствій большинства человѣчества, эксплуатируемаго меньшинствомъ царей индустріи и биржи, она выдвинула ученіе пессимизма. Экономическія силы выказали съ прямою очевидностью свое господство надъ судьбою народовъ и надъ исторіею человѣчества.

III

Но эти самыя экономическія силы въ своей исторической эволюціи выработали всѣ условія для появленія на сценѣ исторіи научнаго социализма, какъ общественнаго дѣятеля и какъ практическаго міросозерцанія.

Социализмъ не былъ въ исторіи человѣчества ни-сколько разрывомъ съ прошедшимъ, но, во всѣхъ отношеніяхъ, его логическимъ и неизбежнымъ слѣдствіемъ.

На раннихъ ступеняхъ работы философской мысли, предъ человѣкомъ всталъ, неопредѣленный и смутный, идеалъ справедливости. Тогда научныя методы лишь отрывочно усваивались самыми передовыми умами. Задачи нравственности еще только вырабатывались изъ пеленокъ обычая и изъ узъ религіозной заповѣди, исполняемой вслѣдствіе боязни гнѣва боговъ. А задачи социологіи едва были намѣчены въ борьбѣ интересовъ, при помощи эмпирическихъ приѣмовъ законодательства и замѣны однихъ учреждений другими. *Личность* стре-

милась быть справедливою и требовала для себя и для другихъ справедливости отъ отдѣльныхъ *лицностей*, отъ судей и правителей. Росло возмущеніе противъ *отдѣльнаго* несправедливаго самоуправца, противъ *отдѣльнаго* возмутительнаго закона. Требованія вырабатывающейся нравственности прилагались къ лицу, но не къ обществу.

Какъ только критическая мысль начала усвоивать⁷ пониманіе человѣка, какъ существа общественнаго, не имѣющаго возможности существовать внѣ общества и находящаго лишь въ общественныхъ формахъ удовлетвореніе своимъ личнымъ требованіямъ, возникли сами собою вопросы: какія формы общества наилучше удовлетворяютъ потребностямъ человѣка? Какъ слѣдовало бы измѣнить существующія общественныя формы для удовлетворенія этихъ его экономическихъ, политическихъ, культурныхъ и нравственныхъ потребностей? — Начались теоретическія разсужденія объ относительной выгодѣ монархій, аристократіи, демократій и о злоупотребленіяхъ ими вызываемыхъ. Возникли фантастическіе образы придуманныхъ обществъ, социальныхъ утопій, гдѣ человѣку было-бы хорошо жить. Почти инстинктивно среди общества, гдѣ возможность заставить другихъ работать на себя была достоинствомъ, гдѣ частная собственность и отдѣльныя семьи были незапамятно-древнимъ учрежденіемъ, въ идеаль счастливаго общежитія вошло составнымъ элементомъ представленіе о всеобщемъ трудѣ со времени „Утопій“ Томаса Мора; а къ еще болѣе ранней эпохѣ, къ Платону, возводилось въ подобныхъ идеалахъ представленіе объ общей собственности и о противосемейномъ общежитіи. Умственная забава фантастическими теоріями общества у однихъ и умственная потребность создавать въ воображеніи строй, удовлетворяющій желанія человѣка, стали дѣлаться все чаще мотивами литературныхъ произведеній. Наступилъ періодъ революцій. Люди дѣлали попытки самого рѣшительнаго разрыва съ прежнею культурою; самые смѣлые экспе-

рименты предлагались и совершались въ области политическихъ учреждений и идей. Тогда именно вошло въ сознание всѣхъ мыслящихъ личностей міра, что абсолютизмъ есть форма архаическая, противурѣчащая всѣмъ условіямъ благосостоянія и развитія человѣка, и что онъ не только не можетъ быть источникомъ тѣхъ благодѣтельныхъ реформъ и преобразованій, которыхъ еще XVIII-ый вѣкъ ожидалъ отъ государей-реформаторовъ и министровъ-деспотовъ, но что онъ составляетъ деморализующій элементъ и позоръ для общества, его допускающаго въ своей средѣ. Рядомъ съ этимъ, при усиливающемся противуположеніи понятій о государствѣ и объ обществѣ, не могло не возникнуть стремленіе совершить разрывъ съ прежними формами жизни не только въ области политическихъ учреждений, а въ обществѣ въ его цѣломъ. Сторонники революціонныхъ приемовъ угадывали, что лишь рѣшеніе этой задачи можетъ привести къ дѣйствительному завершенію періода революцій и пытались осуществить „общество равныхъ“. Люди, испуганные политическими революціями и видѣвшіе около себя общество еще болѣе испуганное ими, предлагали этому обществу гораздо болѣе радикальную революцію въ привычкахъ, въ преданіяхъ, въ представленіяхъ о личныхъ интересахъ и въ формахъ ихъ осуществленія, какъ средство охранить себя отъ политическихъ катастрофъ. Великіе утописты начала нашего вѣка подвергали самой развѣдающей критикѣ современную имъ „цивилизанію“ съ безобразіями ея всеобщей конкуренціи за обогащеніе и со всѣми продуктами этой конкуренціи. Но они, въ своихъ картинахъ гармоническаго общежитія, пытались удовлетворить нравственныя потребности справедливости не особенно глубоко-вдумываясь въ вопросъ: какъ могъ-бы совершиться переходъ отъ общественнаго строя, опирающагося на всеобщую конкуренцію, къ обществу солидарному? Сен-Симоны, Шарль Фурье и Оуэны вѣрили въ силу слова и примѣра для достиженія періода обществен-

ной гармоніи. Они вѣрили, что привлекательность общежитія ими обѣщаннаго, и логичность ихъ социальныхъ критикъ должны найти сочувствіе и содѣйствіе. Они вѣрили, что небольшое модельное общежитіе, основанное по ихъ теоріи гдѣ нибудь въ Америкѣ, вызоветъ неизбѣжно подражаніе. Они обращались къ честолюбію государей и капиталистовъ, лаская ихъ титуломъ „омніарха“. Они сами и ихъ ученики пытались даже не разъ основать модельныя общежитія, которыя могли-бы служить примѣрами для остальнаго человѣчества. Они въ своихъ планахъ перестройки общества опирались на признанное господство экономическихъ мотивовъ надъ всѣми остальными, на замѣчательную идею организаціи труда на почвѣ труда соотвѣтствующаго личнымъ влеченіямъ, на рациональное начало ассоціаціи рабочихъ силъ. Они сознавали, что старыя религіи съ провозглашаемымъ ими пренебреженіемъ къ матеріальнымъ интересамъ въ виду интересовъ иного міра не могутъ быть опорой новаго гармоническаго общества, преслѣдующаго цѣли реального благополучія и реальной справедливости; что надо имъ создать новую „религію человѣчества“, чуждую старымъ фантастическимъ образамъ, или прямо стремиться къ общественнымъ формамъ и къ общественному развитію, отрицающимъ всякій религіозный элементъ. Но эти замѣчательныя попытки осуществленія общественнаго благополучія и общественной справедливости были обречены на неудачу, потому что они игнорировали нѣкоторыя основныя условія существующія для общественныхъ трансформаций.

Онѣ, на основаніи требованій благополучія и справедливости, присущихъ развитому человѣку, стремились осуществить въ реальномъ обществѣ, имѣвшемъ свою исторію, полный переворотъ въ строѣ, выработанномъ этою исторією, и думали сдѣлать это преимущественно на почвѣ иного *распределенія* продуктовъ труда и иной формы *организаціи* этого труда.

Но, во первыхъ, для періода, принадлежащаго раз-

впиту мысли критической, необходимо было, чтобы понятія о благополучіи и о справедливости для личности и для общества были научно обоснованы. Были ли же для великихъ социальныхъ утопистовъ начала нашего вѣка вполне выяснены вопросы: что именно въ существующей организаціи труда вызывало страданія массъ и возмущеніе мыслящихъ людей? На сколько источники этихъ страданій и возмущеній были ясно поняты сенсимонистами, когда они вообще противопоставляли политическимъ задачамъ задачи „индустриі“, охватывая этимъ терминомъ и предпринимателей и рабочихъ? Или фурьеристами, когда они давали капиталу и труду одинаково право на долю въ пользованіи блаженствомъ гармоническаго общества?—Самое понятіе объ экономической справедливости не могло представиться съ достаточною ясностью ранѣе того, когда въ основу нравственнаго убѣжденія легли слѣдующія экономическія положенія: всѣ цѣнности суть продукты труда; рабочіе въ своей коллективности создали всю совокупность этихъ продуктовъ; въ настоящемъ экономическомъ строѣ происходитъ постоянно раздѣленіе этихъ продуктовъ, при чемъ, съ совершенствованіемъ производства, все *меньшая* доля предоставляется рабочему и все *большая*, какъ *незаработанный* доходъ, переходитъ въ руки предпринимателя и рантьеера какъ обладателей орудія труда; это есть *основная* несправедливость нынѣшняго строя и основной источникъ страданій рабочихъ массъ. — Лишь на основаніи этихъ положеній могла создаться критически обоснованная научная нравственность въ области экономическихъ отношеній, съ ея руководящими заповѣдями: такъ какъ *незаработанный* доходъ есть *основная* и *высшая* общественная несправедливость то противъ нея убѣжденному человѣку нашего времени приходится бороться прежде всего; всякая общественная форма, допускающая *незаработанный* доходъ, есть форма несправедливая и безнравственная, которая должна быть предметомъ борьбы; въ средѣ самой индустриі -- господству-

ющего элемента въ современномъ обществѣ — существуетъ непримиримое противуположеніе между обладателями орудіями труда и рабочими; оно составляетъ болѣе коренное раздѣленіе какъ по экономическимъ интересамъ такъ и по нравственнымъ отношеніямъ къ тому или другому классу, чѣмъ другія общественныя раздѣленія, тѣмъ болѣе, что большинство этихъ послѣднихъ зависитъ именно отъ этого противуположенія; а потому въ нравственную обязанность убѣжденнаго человѣка нашего времени входитъ энергическое участіе въ борьбѣ труда съ капиталомъ, не позволяющей никакихъ сдѣлокъ между ними и цѣль которой — передать всѣ орудія труда въ руки коллективности рабочихъ и прекратить въ корнѣ всякій незаработанный доходъ. — Эта передача и это прекращеніе вошли въ настоящее время, на научномъ основаніи экономическихъ изслѣдованій, въ идеаль справедливаго общенія какъ безусловный элементъ этого идеала, при чемъ все остальное въ научной теоріи общественной нравственности зависитъ отъ этого элемента.

Во вторыхъ, преобразование общественныхъ формъ, охватывающее значительную долю социальнаго строя, никогда не совершалось и не можетъ совершаться путемъ прямого перенесенія новыхъ социальныхъ представленій изъ проповѣди или изъ книги общественнаго новатора въ общественную жизнь. Рядомъ съ людьми убѣжденія, способными самостоятельно измѣнить свою жизнь, но всегда малочисленными, и съ людьми аффекта, увлекающимся на время привлекательною новизною, большинство всякаго общества принадлежитъ людямъ привычки, крайне неохотно мѣняющимъ свой образъ жизни; да и сами люди аффекта и убѣжденія хранятъ въ себѣ полубезсознательныя, но сильныя побужденія, обусловленные накопившимися привычками поколѣній. Даже интересы, которые всегда были самымъ могучимъ побужденіемъ для борьбы съ обычаемъ, вызываютъ въ обществѣ рѣшеніе возстать противъ традиціонныхъ формъ лишь при определен-

ныхъ условіяхъ. Большою частью крупное социальное измѣненіе медленно подготавливается распаденіемъ старыхъ формъ и выработкою въ нихъ, вслѣдствіе ихъ условій существованія и развитія, формъ новыхъ, ихъ подрывающихъ. Въ этого оно можетъ совершиться лишь путемъ заимствованія извнѣ другихъ формъ, выдержавшихъ долгій опытъ въ достаточно обширныхъ размѣрахъ, а не въ какомъ-либо небольшомъ модельномъ обществѣ людей. Тогда подобное измѣненіе можетъ иногда имѣть мѣсто, какъ результатъ идейной пропаганды, переходящей въ практическую перестройку общества. Феодалный строй замѣнилъ предшествовавшія ему государственныя формы, въ которыхъ традиціи Римской Имперіи смѣшивались съ традиціями родового быта варваровъ, лишь постепеннымъ, едва замѣтнымъ, рядомъ измѣненій совершавшихся въ сотняхъ мѣстностей обширной территоріи, такъ что историкъ не можетъ указать ни моментъ перехода отъ одного строя къ другому, ни тѣмъ менѣе какого-либо новатора-проповѣдника, создавшаго теорію феодализма для ея приложенія въ жизни. Когда церковь съ ея іерархіей и съ ея каноническимъ правомъ воспринималась обществами вновь обращенными въ христіанство, она представляла примѣръ готовой социальной организаціи въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, которые подавляли колебаніе. Когда англійскія парламентарныя формы стали образцами для конституціоналистовъ материка Европы, онѣ имѣли за себя длинную исторію могущественнаго государства. Но гдѣ въ общественномъ строѣ начала XIX-го вѣка были подготовительныя формы для фаланстеровъ Фурье, для Икаріи Кабэ? Гдѣ были образцы обширныхъ обществъ, способныхъ сдѣлаться предметомъ заимствованія не только въ глазахъ немногихъ убѣжденных или увлеченныхъ личностей, но массы людей, руководимыхъ привычками и интересами?

Для того, чтобы социализмъ сталъ практическою задачею общественныхъ реформъ или революцій, необ-

ходимо было не только, чтобы идеаль солидарнаго общества трудящихся выработался какъ идеаль осуществимый и привлекательный въ умѣ нѣсколькихъ геніальныхъ утопистовъ и сгруппировалъ около нихъ нѣкоторое количество пламенныхъ приверженцевъ; не только, чтобы кое-гдѣ образовались небольшія модельныя общества на почвѣ новыхъ теорій, способныя просуществовать достаточно долго (что, къ сожалѣнію, фактически не имѣло мѣста) и вызвать подражаніе въ другихъ столь-же маленькихъ кружкахъ людей; необходимо было даже не только, чтобы для людей нравственно-развитыхъ борьба противъ существованія незаработаннаго дохода и противъ капиталистическаго строя, на немъ основаннаго, стала высшею заповѣдью общественной нравственности. Необходимо было, чтобы создалась *рабочая партія*. Для этого-же было, въ свою очередь, необходимо, чтобы, съ одной стороны, рядъ фазисовъ борьбы за власть между различными группами экономически господствующихъ классовъ выработалъ почву либеральныхъ идей и правовыхъ учрежденій, которые дозволили-бы и рабочему классу сплотиться, положить начало крѣпкой организаціи и развить ее. Необходимо было, чтобы, съ другой стороны, капиталистическое производство и капиталистическое хозяйство само создало въ средѣ общества, надъ которымъ его господство распространялось все болѣе широко и неудержимо, элементы того общественнаго строя, который долженъ его замѣнить.

Въ процессѣ созданія чудесъ современной индустріи и выработки массъ пролетаріевъ, выносящихъ свои руки на рынокъ, формировалась съ одной стороны армія трудящихся, все болѣе опредѣленно противопоставляющихся меньшинству личностей, живущихъ незаработаннымъ доходомъ отъ труда этой все растущей арміи. Борьба классовъ, которая продолжалась во всѣ эпохи исторіи, прикрываясь самыми разнообразными мотивами, теперь выступила на самый первый планъ исторіи, все болѣе заслоняя всѣ прочіе интересы. Въ

Германіи, въ Бельгіи, во Франціи, въ Великобританіи, въ Америкѣ и въ другихъ странахъ организовались рабочія партіи, противуполагающія *свою* политическую и экономическую программу другимъ партіямъ, или выработываются подобныя организациі. Ростъ этихъ партій представлялъ и представляетъ любопытныя явленія. Сначала формы крупной индустріи путемъ естественнаго развитія создали организациі рабочихъ на большихъ заводахъ и въ горномъ производствѣ, и здѣсь, казалось, существовалъ единственный матеріалъ для этого годный. Но сокращающіе приемы идейной пропаганды, подражанія и заимствованія на нашихъ глазахъ расширили поле боевой организациі рабочихъ. Небольшія ремесла послѣдовали примѣру крупныхъ массъ индустріальныхъ рабочихъ. Понемногу втягивается въ социалистическое движеніе мелкая буржуазія, разоряемая конкуренціею акціонерныхъ обществъ, царей индустріи и биржи. Пропаганда искусныхъ агитаторовъ, ко всеобщему удивленію, сплотила чернорабочихъ, пресловутыхъ оборванцевъ (*Lumpenproletariat*) на докахъ Лондона. Въ то время какъ я пишу эти строки, въ Англіи, въ Германіи, во Франціи на очередь социалистическихъ конгрессовъ поставленъ аграрный вопросъ и французскіе индустріальные рабочіе собираются нести „благую вѣсть“ новаго союза въ деревни, какъ дѣлаютъ это съ самаго начала социалисты румынскіе, какъ пробовали дѣлать это, идя „въ народъ“, русскіе пропагандисты социалистической интеллигенціи 20 лѣтъ тому. Капитализмъ создалъ первые корпуса арміи рабочаго социализма; логическій процессъ развитія движенія придалъ этой арміи силу роста, которая не имѣетъ основанія остановиться, пока не охватитъ всѣ формы эксплуатируемаго труда. Борьба труда съ капиталомъ, которая для наиболѣе развитыхъ личностей, стала высшею нравственною заповѣдью, обратилась для массъ не только въ задачу самыхъ жгучихъ ихъ интересовъ, но какъ-бы охватила въ умѣ сознательныхъ рабочихъ, *всѣ* задачи социализма.

Но этимъ не ограничился процессъ подготовленія капитализмомъ строя, который долженъ замѣнить его. Космополитическая индустрія, космополитическая торговля и космополитическая биржевая спекуляція, связывая интересы капиталистовъ всего міра въ процессъ эксплуатаціи всего человѣчества, вызывали все болѣе ясное сознаніе и среди рабочихъ обществъ *и* классовыхъ интересовъ во всѣхъ индустріальныхъ странахъ: рабочій Интернаціональ, какъ союзъ всего рабочаго человѣчества, явился въ сознаніи рабочихъ вполне-естественнымъ отраженіемъ всемірнаго развитія капиталистическаго хозяйства. Громадные акціонерные союзы и компаніи всякаго рода смѣшали представленія о собственности индивидуальной и о собственности общественной въ кооперативныхъ операціяхъ; торговые, промышленные и биржевые крахи сдѣлали личную собственность непрочною; и вотъ эта собственность, которая ложилась съ доисторическихъ временъ въ основу всего экономическаго строя, стала все болѣе терять свое истинное значеніе обезпеченія личности въ экономическомъ отношеніи, и личный интересъ принудилъ эту личность искать себѣ обезпеченія въ другихъ экономическихъ формахъ. Всѣ богатства стали шатки вслѣдствіе развитія спекуляціи, постоянно переводящей ихъ изъ однихъ рукъ въ другія и то создающей ихъ громадную централизацію, то разрушающей эти свои созданія внезапными катастрофами, чтобы создать новыя. Это принудило государства, единственные социальныя организмы, еще удержавшіе нѣкоторую самостоятельность при развитіи капиталистическаго строя, приступить къ приѣмамъ обобществленія нѣкоторыхъ социальныхъ функцій (почтъ, телеграфовъ, кое-гдѣ желѣзныхъ дорогъ и т. под.). Это, въ свою очередь, были наглядные частные образцы для „общественныхъ службъ“ въ строѣ, гдѣ на *всѣ* социальныя функціи распространились-бы приемы огражденія этихъ функцій отъ случайностей частной спекуляціи. Это случайное столкновеніе государственнаго начала съ могу-

ществомъ капитала вызвало даже въ головахъ нѣкоторыхъ политическихъ теоретиковъ или практическихъ дѣльцевъ привлекательную для нихъ иллюзію „государственнаго социализма“. Онъ, съ одной стороны, долженъ былъ дать мгновеннымъ обладателямъ власти возможность править путемъ указовъ и декретовъ. Онъ, съ другой, подорвалъ-бы самостоятельную агитацію рабочихъ. Онъ внушилъ-бы имъ деморализующую мысль, что политическая власть есть нѣчто, имѣющее свою прочную опору внѣ общественныхъ классовъ, борющихся между собою за существованіе или за господство; что эмансипація рабочихъ можетъ быть совершена людьми или учрежденіями, цѣль которыхъ—усилить *свою* власть при поддержкѣ рабочихъ классовъ; что это можетъ имѣть мѣсто внѣ политической силы, создаваемой спланированіемъ самихъ рабочихъ или созданной ихъ сторонниками для немедленной передачи этой силы въ ихъ руки. Эта иллюзія, тѣмъ болѣе вредная, чѣмъ архаичнѣе политическія формы, надѣвающія маску государственнаго социализма, была встрѣчена въ послѣднее время самую рѣшительною враждою со стороны всѣхъ убѣжденныхъ социалистовъ, вдумавшихся въ роль государственнаго начала въ исторіи. Впрочемъ, социализмъ, въ своемъ ростѣ, не нуждался въ помощи со стороны нынѣшнихъ государствъ разныхъ формъ. Его классовые враги сами готовили его побѣду. Во всѣхъ главныхъ отрасляхъ индустріи производство и движеніе капиталовъ получало все болѣе коллективный характеръ; съ тѣмъ вмѣстѣ предъ распределеніемъ богатствъ, предъ обладаніемъ всеми орудіями труда становилась фатально задача принять форму коллективную.

Неожиданные результаты получались изъ процесса развитія всеобщей конкуренціи интересовъ. Она все расширялась на почвѣ частной собственности безремонтной эксплуатаціею большинства меньшинствомъ наиболѣе способныхъ и развитыхъ личностей. Росло безусловное подчиненіе рабочихъ массъ, все неудер-

жимѣе обращающихся въ пролетаріевъ, меньшинству, все успѣшнѣе концентрирующему въ своихъ рукахъ и продукты труда и его орудія. Но именно этотъ процессъ самъ собою подготавливалъ и сплачивалъ армію враговъ капитала. Онъ вносилъ въ ихъ ряды сознание солидарности ихъ интересовъ и жажду борьбы противъ ихъ эксплуататоровъ. Наконецъ онъ подрывалъ то самое понятіе о частной собственности, которое дало ему начало. Онъ выработывалъ для социализма и пункты его теоретической программы, и частные образцы общественныхъ формъ, которымъ необходимо было придать лишь болѣе широкое приложеніе въ будущемъ. Борьба труда противъ капитала, какъ двухъ издавна враждебныхъ классовъ, теперь пришедшихъ лишь къ полному сознанию основъ своей враждебности, существеннаго противуположенія ихъ интересовъ и невозможности мирной сдѣлки между ними, оказалась окончательнымъ результатомъ историческаго процесса, вызваннаго интересами личностей. И она-же поставила предъ представителями труда, какъ необходимое условіе для ихъ побѣды, солидарность рабочихъ всего міра, т. е. солидарность всего человѣчества. При этомъ трудъ являлся уже не мистическимъ проклятіемъ, не ненавистнымъ продуктомъ нужды, унижающимъ рабочаго предъ работодателемъ, но единственнымъ основаніемъ солидарности, способной обезпечить побѣду интересовъ всѣхъ трудящихся. Впервые въ исторіи интересы всѣхъ отдѣльныхъ личностей совпали съ нравственными требованіями справедливаго строя. Впервые потребность индивидуальнаго развитія поставила себѣ ту-же самую цѣль, какъ и требованіе солидарности членовъ общества и при томъ въ самой широкой постановкѣ послѣдней, какъ солидарность всего человѣчества.

Социализмъ не отрекся ни отъ одного изъ здоровыхъ идеаловъ прошедшаго, сблизившихъ между собою отдѣльныя личности, но всѣ эти идеалы преобразовались и прониклись болѣею жизненностью подъ его благо-

творнымъ вліяніемъ. Тѣсный союзъ „своихъ“ въ родовомъ бытѣ и исключительный аффектъ, связывающій небольшую семью, лишь поставилъ себѣ задачею расширяться, охватывая братскимъ чувствомъ всѣхъ трудящихся для коллективнаго блага и оставляя „чужими“ лишь тѣхъ, кто настанвалъ на пользованіи незаработаннымъ доходомъ. И при этомъ новое братство не опиралось на тупое подчиненіе обычаю, подавляющее индивидуальное развитіе, какъ это было въ первобытномъ родѣ, но *требовало* самого широкаго развитія каждой личности. Оно не ограничивало солидарный союзъ небольшимъ числомъ лицъ, связанныхъ зоологическими влеченіями, какъ это было по самой сущности, въ семьѣ, но *требовало* и безграничнаго расширенія и связи на почвѣ яснопонятыхъ интересовъ, глубокопродуманныхъ убѣжденій. Патріотизмъ, какъ унаследованный аффектъ, сближающій людей одного языка и одной культуры, перешелъ, изъ чувства враждебности между націями и изъ ихъ стремленія взаимнаго приниженія, въ задачу соревнованія между ними, при чемъ каждая стремилась-бы лучше, скорѣе и полнѣе осуществить идеаль коопераціи всѣхъ трудящихся и въузой дѣятельности стать лучшимъ примѣромъ для другихъ націй. Эстетическія стремленія оказались настолько не противурѣчащими задачамъ социализма, что передъ воображеніемъ одного изъ самыхъ искреннихъ социалистовъ и изъ самыхъ блестящихъ поэтовъ нашего времени, Уильяма Морриса, эпоха торжества социализма рисуется какъ „эпоха отдыха“, когда, по окончаніи борьбы, первое мѣсто стали-бы занимать эстетическіе мотивы привлекательной жизни. Религія съ ея фантастическими учителями противурѣчивой нравственности должна уступить мѣсто реальнымъ заповѣдямъ, въ которыхъ формулировано согласіе интересовъ отдельныхъ личностей и стремленія ко всеобщей солидарности; при этомъ самоотверженіе борцовъ за осуществленіе этихъ заповѣдей не уступаетъ и не уступить самоотверженію крестоносцевъ, которые несли во-

тима „любви къ ближнему“, раззореніе и гибель въ страны язычниковъ и мусульманъ, самоотверженію миссіонеровъ, которые шли на мученичество, чтобы вѣру въ фетишъ негра замѣнить вѣрою въ реликвию угодника. Наука, наконецъ, сдѣлалась не только единственною опорою для теоретическаго міросозерцанія и для творчества общественныхъ формъ у социалистовъ, но именно она завершила своими непобѣдимыми методами прочность требованій социализма.

Совпаденіе интересовъ и нравственныхъ задачъ на почвѣ научнаго социализма, какъ видно уже изъ только что сказаннаго, имѣло еще иную основу, болѣе точную и убѣдительную для мыслящихъ людей. Интересы и нравственные аффекты, оставаясь въ области субъективной, могли стремиться къ невозможному. По объективное изученіе процесса исторіи показало, что всѣ фазисы экономической исторіи человѣчества шли одинъ за другимъ въ неизбѣжной, строго опредѣленной послѣдовательности. На почвѣ развитія производства и обмѣна выработывались общественныя формы. На почвѣ интересовъ выработывалась и прилагалась все шире критическая мысль. Въ логическихъ процессахъ сознательной мысли росла въ обществѣ сила, которая сама собою вела къ истинѣ, даже тогда, когда, въ борьбѣ интересовъ, партіи пытались добиться выводовъ въ свою пользу. Наука, преслѣдуя въ капиталистическомъ періодѣ интересы индустріи, невольно стала передъ великими законами эволюціи. Всѣ формы общественныя, подобно всѣмъ формамъ біологическимъ, оказались переходящими фазисами біологическаго и соціологическаго трансформизма, „историческими категоріями“. Частная собственность, тѣсная семья, отдѣльное государство, самъ государственный строй, перестали быть вѣковѣчными условіями самой природы человѣка, но обнаружили передъ серьезнымъ изслѣдователемъ свой общій характеръ продуктовъ опредѣленнаго момента, и могли поэтому — даже, можетъ быть, должны были — замѣниться въ будущемъ иными столь

же необходимыми „историческими категориями“. Какъ формы материнскаго и отцовскаго рода подготовляли въ прошедшемъ государственную жизнь, ихъ поглотившую и замѣнившую, такъ капиталистическій строй подготовлялъ и готовитъ совершенно иной строй, которому онъ служитъ историческимъ предшественникомъ. Научно-философская мысль на почвѣ прежнихъ пріобрѣтеній вырабатывала новыя. Во имя „разумности всего дѣйствительнаго“ она стала приглядываться къ вопросу: въ чемъ именно заключается *настоящая* дѣйствительность, а, слѣдовательно, и настоящая *разумность*? Рядомъ съ изученіемъ права въ виду цѣлей государственной жизни, сначала выступила, какъ наука болѣе основныхъ общественныхъ явленій, политическая экономія, но затѣмъ и она, и старинная наука права вошли лишь элементами въ *соціологію*, которая поставила себѣ задачею изучить формы и условія солидарности на почвѣ постоянныхъ и временныхъ, здоровыхъ и болѣзненныхъ человѣческихъ потребностей, какъ онѣ развились въ продолженіи исторіи. Тогда въ основѣ всего движенія исторіи и какъ главное препятствіе человѣческой солидарности всегда и всюду, оказалась *борьба классовъ*, которая явилась подкладкой чуть ли не всѣхъ формъ борьбы за власть, за свободу, за независимость, за различные историческіе идеалы. Не только интересы рабочихъ, не только жажда справедливости, но ясное пониманіе процесса всей предыдущей исторіи вызвало для настоящаго времени, какъ ея продуктъ и какъ продуктъ всей предшествовавшей работы мысли, положенія научнаго социализма, и продиктовало Марксу и Энгельсу ихъ знаменитую формулу: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Логическая и историческая необходимость поставила предъ рабочимъ пролетаріатомъ, вызваннымъ къ существованію борьбою классовъ, великую цѣль: прекратить эту борьбу прекращеніемъ раздѣльности классовъ; продолжать начатый капитализмомъ процессъ обобществленія всѣхъ орудій труда, передавая ихъ всѣ въ руки кол-

лективности трудящихся; осуществить единство человечества уже не на почвѣ мудрости исключительныхъ личностей, не на почвѣ механическаго государства или фантастическаго вѣрованія, но на реальной почвѣ интересовъ всѣхъ участниковъ коллективнаго труда для коллективнаго блага; на доступной всѣмъ развитымъ людямъ нравственной почвѣ солидарности людей въ справедливомъ общежитіи; на почвѣ научно-понятой исторической эволюціи, которая неотразимо вырабатываетъ всѣ высшія формы изъ низшихъ, цивилизацію изъ дикости, социализмъ изъ капитализма.

Оба элемента человѣческаго прогресса связаны научнымъ социализмомъ въ одно нераздѣльное цѣлое. Развитие сознательной мысли каждой личности опирается на солидарное содѣйствіе всѣхъ людей развитію каждаго изъ нихъ. Во всеобщемъ коллективномъ трудѣ личностей, вслѣдствіе собственнаго развитія все лучше усвоивающихъ взаимную зависимость, солидарность людей получила вполне реальную основу и, охвативъ въ своемъ идеалѣ все трудящееся человечество, дошла до предѣловъ возможнаго расширенія.

Процессъ исторіи неудержимо привелъ, на почвѣ борьбы интересовъ, рабочій классъ къ современному рабочему социализму, какъ требованію борьбы между трудомъ и капиталомъ. Процессъ уясненія нравственнаго убѣжденія привелъ развитыхъ людей нашего времени къ задачамъ, которыя могутъ быть осуществлены лишь въ социалистическомъ обществѣ. Процессъ расширяющагося научнаго пониманія привелъ всѣхъ понимающихъ къ научному убѣжденію, что научный социализмъ есть необходимый продуктъ всей предыдущей исторіи и подготовленъ нынѣшнимъ ея фазисомъ во всѣхъ его элементахъ и во всѣхъ его требованіяхъ.

IV

Мнѣ осталось разсмотрѣть, какія видоизмѣненія пред

ставилъ въ нашемъ отечествѣ этотъ историческій процессъ стремленія къ прогрессу, выработавшій въ наше время социалистическое движеніе.

На предыдущихъ страницахъ сдѣлана слабая попытка указать *общій* ходъ исторіи въ этомъ отношеніи; но на каждой ступени эволюціи человечества задачи эпохъ были поставлены различно для различныхъ странъ и группъ людей, такъ какъ элементы прошлыхъ эпохъ переживали въ разныхъ мѣстностяхъ въ различномъ количествѣ и въ различныхъ комбинаціяхъ. Препятствія для рѣшенія задачъ эпохи были въ каждомъ случаѣ иные. Иныя были и формы борьбы противъ этихъ препятствій.

Соціализмъ стоитъ задачею настоящей эпохи передъ всѣми народами новой цивилизаціи. Пробужденіе въ средѣ рабочихъ классового сознанія, организація рабочей партіи и борьбы ея съ капиталистическимъ хозяйствомъ суть всюду необходимыя условія установленія социалистическаго строя. Но въ разныхъ странахъ довольно различны препятствія, представляемые какъ юридическими такъ и культурными условіями свободной организаціи рабочихъ и ихъ успѣшной борьбѣ съ нынѣшними экономическими условіями. Поэтому и приемы, помощью которыхъ осуществляются или подготавливаются упомянутыя необходимыя условія торжества социализма должны быть тоже болѣе или менѣе различны. Въ одной странѣ, какъ въ Бельгіи, приходится еще завоевывать общее право избирательства. Въ другой, какъ въ Германіи, приходилось бороться противъ жестокихъ законовъ, направленныхъ еще недавно противъ социалистовъ, да и теперь приходится считаться съ милитаризмомъ, обращающимъ значительную долю парламентскихъ „свободъ“ въ фикціи. Въ третьей, какъ въ Англіи, распространеніе классового сознанія среди рабочихъ и организація самостоятельной рабочей партіи встрѣчали и встрѣчаютъ еще препятствіе въ рутинѣ традиціонныхъ рабочихъ организацій трэдс-юнионовъ. Въ четвертой, какъ во Франціи, традиція бле-

стоящихъ политическихъ революцій прежняго времени мѣшается въ значительной мѣрѣ усвоенію совсѣмъ иныхъ задачъ революціи социальной. Во всѣхъ этихъ странахъ, какъ и въ большинствѣ другихъ, юридическія и культурныя условія позволили рабочей партіи сформироваться, или въ значительной мѣрѣ подготовиться къ крѣпкой организаціи. Тѣмъ не менѣе и здѣсь повсюду социалисты-революціонеры, при осуществленіи или при подготовленіи удобныхъ условій для социальной борьбы, должны искать иныхъ союзниковъ, выставлять иные программы непосредственной дѣятельности, употреблять иную тактику, а потому и историческій ходъ социалистическаго движенія оказывается нѣсколько различнымъ въ частностяхъ.

Тѣмъ естественнѣе было существованіе особенностей въ этомъ ходѣ въ нашемъ отечествѣ.

Россія — единственная страна въ Европѣ, гдѣ абсолютизмъ сохранился въ самой своей архаической формѣ, и гдѣ всѣ элементы политической жизни, прежде существовавшіе, были раздавлены имъ въ своемъ развитіи.

Она — единственная страна въ Европѣ, гдѣ юридическія условія безусловно препятствуютъ сколько-либо серьезной организаціи рабочей партіи и потому единственная, гдѣ эта партія не существуетъ.

Еще менѣе полувѣка тому въ ней между интеллигенціею, пробудившеюся къ исторической жизни, и массами народа зіяла пропасть крѣпостничества, деморализующаго и раба и рабовладѣльца, и слѣды этого гибельнаго раздвоенія еще живутъ въ недовѣріи или въ прямой враждебности народа къ интеллигенціи, въ которой онъ продолжаетъ видѣть „баръ“.

Еще два вѣка тому назадъ Россія стояла внѣ западно-европейской цивилизаціи, какъ византійско-татарское царство; въ то время, когда мысль европейская выставила уже Бэкона и Декарта, могла гордиться Лейбницемъ и Ньютономъ, когда двѣ революціи въ Англіи уже пытались выработать правовое государство.

Передъ русскою интеллигенціею въ эти два вѣка былъ поставленъ прежде всего вопросъ усвоить задачи прогресса въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ выработала и продолжала выработывать свѣтская европейская цивилизація въ этотъ періодъ. Россія должна была усвоить техническія приобрѣтенія, научное пониманіе и научное міросозерцаніе Запада.

Съ послѣднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка этотъ вопросъ индивидуальнаго развитія усложнился вопросомъ общественнаго прогресса. Русская интеллигенція, стремившаяся *вмѣстѣ* съ реформаторскимъ абсолютизмомъ Петра и Екатерины къ завоеванію себѣ мѣста въ средѣ передовой цивилизаціи міра, должна была усвоить убѣжденіе, что абсолютизмъ есть начало архаическое, отупляющее и деморализующее общество; что дальнѣйшій прогрессъ возможенъ для русскаго общества лишь при самостоятельной работѣ интеллигенціи для личнаго развитія; при самостоятельномъ стремленіи къ творчеству общественныхъ формъ, которыя уничтожили-бы расколъ между интеллигенціею и массами въ виду общественной солидарности; при *борьбѣ* съ абсолютизмомъ, существованіе котораго не примиримо ни съ личнымъ достоинствомъ человѣка, ни съ устройствомъ солидарнаго общежитія. Если русская интеллигенція имѣла въ виду играть историческую роль, достойную развитыхъ людей, ей приходилось выступать какъ воспитательный элементъ для націи, который *одинъ* могъ быть проводникомъ передовыхъ гуманитарныхъ идей и рациональныхъ общественныхъ реформъ въ массы, подавленные крѣпостничествомъ и обезличенныя абсолютизмомъ.

Когда наступила для міра минута возможности научнаго социализма, когда великій призывъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ раздался надъ массами рабочихъ Европы и Америки, для которыхъ существовала юридическая возможность организоваться въ рабочую партію, задача русскою интеллигенціи еще усложнилась.

Необходимость оставаться въ живомъ взаимодействіи со всѣми цивилизаціонными теченіями мысли и необходимость бороться противъ абсолютизма съ его развращающимъ вліяніемъ оставались неизмѣнными, несмотря на тупыя гоненія десяти разныхъ цензуръ, преслѣдовавшихъ всякое свободное слово, всякую свободную мысль, приходящую съ Запада. Но, во имя этого участія въ міровой цивилизаціи, приходилось теперь уже не работать только надъ подрывомъ архаической формы государства, но и надъ внесеніемъ въ массы, недовѣрчивыя ко всѣмъ учителямъ изъ „баръ“, сознанія классовой противоположности интересовъ, уже не между легальными сословіями, не между обществомъ и государственною бюрократіею и полиціею, но между экономическими классами эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, при чемъ дѣло шло о борьбѣ противъ кулака-крестьянина, купца-монополиста, помѣщика-притѣснителя и банкира-спекулятора на чужія деньги соединенными силами крестьянина, стонущаго подъ бременемъ налоговъ, фабричнаго, работающаго по 14 часовъ въ сутки, обездоленнаго мѣщанина и энтузіаста студента.

Для этой новой борьбы, усложненной прежними задачами, русской интеллигенціи приходилось не опираться на партіи рабочихъ или хотя-бы на ихъ элементы, но создавать боевую партію на почвѣ убѣжденій, въ средѣ, классовые интересы которой были иные. Изъ этого идейнаго центра приходилось вести войну противъ препятствій организаціи рабочихъ и положить начало этой организаціи въ будущемъ.

Рабочая партія не только не существовала даже въ зародышѣ, но юридическія условія полагали безусловное препятствіе ея легальной организаціи. Естественная почва для социалистическихъ задачъ отсутствовала. Долгая атрофія политической жизни не позволяла и думать о самостоятельномъ образованіи въ народной средѣ тайной партіи общественной реформы. Лишь интеллигенція, отчасти сплоченная въ послѣднія деся-

тилѣтія на идейной почвѣ борьбы за гуманныя идеи, могла представить матеріаль и для социалистической борьбы. Она могла, при отсутствіи легальной почвы, образовать тайныя организаціи, которыя преслѣдовали бы одновременно и задачи прежнихъ эпохъ: борьбу за индивидуальное развитіе, за болѣе человѣчный политическій строй; и задачу современности — распространение среди русскихъ индустриальныхъ и сельскихъ рабочихъ классового сознанія; распространение въ своихъ кругахъ среди развитыхъ людей социалистическихъ убѣжденій, какъ высшаго результата научной и нравственной мысли. Сторонники социализма въ Россіи выступали пропагандистами социалистическихъ идей при отсутствіи рабочей партіи и при необходимости въ то-же время низвергнуть архаическія формы правленія, давно несуществующія на западѣ, и поэтому, само собою разумѣется, что ихъ тактика должна была быть совсѣмъ иною, чѣмъ тактика западныхъ социалистовъ, преимущественно опирающихся на рабочія партіи и дѣйствующихъ въ юридическихъ условіяхъ, подготовленныхъ рядомъ побѣдъ буржуазнаго либерализма.

Цѣль настоящаго изданія — показать, какъ та часть русской интеллигенціи, которая сгруппировалась около знамени научнаго социализма, продолжала работу своихъ предшественниковъ, несшихъ въ Россіи, до появленія социализма на исторической сценѣ, знамя гуманныхъ идей и либеральныхъ политическихъ задачъ, и какъ она — въ иной средѣ, при иныхъ условіяхъ, съ иной тактикою — участвовала въ томъ самомъ историческомъ движеніи социализма, которое шло и идетъ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ.

Если намъ удастся осуществить задуманное нами, то мы постараемся показать читателямъ, какъ русская интеллигенція, начавъ *вмѣстѣ* съ представителями абсолютизма, работу усвоенія европейской цивилизаціи, пришла, подъ вліяніемъ народныхъ возстаній въ Россіи и политическихъ революцій на Западѣ, къ сознанію, что абсолютизмъ не можетъ быть ея союзникомъ

на пути цивилизації, что она обязана стать *врагом* его и помощникомъ закрѣпощеннаго, обезличеннаго народа; какъ, послѣ подавленія попытки политической революціи декабристовъ, эта интеллигенція съумѣла, даже подъ тупымъ ярмомъ николаевщины, сплотиться въ идейную силу, въ двигателя гуманныхъ и либеральныхъ началъ, въ защитниковъ и поборниковъ народныхъ массъ; какъ ей удалось принудить абсолютизмъ къ разрушенію крѣпостничества и къ проведенію зародышныхъ либеральныхъ реформъ; какъ выступленіе на историческую сцену научнаго социализма вызвало расколъ въ этой идейной арміи прежде чѣмъ она была въ состояніи развить до зрѣлости только что появившіеся зародыши политической жизни въ Россіи; какъ этотъ расколъ повелъ къ реакціи; какъ русскій либерализмъ оказался ниже своей задачи и въ огромномъ большинствѣ отрекся отъ энергическаго участія въ рѣшеніи прогрессивныхъ задачъ своихъ предшественниковъ; какъ небольшое меньшинство вчерашнихъ либераловъ и радикаловъ, внося „нигилистическую“ критику въ традицію европейскихъ либеральныхъ началъ, было приведено этою критикою къ научному социализму, и во имя *его* рѣшилось продолжать борьбу за прогрессъ русскаго народа и человѣчества; какъ пропагандисты-народники и отчасти анархисты пошли „въ народъ“, имѣя въ виду и фабричныхъ рабочихъ, которые тогда въ Европѣ и Америкѣ составляли единственную армію социализма, и крестьянъ, которыхъ тамъ лишь теперь пытаются втянуть въ движеніе; какія перипетіи переживала эта самоотверженная проповѣдь убѣжденныхъ социалистовъ противъ интересовъ того самого класса, которому они въ большинствѣ принадлежали, проповѣдь, проникнутая увѣренностью, что улучшеніе положенія русскаго народа ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дѣломъ императорскаго государственнаго социализма, опирающагося на деморализующій произволъ абсолютизма; какъ неудача пропаганды привела русскихъ социалистовъ къ

соединенію программы соціалстической пропаганды съ боевымъ заговоромъ, традиціею декабристовъ, къ организаціи Народной Воли, грозной для абсолютизма, не смотря на ея сравнительную малочисленность; какъ эта малочисленность и деморализація либераловъ вызвали не только страданія и гибель для большинства борцовъ за соціалстическую правду въ Россіи, но и все растущую реакцію противъ всѣхъ живыхъ началъ въ русскомъ обществѣ; какъ, наконецъ, тѣ-же вопросы цивилизаціи, которые вставали передъ развитымъ человѣкомъ за тысячелѣтія предъ этимъ, тѣ-же вопросы борьбы труда съ капиталомъ, которые теперь волнуютъ весь цивилизованный міръ, стоятъ наканунѣ XX-го вѣка и передъ всякимъ мыслящимъ русскимъ, предъ всѣми фракціями русскихъ соціалистовъ.

Исторія въ своемъ многовѣковомъ теченіи выдвинула соціалзмъ, какъ современный способъ рѣшенія задачъ прогресса человѣчества. Исторія Россіи поставила предъ русскими соціалистами опредѣленные вопросы и опредѣленные условія ихъ дѣятельности. Изъ прошедшаго выросло настоящее. Отъ *нашей* настоящей дѣятельности зависитъ судьба будущихъ поколѣній. Прошедшее можетъ служить урокомъ для будущаго лишь въ продолженіи очень недолгихъ періодовъ; черезъ нѣсколько болѣе значительный промежутокъ времени оказывается, что и условія среды и персоналъ дѣятелей, и самыя задачи уже измѣнились. Но вдумываясь въ ходъ минувшихъ событій, приучаешься лучше вдумываться и въ смыслъ событій настоящаго, какъ способныхъ подготовить радостное или грозное будущее.

П. Лавровъ.

25/13 сентября 1892 г.

СЪ РОДИНЫ И НА РОДИНУ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Печатая первый выпускъ нашихъ приложений „Съ родины и на родину“, мы считаемъ нужнымъ сказать два-три слова о характерѣ этого изданія. Все указываетъ теперь на пробужденіе революціоннаго настроенія въ Россіи, но страна переживаетъ пока пору критики и провѣрки, всегда предшествующую усиленной дѣятельности. Повсюду есть революціонеры—нѣтъ организованной партіи для борьбы съ правительствомъ и наодными эксплуататорами; да нѣтъ и общей программы. Не желая предрѣшать, въ какія формы выльется эта борьба и какова будетъ эта программа, мы однако надѣемся, что новое движеніе будетъ продолженіемъ стараго народовольческаго, идеи котораго намъ наиболѣе симпатичны. А пока мы страстно слѣдимъ за работой революціонной мысли и желаемъ, по мѣрѣ силъ, помогать скорѣйшей организаціи партіи, скорѣйшей выработкѣ программы. Обмѣнъ мыслей между заграничными и живущими въ Россіи социалистами-революціонерами при такихъ условіяхъ дѣлается вещью въ высшей степени полезною, и вотъ установленію этой-то связи и будетъ служить наше изданіе.

Оно будетъ по возможности заключать въ себѣ извѣстія „съ родины“: хронику революціонной борьбы и мартирологъ нашихъ товарищей; письма и сообщенія о томъ, „что дѣлается на родинѣ“; различные доку-

менты къ текущей исторіи революціоннаго движенія: прокламаціи и программы, секретные циркуляры и распоряженія правительства; воспоминанія, отчеты и пр. Съ другой стороны наше изданіе будетъ сообщать „на родину“ нашимъ товарищамъ все, что можетъ интересовать ихъ изъ заграничной жизни: появляющіяся здѣсь программы и прокламаціи, взгляды здѣшнихъ товарищей на русскія программы и приемы дѣятельности; отчеты о рабочемъ движеніи запада; отзывы о выходящихъ здѣсь книгахъ и статьяхъ, посвященныхъ русскому движенію и вообще интересныхъ почему нибудь для революціонеровъ, и пр.

Мы не общаемъ, чтобы каждый выпускъ нашихъ приложеній заключалъ въ себѣ всѣ указанныя рубрики, но были-бы крайне рады, если-бы обиліе матеріала и средствъ позволяло намъ это. Полнота и интересъ нашего изданія будутъ, главнымъ образомъ, зависеть отъ степени участія, съ какой товарищи въ Россіи отнесутся къ нашему предпріятію. Мы просимъ ихъ давать намъ возможно точныя свѣдѣнія объ обыскахъ, арестахъ, заключенныхъ, ссыльныхъ и погибшихъ революціонерахъ; доставлять намъ свои изданія и вообще всѣ документы, не могущіе попасть въ легальную печать; посылать письма и разныя сообщенія, рисующія современное положеніе дѣлъ въ Россіи и т. дал.

Мы старались по возможности сдѣлать полнымъ списокъ революціонеровъ, умершихъ на каторгѣ, въ ссылкѣ и въ тюрьмахъ, но, конечно, въ немъ найдется много пробѣловъ особенно изъ числа погибшихъ по тюрьмамъ и въ провинціальной глуши. Мы убѣдительно просимъ поэтому нашихъ товарищей доставить намъ недостающія по этому предмету свѣдѣнія, которыя намъ тѣмъ болѣе необходимы, что мы намѣрены, въ возможно близкомъ будущемъ, издать второй выпускъ Календаря Народной Воли.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ.

Возобновляя хронику революционной борьбы съ момента выхода послѣдняго номера „Вѣстника Народной Воли“, мы должны прежде всего сказать, что если накопившіяся у насъ свѣдѣнія далеко не могутъ претендовать на полноту, то ихъ во всякомъ случаѣ вполнѣ достаточно чтобы судить, насколько добросовѣстно правительство Александра III преслѣдуетъ свою неблагодарную задачу искорененія крамолы. Временное затишье революціонной дѣятельности въ годы долгой реакціи не ослабило мстительной злобы искоренителей, и длинны по прежнему списки казненныхъ и погибшихъ по тюрьмамъ и въ ссылкѣ.

Повѣшены:

Въ 1886 г. въ Варшавѣ рабочій Ковалевскій (за покушеніе на убійство шпіона Пинскаго).

8 мая 1887 г. въ Петербургѣ: Александръ Ульяновъ, Пахомій Андреюшкинъ, Василій Генераловъ, Василій Осипановъ и Петръ Шевыревъ (всѣ 5 по дѣлу 1-го марта 1887 г.).

7 августа 1889 г. въ оградѣ Якутской тюрьмы: Альбертъ Гаусманъ, Николай Зотовъ, Левъ Коганъ-Бернштейнъ (всѣ за участіе въ такъ называемой Якутской исторіи).

Умѣрли въ Шлиссельбургской крѣпости:

- А. Б. Арончикъ (ос. на вѣчн. кат. по дѣлу 20 въ февр. 1882).
- А. П. Баранниковъ (осужденн. на вѣчн. кат. по тому-же дѣлу).
- Ю. Н. Богдановичъ (ос. на вѣчн. к. по дѣлу 17 въ апр. 1883).
- А. В. Буцевичъ (осужденный на вѣчную кат. по тому-же дѣлу).
- Л. Варынский (ос. на в. к. по дѣлу „Пролетаріата“ въ дек. 85).
- С. М. Гинцбургъ (осужденная на вѣчную кат. въ ноябрѣ 1890).
- М. Ф. Грачевскій (ос. на вѣчн. кат. по дѣлу 17 въ апр. 1883).
- Долгушинъ (ос. на 4 г. к. въ 1884 г., переведенъ съ Кары въ Шлиссел. и приг. еще къ 15 г. к. за пособіе побѣгу Мышкина).
- С. С. Златопольскій (ос. на вѣчн. к. по дѣлу 17 въ апр. 1883).
- Г. Исаевъ (осужденъ на вѣчную кат. по дѣлу 20 въ февр. 82).
- М. Ф. Клименко (ос. на вѣчн. кат. по дѣлу 17 въ апр. 1883).
- Н. В. Клѣточниковъ (ос. на в. к. по дѣлу 20 въ февр. 1882).
- Л. Кобылянский (осужденъ на 20 л. к. по дѣлу 16 въ окт. 80).
- М. Р. Лангансъ (осужденъ на в. к. по дѣлу 20 въ февр. 1882).
- А. П. Немоловскій (ос. на вѣчн. к. по дѣлу 14 въ сент. 1884).
- С. Г. Нечаевъ (приговоренъ къ 20 г. кат. въ 1872 г. перевед.

изъ Алексѣевского рavelина въ Шлиссельбургъ въ 1882 или 83).
А. Оболъшевъ (Сабуровъ) (ос. на в. к. по дѣлу 11 въ маѣ 80).
М. В. Тетерка (осужденъ на в. к. по дѣлу 20 въ февр. 1882).
А. П. Тихоновичъ (ос. на в. к. по дѣлу 14 въ сентябрѣ 1884).

Мы не могли собрать точныхъ свѣдѣній о смерти дорогихъ намъ товарищей, но мы знаемъ, что большинство ихъ умерло отъ чахотки, нажитой въ сырыхъ казематахъ крѣпости при отсутствіи свѣжаго воздуха и движенія. Трое же изъ нихъ кончили жизнь самоубійствомъ: Клѣточниковъ (уморилъ себя голодомъ), Грачевскій (облилъ себя керосиномъ и слегся) и Софья Гинцбургъ (перервала себѣ горло тупыми ножницами).

Умерли въ разныхъ тюрьмахъ и ссылкѣ.

1886 годъ.

И. Н. Домапскій—административно ссыльный, въ Минусинскѣ.
А. В. Захарына (Охременко) — административно ссыльная, отъ тифа въ Красноярской тюрьмѣ.
Е. Колибинъ—солдатъ изъ Петропавловской крѣпости, въ Томской тюрьмѣ.

Коноваловъ — инженер. капитанъ, административно ссыльный, въ Атбасарахъ (застрѣлился).

Князь А. А. Кропоткинъ — бывший офицеръ, административно ссыльный, въ Томскѣ (застрѣлился).

Папнинъ—артил. офиц., адм. сс., въ Атбасарахъ (застрѣлился).

Подбѣльскій — рабочій, административно ссыл., въ Тюкалинскѣ.

М. Н. Поля — жена повѣщенного мирового судьи Бардовскаго, административно ссыльная, въ Туринскѣ.

Распопинъ—кандид. естествон. наукъ, админ. сс., въ Березовѣ.

Н. Г. Синягинъ — офицеръ Астраханскаго казачьяго войска, въ больницѣ умалишенныхъ, въ Красноярскѣ.

К. А. Степуринъ—артиллерійскій офицеръ, въ Домѣ предварительнаго заключенія (зарѣзлся).

1887 годъ.

Н. А. Армфельдъ — осужденная по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ въ 1879 году, на Карѣ.

Марія Богушевничъ—адм. сс., отъ тифа, въ Красноярск. тюрьмѣ.

П. Л. Забалуевъ—студентъ Петровской академіи, административно ссыльный, отъ чахотки, въ Томскѣ.

Карлъ Иванайнъ — рабочій, осужденный въ Одессѣ въ 1883 г., на Карѣ (утопился).

Л. А. Ивановъ — артиллерійскій офицеръ, осужденный по процессу 50-ти, въ Сургутѣ.

М. П. Кутигонская—выстрѣлившая въ 1883 г. въ Забайкальскаго губернат. Пляшевска, виновника Карійскаго „бунта“ и приговоренная за это къ смертной казни, отъ чахотки, въ Иркутской тюрьмѣ.

Немѣровскій—семинаристъ, въ Баргузинѣ.

А. С. Сигида — осужденный на каторгу по дѣлу Таганрогской типографіи Народной Воли, въ Харьковской централкѣ, гдѣ находился въ ожиданіи ссылки на Сахалинѣ.

А. С. Тхоржевская — осужденная по процессу 50-ти, въ Томскѣ (застрѣлилась).

Роза Фельзенгардтъ — административно ссыльная, отъ тифа, въ Нижнеудинской тюрьмѣ.

Л. Цукерманъ — осужденный по процессу 16-ти террористовъ (утопился въ рѣкѣ Амгѣ Якутской области, оставивъ записку: „умираю такимъ-же честнымъ какъ и жилъ“).

1888 годъ.

Н. Иорданъ — студентъ Харьковск. унив., адм. сс., въ Вилюйскѣ.

Ф. Н. Кампанецъ — студентъ Петербургскаго университета, администрат. сс., въ Якутскѣ (застрѣленъ нечаянно товарищемъ).

Коваленко — бывший становой приставъ, административно ссыл. по дѣлу Лопатина, въ Сольвычегодскѣ.

М. Крылова — учительница, отъ чахотки, въ Томскѣ.

Т. И. Лебедева — приговоренная къ казни по процессу 21-го 1882 г., отъ цынги, на Карѣ.

Разумейчикъ — учительн., въ Варшавск. цитадели (повѣсилась).

Рашковъ — въ Якутской области (утопулъ въ Ленѣ).

В. Славинскій — рабочій, адм. сс., отъ тифа, въ Иркутск. тюрьмѣ.

Я. Колодкинъ — солдатъ Петропавловской крѣпости, въ Мегенскомъ улусѣ Якутской области.

1889 годъ.

Бобровъ — административно ссыльный, въ Онегѣ (застрѣлился, оставивъ записку: „жить не стоитъ, потому что зло задушило въ своихъ объятіяхъ все доброе“).

Софья Яковлевна Гуревичъ; П. А. Мухановъ — студ. Яросл. лицея; Я. Ноткинъ — студ. Техн. института; С. А. Пикъ — часовыхъ дѣлъ мастеръ; П. П. Подбѣльскій — студ. Петерб. унив.; А. Шуръ — студ. Харьк. унив. — всѣ административно ссыльные, предательски перестрѣляны правительствомъ въ Якутскѣ 22-го марта.

Позывайченко — народный учитель, администрат. сс., въ Онегѣ.

В. Руссъ — студентъ Петровской академіи, административно сс., отъ скоротечной чахотки, въ Олекминскѣ Якутской области.

Н. К. Сигида (Малаксіанова) — осужд. по дѣлу о Таганрог. тип. Нар. Воли, умерла отъ истязанія розгами на Карѣ; — отравились, не будучи въ состояніи перенести этой трагедіи, каріицы: С. Н. Бобоховъ (былъ приговор. къ смерти въ 1879 г. за вооруж. сопротивлен. въ Архангел. губ.); И. В. Калюжный (осужд. по проц. 17-ти въ Петерб.); М. В. Калюжная (сестра Калюжнаго, осужд. въ 1884 г. въ Одессѣ за выстрѣлъ въ жандармск. полковн. Катанскаго); М. П. Ковалевская (осужденная по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ въ 1879 году); Н. С. Смирницкая (жена Калюжнаго, осужденная по тому-же дѣлу, что и мужъ).

1890 годъ.

- К. А. Варперовскій — административно ссыльн., въ Шенкурскѣ.
І. Гастынскій — административно сс., въ Tobол. губ. (утонулъ).
М. Ю. Гофманъ — кандидатъ правъ, сотрудникъ „Юридическаго Вѣстника“, административно ссыльн., въ Челябинскѣ (отравился).
П. А. Орловъ — осужд. по дѣлу повѣшеннаго въ Кіевѣ Бранднера и др. (убить въ Якутск. обл. съ цѣлью грабежа 4-го января).
Познеръ — адм. сс., въ Холмогорахъ (по слухамъ, отравилась).
Пѣховскій — административно ссыльный, отъ тифа, въ Пелымѣ.
С. Стояновскій — студентъ Харьковскаго университета по дѣлу Гницбургъ, въ Петропавловской крѣпости.

1891 годъ.

П. А. Алексѣевъ — рабочій, осужденный по процессу 50-ти и извѣстный своею знаменитою рѣчью на судѣ, убитъ якутами съ цѣлью грабежа въ Багайнтайскомъ улусѣ Якутской области.

Вл. Ивановъ — студентъ Института гражданскихъ инженеровъ, административно ссыльный, въ Иркутской тюрьмѣ.

А. Карпенковъ — админ. сс. на 10 л. изъ Одессы, на Сахалинѣ.

1892 годъ.

С. Н. Богомолецъ (Присѣцкая) — жена врача, осужденная въ Кіевѣ въ 1882 г., отъ чахотки, на Карѣ.

П. К. Домбровскій — рабочій, осужд. въ Варшавѣ въ 1885 году по дѣлу партіи „Пролетаріатъ“, на Сахалинѣ (застрѣлился, оставивъ записку: „въ смерти моей прошу никого не винить. Причина ея — тиранія правительства и беззаконія администраціи“).

Умерли за границей:

С. А. Сладкова, отъ чахотки — въ Парижѣ, въ 1888 г.

Н. В. Соколовъ, подполковн. Генер. Штаба, одинъ изъ старѣйшихъ эмигрантовъ, авторъ „Отщепенцевъ“ — въ Парижѣ, въ 1888.

О. Цеткинъ, эмигрантъ — въ Парижѣ, въ 1888.

И. В. Дембо, скрывшійся за границу послѣ 1-го марта 87 г. — въ Цюрихѣ (отъ взрыва бомбы) 22 февраля 1889 г.

Л. А. Дическуло, судившійся по процессу 193-хъ, оказавшій вооруженное сопротивление въ Кіевѣ въ 79 г. вмѣстѣ съ повѣшеннымъ Свириденко (Антоновымъ) — въ Плозштахъ, въ 1889 г.

Н. Львовъ, бѣжавшій изъ админ. ссылки — въ Парижѣ, въ 1889.

Н. Глушковъ, эмигрантъ — въ Парижѣ, въ 1891 г.

Ст. Падлевскій — въ Техасѣ (застрѣлился), въ 91 г.

Въ настоящее время находятся въ Шлиссельбургѣ: М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозовъ, М. Н. Тригони, Г. А. Лопатинъ, С. А. Ивановъ, А. Л. Борисовичъ (псевдонимъ), Ф. Юрковскій, М. П. Шебалинъ, Н. П. Стародворскій, П. А. Антоновъ, В. Н. Фигнеръ, Л. А. Волькенштейнъ, М. Р. Поповъ, Б. Оржихъ, Д. Я. Суровъ.

цевъ, Н. Д. Похитоновъ, М. Ю. Ашенбреръ*), Буцинскій, В. Г. Ивановъ, Л. Яновичъ, В. П. Канашевичъ-Сагайдачный, І. Лукашевичъ, М. Новорускій, С. Поливановъ, Манучаровъ, В. С. Панкратовъ, М. Ф. Лаговской и Н. Щедринъ.

Н. Щедринъ сошелъ съ ума и тѣмъ не менѣе его держатъ въ Шлиссельбургѣ. Замѣчательна его судьба: осужденный въ Кіевѣ на каторжныя работы, онъ вторично былъ судимъ въ 1882 г. въ Иркутскѣ за пощечину, данную имъ чиновнику особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Анучинѣ полковнику Соловьеву, который, въ качествѣ директора тюремнаго комитета, дошелъ въ своей наглости до того, что, обыскивая Ковальскую и Богомолецъ, заставилъ тюремныхъ служителей раздѣть ихъ почти до нага, при чемъ позволилъ себѣ въ высшей степени неприличныя выходки. Судъ приговорилъ Щедрина къ смертной казни, которая была замѣнена безсрочною каторгою съ прикованіемъ къ тачкѣ. Въ такомъ положеніи Щедринъ и пробылъ на Карѣ до извѣстнаго карійскаго „бунта“, послѣ котораго его увезли въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ и сошелъ съ ума. Отмѣтимъ еще, казалось-бы невозможный, но совершенно достовѣрный фактъ: офицеръ М. Ф. Лаговской, будучи арестованъ послѣ бѣгства изъ ссылки въ Томск. губ., заключенъ въ Шлиссельбургъ *административно*. Почему правительство не сочло нужнымъ разыграть надъ нимъ какую-нибудь комедію суда — намъ неизвѣстно. Мы, впрочемъ, думаемъ, что, идя логически, правительство придетъ къ установленію смертной казни административнымъ путемъ. Всѣ заключенные въ Шлиссельбургѣ подчинены режиму военнаго времени, результаты котораго на лицо. Н. Н. Мышкинъ и Е. Я. Минаковъ казнены—какъ извѣстно читателямъ „Вѣстника Народной Воли“—за самыя пустыя нарушенія тюремной дисциплины.

Переведены съ Кары въ Акатуйскіе рудники: П. Ф. Якубовичъ, А. Зунделевичъ, Н. Левченко, М. Диковскій, Спандони-Басманжи, В. Чуйковъ, М. Маньковскій, Г. Дүлемба и Маферъ.

Въ Алгачинскій рудникъ—Павель Ивановъ.

Въ Горный Зарентуй—Н. Н. Дзвонкевичъ и І. П. Нагорный.

Завѣдующій Зарентуйскими рудниками Зеленскій запретилъ Нагорному и Дзвонкевичу видѣться между собою и они жили въ разныхъ концахъ громаднаго зданія. Дзвонкевичъ выпущенъ въ „вольныя команды“, но оставленъ до окончанія срока въ Зарентуй (по послѣднимъ извѣстіямъ переведенъ на поселеніе въ Минусинскъ). Туда-же была переведена Е. Н. Ковальская послѣ неудачной попытки бѣжать изъ Верхнеудинской централки. Въ этихъ новыхъ мѣстахъ заключенія положеніе политическихъ, какъ пи-

*) Напечатанное въ „Вѣстникѣ Народной Воли“ извѣстіе о казни Ашенбрера въ Шлиссельбургѣ оказалось невѣрнымъ.

шутъ намъ, даже хуже чѣмъ на Карѣ: „Акатуй славится своимъ дурнымъ климатомъ. Онъ находится въ тѣсной котловинѣ и окруженъ глинистыми, лишенными всякой растительности сопками. Работа обязательная и весьма тяжелая; кормятъ очень плохо; всего разъ въ день даютъ только горячую похлебку; улучшать пищу отдѣльно отъ уголовныхъ намъ не разрѣшаютъ, а на всю массу заключенныхъ уголовныхъ (болѣе 100 челов.) у насъ нѣтъ средствъ“.

На Сахалинѣ находятся каторжане: кандидатъ правъ Плоскій (добровол. жена Онуфровичъ), рабочій Томашевскій, Поплавскій, Госткевичъ, Гельшеръ, Сырошевскій, Бугайскій, Словинъ, Блюхъ, Дегурскій и Форминскій (всѣ по дѣлу партіи „Пролетаріатъ“, осужд. въ Варшавѣ въ 85 г.); Гюшерь (также изъ „Пролетар.“, осужд. въ Варшавѣ въ 86 г. вмѣстѣ съ рабочимъ Ковалевскимъ, который былъ повѣшенъ, за покушеніе на убійство шпіона Пинского); И. Мейнеръ и С. Храповскій (осужд. въ Харьковѣ въ 87 г.); С. Е. Кузинъ и рабоч. В. И. Вольновъ (оба по дѣлу Лопатина); Ювачевъ (морск. офицеръ, по дѣлу В. Н. Фигнеръ; переведенъ изъ Шлиссельбурга); Крыжановскій (перев. съ Кары); Петровскій, Александринъ и донск. казач. офиц. Черновъ (по дѣлу Ак. Сигиды); Канчеръ, Гаркунъ, Волоховъ и Пильсудскій (по дѣлу 1 марта 1887 г.) и Перлашкевичъ (осужденный въ 89 г. въ Харьковѣ). О замѣчательномъ и нигдѣ не опубликованномъ дѣлѣ Перлашкевича расскажем здѣсь-же. Подпоручикъ Перлашкевичъ служилъ въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ въ Динабургѣ. Военная обстановка и вообще вся русская дѣйствительность до глубины души возмущали юнаго офицера, и онъ вездѣ и всюду выражалъ крайнее негодованіе на нашъ безобразный строй. „Такъ говорятъ только революціонеры“, замѣтилъ Перлашкевичу одинъ изъ его сослуживцевъ. „Въ такомъ случаѣ и я революціонеръ“, отвѣтилъ Перлашкевичъ и перешелъ на нелегальное положеніе. Въ февралѣ 86 г. Перлашкевичъ случайно былъ арестованъ въ Кременчугѣ. Арестованный признаетъ себя членомъ революціонной партіи, излагаетъ на допросѣ свое profession de foi, но рѣшительно отказывается назвать свое имя. Послѣ долгихъ трудовъ жандармамъ удается выяснитъ его личность, но къ великому своему огорченію, они не находятъ ни одного факта „изъ преступной дѣятельности“ арестованнаго. — Откажитесь отъ принадлежности къ революц. партіи и отъ вашихъ показаній о своихъ убѣжденіяхъ, и тогда вы будете обвиняться только въ побѣгѣ съ военной службѣ. Если вы откажетесь, мы даемъ вамъ слово, что васъ судить не будутъ и дѣло окончится административно“. Перлашкевичъ сгоряча отказался было отъ своихъ первоначальныхъ показаній, но на слѣдующее-же утро, негодуя на свою минутную слабость, зоветъ жандармовъ и снова восстанавливаетъ

свои показанія. „Вы сами себя подписываете приговоръ“, говорятъ Перлашкевичу власти. „Я не желаю изъ-за спасенія своей шкуры отказываться отъ убѣжденій“, отвѣчаетъ Перлашкевичъ. Три года его держать въ тюрьмѣ и наконецъ судятъ въ 89 г. въ Харьковѣ. Онъ и на судѣ повторяетъ свой соціально-революціонный символъ вѣры и съ полнѣйшимъ равнодушіемъ выслушиваетъ вынесенный ему смертный приговоръ, который ему замѣнили, впрочемъ, вѣчною каторгою. Такимъ образомъ, Перлашкевичъ былъ осужденъ исключительно за убѣжденія...

Въ послѣдніе годы правительство сдѣлало Сахалинъ также мѣстомъ административной ссылки, удлиняя ее до десяти лѣтъ. Сосланы изъ Одессы: рабочіе Суворовъ, Штернбергъ и Хмѣлевцевъ; изъ Харькова студентъ В. П. Бражниковъ; изъ Петербурга: Орловъ, Поповъ и Степановъ (всѣ трое инженерные офицера за пропаганду среди солдатъ) и купецъ Тимофѣевъ. Всѣ эти восемь лицъ сосланы на десять лѣтъ. На Сахалинъ политическихъ отправляютъ въ общихъ помѣщеніяхъ съ уголовными морскимъ трактомъ. „Страшная духота и жара, частые смертные случаи отъ недостатка воздуха... Подъ тропиками почти вся партія страдаетъ отъ кожныхъ болѣзней: все тѣло покрывается чирьями“... Такъ описываетъ этотъ путь одинъ изъ испытавшихъ его.

Въ Вилюйской тюрьмѣ продолжаютъ отбывать каторгу, осужденные по дѣлу 22 марта 1889 г. въ Якутскѣ. Тамъ находятся: М. В. Брамсонъ, М. Гоць, М. П. Орловъ, І. Миноръ, А. Гуревичъ, І. Эстровичъ, М. Эстровичъ, М. С. Фундаминскій, М. Уфляндъ, М. Брагинскій, К. Терешковичъ, Л. Берманъ, А. Д. Болотина, Полина Перли, Вѣра Гоць (Гассохъ), Евгенія Гуревичъ, Роза Франкъ и Настасья Шехтеръ. Эти каторжане страшно бѣдствуютъ, ибо правительство сдѣлало на нихъ начеть за прѣздъ въ Якутскъ комиссіи для суда надъ ними и за прочія „издержки по дѣлу“ въ десять тысячъ рублей, и впредь до уплаты этой суммы каждая копѣйка, получаемая кѣмъ-либо изъ нихъ, конфискуется въ пользу казны.

Вообще административная расправа русскаго правительства съ врагами „порядка“ продолжаетъ практиковаться въ весьма широкихъ размѣрахъ. Самыя отдаленныя мѣста Якутск. области, и даже, какъ мы только что видѣли, островъ Сахалинъ постоянно пополняются новыми ссыльными. Сверхъ того правительство придумало особый видъ административнаго мучительства: заключеніе безъ суда въ специально построенную въ Петербургѣ на Выборгской сторонѣ тюрьму, или, какъ ее обыкновенно называютъ, „крестъ“. Этотъ крестъ постоянно полонъ заключенными. Тамъ происходятъ обязательныя работы самого отупляющаго характе-

ра: заставляють напр. заключенныхъ щипать пеньку по 12 ч. въ сутки. На гуляни заключенные ходятъ гуськомъ, политическіе въ перемежку съ уголовными, при чемъ разговаривать строго запрещается подъ угрозою карцера. II это называется „пенитенціарной системой“. Правительство говоритъ, что заключеніе въ крестъ оно практикуетъ вмѣсто дорого стоящей ссылки въ Сибирь, но иногда находитъ возможнымъ совмѣщать то и другое. Такъ случилось напр. съ студ. Гуковскимъ и нѣкотор. другими. Перечислить всѣхъ отбывшихъ и отбывающихъ наказаніе въ крестъ нѣтъ никакой возможности. Между прочимъ: докторъ Абрамовичъ, студ. Костроминъ, А. Ломакинъ, Аносовъ, Вл. Кранихфельдъ, Каратыгинъ, Бѣлохъ, Виноградовъ, Барановъ, Ягодкинъ, Масловъ, брат. Зайцевскіе, Поповъ (гимназ.), Перлинъ, Рашевскій, Даль, Ершевъ, Гусевъ, А. Виноградова, Ястребова, Балакирева, Левицкая, Взвышковская, курс. Намитниченко, Монтвиль; возвративш. изъ Западной Сибири: С. В. Сотниковъ, П. П. Мануиловъ, А. Сазоновъ и др. Въ Сибирь сосланы: Фойницкій, Викт. Бартеневъ (въ Обдорскъ), студ. В. Голубевъ, Гавриловъ, А. Д. Копылова, Кулаковъ, Кочаровскій, Ватсонъ, бывшіе уже въ сс. старые революціонеры П. Г. Зайчневскій и В. П. Арцибушевъ и т. д. Нерѣдко случаются и переводы сосланныхъ въ сѣверн. губ. Россіи въ Сибирь. Такъ въ прошломъ году изъ Арханг. губ. перевели въ Сибирь цѣлую партію ссыльныхъ: Голубятниковъ, Хавкинъ, бывшій уже въ Сибири Недошивинъ и др. Административно высылаются и рабочіе за стачки: такъ, кромѣ извѣстнаго случая съ рабочимъ Мосенкомъ, сосланнымъ въ Шенкурскъ, не смотря на оправданіе его окруж. судомъ, административно сосланы за стачки въ Сольвычегодскъ рабочіе Шкыринъ, Гулинъ и др.

—

Отношеніе къ ссыльнымъ со стороны властей дошло въ послѣдніе годы до чудовишнаго издѣвательства надъ личностью человѣка. Плети и розги на Сахалинѣ, убійства въ Якутскѣ, повѣшеніе тамъ-же умирающаго, засѣченіе на Карѣ женщины, пять труповъ отравившихся ея товарищей по каторгѣ и слова Забайкальскаго губерн. Хорошкина къ карійцамъ: „правительство не отмѣнить циркуляра о тѣлесномъ наказаніи, хоть-бы вы всѣ перетравились“—лишь наиболѣе яркія проявленія теперешней политической системы, которая не зависитъ отъ личныхъ свойствъ того или другаго сибирскаго администратора. Такъ въ мартѣ 1888 г. вышло отъ Мин. Внутр. Дѣлъ предписаніе № 2226 къ управляющему островомъ Сахалиномъ, насчетъ того, чтобы не дѣлать никакихъ послабленій политическимъ по сравненію съ уголовными, а въ іюнѣ того-же года четверо политическихъ ссыльныхъ, Вольновъ, Кузинъ, Мейснеръ и Хроновскій были уже наказаны розгами.

Не лучшія дѣла творятся и не въ такихъ трущобахъ, какъ

Сахалинъ или Якутская область. Вотъ что пишутъ намъ изъ Вологодской губ.: „на Сійскомъ этапѣ Волог. губ. было нѣсколько случаевъ покушенія со стороны солдатъ на насиліе проходящихъ политическихъ женщинъ. Одна изъ пострадавшихъ г-жа Ш—ва*) приняла послѣ такого съ нею случая ядъ. Она спасена, но здоровье ея совершенно разстроено... Защищая одну изъ женщинъ на этомъ этапѣ, администр. ссыльн. Хмара швырнулъ въ солдатъ горшкомъ отъ шей, за что былъ до полусмерти избитъ прикладами. На всѣ заявленія ссыльныхъ о безобразіяхъ на Сійскомъ этапѣ губернаторъ смотритъ, какъ на „бунтъ“...“

Поведеніе властей начинаетъ все чаще и чаще вызывать отдѣльные террористическіе факты среди самого общества. Гавриловъ стрѣляетъ въ Астраханскаго губернатора, Владиміровъ въ Нижегородскаго, Кочурихинъ въ Казанскаго. Кочурихинъ заявляетъ, напр., что онъ былъ пораженъ ужаснымъ положеніемъ крестьянъ Свіязскаго уѣзда, ходилъ къ земскому начальнику, чтобы сообщить о видѣнной имъ нуждѣ, но тотъ не обратилъ на его слова никакого вниманія. Пытался онъ объявить о необходимости немедленной помощи крестьянамъ и путемъ мѣстной печати, но цензура не пропустила его сообщенія. Наконецъ Кочурихинъ рѣшился стрѣлять въ губернатора не съ цѣлью убить его, какъ объясняетъ онъ, а желая своимъ поступкомъ обратить вниманіе на то крайне бѣдственное положеніе, въ которомъ находятся крестьяне, ибо иного средства сдѣлать это. при существующихъ условіяхъ, онъ не видѣлъ. 22-го февраля текущаго года военный судъ приговариваетъ Кочурихина къ смертной казни, а его товарища, Архангельскаго, виновнаго въ знаменитомъ „знаніи и недонесеніи“, къ 15 годамъ каторги. Очевидно, правительство хочетъ этимъ заявить своимъ любезнымъ вѣрноподарнымъ, чтобы они „не въ свое дѣло не совались“... Написаль-же царь на извѣстномъ письмѣ къ нему г-жи Цебриковой: „а ей, дурѣ, что за дѣло“? По съ другой стороны понятны становятся и слова крупнаго американскаго писателя Самуэля Клеменса (Маркъ Твенъ): „если правительство, подобное нынѣшнему русскому, не можетъ быть опрокинуто иначе какъ динамитомъ, то слава Богу, что существуетъ динамитъ“.

Свѣдѣнія объ арестахъ за послѣдніе годы доходили до насъ очень неправильно и потому приводимый списокъ арестованныхъ, конечно, болѣе чѣмъ неполонъ. Мы, впрочемъ, ограничимся перечнемъ извѣстныхъ намъ арестовъ только за послѣдніе два года.

*) Намъ сообщена полная фамилія пострадавшей, но по понятнымъ причинамъ мы не можемъ ее назвать.

Петербургъ. Арестов. студ. Фойницкій (сосл. въ Сиб.), акушерка Калибрина, слушат. над. курс. Марына, фельдш. Говядинова, бестуж. Пестомина (оговаривала), докторъ Фроловскій, студ. Воскресенскій и др. Въ ноябрь 91 г. арест. Кацъ, Карчинскій, Нѣмцевъ, Барайская, Головачевъ, Галунецъ, Сулинъ, Тарасовъ, Смородицевъ, рабочіе Богдановъ и Филимоновъ. Въ началѣ февраля 92 г. студ. университет. Шарый, Молчановъ, Головинъ, Родинъ, Вейнштокъ и Цедербаумъ. Около этого-же времени арест. одинъ вольноопредѣляющійся. Въ апрѣлѣ арестованъ студ. Ганерманъ.

Москва. 30 и 31-го марта происходили аресты и обыски съ цѣлью найти типографію народовольцевъ, выпустившую двѣ прокламаціи: одну къ обществу, другую къ молодежи и „письмо къ голодающ. крест.“ Арестованы писатель Астыревъ, его жена зубной врачъ Хомеръ, братъ ея Хомеръ, бывш. петровецъ Мягковъ, прикащ. книжн. магаз. С. Жевакинъ, студ. унив. Благоразумовъ и Бѣлозеровъ, фельдшерница Пропина, гимназистъ Намитниченко, служ. въ Румянц. музеѣ Шкляръ. У одного изъ арестованныхъ найдено три пуда прокламацій. Въ маѣ — инженеръ-технологъ И. Епифановъ и техникъ Федотовъ. Говорятъ, что начал. Моск. охраны, Берднєвъ, искалъ опять народовольческую типографію, такъ какъ ему почему-то казалось, что она непременно находится въ Москвѣ. Не найдя желаемого, жандармы произвели въ Москвѣ массу обысковъ, среди которыхъ обращаетъ на себя вниманіе обыскъ въ Румянцевскомъ музеѣ.

Харьковъ. Въ апрѣлѣ 1892 года арестованы: студентъ университет. Зандбергъ, студ. Ветер. инст. Борзенковъ и др. Нѣсколько раньше арест и сосланъ на Кавказъ отставной маіоръ кн. Хилковъ.

Самара. Въ апрѣлѣ арестов. фельдшерница Ев. Карперъ (выпущ. на поруки).

Одесса. Въ маѣ 1892 года арестованы: Гернетъ, Петровъ, Токаревъ, Афанасьевъ и др.

Воронежъ. Арестов. возвращенн. изъ Сибири П. П. Мануиловъ (крестъ), телеграфистъ Головской (выпущ.), Роцинъ, гимназистка Федотова. Отсидивалъ въ тюрьмѣ — по дѣлу о посылкѣ политич. ссыльными поздравительнаго адреса гражданамъ Французск. республики по поводу столѣтняго юбилея революціи—возвратившійся изъ Якутской области В. Я. Яковлевъ.

Оре. гв. Арестованы: Заичневскій и Арцибушевъ (оба сосланы въ Сибирь). Отсидивала въ тюрьмѣ Э. Русъ и др.

Пенза. Арестованъ рабочій Гусевъ (крестъ).

Казань. Арестованы: Соскисъ, студентъ Гавриловъ (сосланъ въ Восточную Сибирь). Второвъ.

Симферополь. Арестованы: Кулаковъ и Кочаровскій (оба сосл. въ Сибирь).

Рязань. Арестованы: Бѣляевъ и Измаильсонъ.

Ростовъ на Дону. Ар.: Мотовиловъ, Богоразъ, Губинъ, Бондыревъ, Соковнинъ, Негировъ, Книшенко, рабоч. Куримонъ и Жу-

жовъ. Въ послѣднее время опять было много обысковъ. Арестованы: Остроуховъ, Калишевскій и др.

Хоперскій округъ Области войска Донскаго. Въ маѣ арестованъ казакъ, ходившій изъ станицы въ станицу и проповѣдывавшій, что скоро будутъ отбирать земли у помѣщиковъ и купцовъ.

Ковно. Въ июнѣ жандармы произвели рядъ нашествій на квартиры мирныхъ обывателей. Обысканы: учит. русск. яз. въ женск. гимн. Кочесура, учительница Новицкая, классная дама Казанская, акуш. Шанцеръ, Бѣльскій, Левинсонъ, Станкевичъ и Фейнбергъ. Арестованъ никто не былъ, но во время производства обысковъ отличался особеннымъ усердіемъ и грубостью тов. прок. Лашкаревъ, сынъ пріобрѣтшаго знаменитость въ свое время усмиреніями крестьянскихъ бунтовъ генерала Лашкарева. Корреспондентъ нашъ рассказываетъ между прочимъ о несовсѣмъ обыкновенномъ фактѣ даже въ нашей прокурорско-жандармской практикѣ, изобилующей разными юридическими шалостями: Станкевичъ и Новицкая были посажены подъ домашній арестъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ арестованы были всѣ жильцы дома, гдѣ жила Новицкая; всякое сообщеніе со внѣшнимъ міромъ было прекращено. Арестъ этотъ продолжался двое сутокъ, и обитатели этого злополучнаго дома чуть-чуть не умерли съ голода, такъ какъ никто за провизіей не отпускался на томъ простомъ основаніи, что „не приказано“, а всякаго кто приближался извнѣ къ лѣстницѣ этого дома отправляли въ жанд. упр. для производства „осмотра“. Впрочемъ несмотря на такія мѣры, финалъ этой исторіи былъ нѣсколько неожиданнымъ для жандармовъ: нѣкоторые изъ „обвиняемыхъ“ внезапно скрылись изъ города.

Варшава. Между многочисленными проявленіями революц. настроенія среди варшавск. рабочихъ обращ. на себя особое вниманіе проklam. на польск. и нѣмецк. яз., расклеенныя по городу 1 мая 1891 г. Вотъ текстъ польской прокламаціи: „Товарищи, повсюду раздается громкій призывъ къ рабочимъ готовиться къ празднованію 1 мая. Это будетъ праздникъ, въ которомъ исчезнетъ международная рознь передъ одной общей цѣлью и на которомъ рабочіе передъ лицомъ поблѣднѣвшаго врага протянутъ другу другу руки“ и т. дал. А вотъ текстъ нѣмецкой: „Нѣмецкіе рабочіе. Васъ гнететъ та-же самая нужда; ваши силы высасываютъ тѣ-же самые эксплуататоры. Плечемъ къ плечу должны мы выступить на борьбу съ этимъ врагомъ. Поднимайтесь братья! Празднуйте съ нами великій праздникъ 1 мая. Рабочій комитетъ партіи Пролетаріатъ“. При расклейкѣ этихъ прокламацій арестованы студенты Ветеринарнаго института Полонскій и Гольдбергъ.

Въ Варшавѣ-же, въ августѣ 1892 г., произошла довольно загадочная неудавшаяся попытка убить Гурко. По частнымъ наибольше достовернымъ свѣдѣніямъ, произведена она была нѣкимъ Михайломъ Зелинскимъ, молодымъ человѣкомъ, но не рабочимъ, какъ писали легальныя газеты, а главнымъ кассиромъ Варшав-

ско-Граевской жел. дороги, и бывшимъ воспитанникомъ Рижской Политехнической школы. Соціалистъ-революціонеръ, по натурѣ конспираторъ, Зелинскій еще на школьной скамьѣ, въ восьмидесятихъ годахъ, мечталъ расправиться съ Гурко. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ мѣстныхъ заговорщицкихъ кружковъ, но не желая разбивать организацію, вводя ее въ планъ задуманнаго имъ покушенія, онъ рѣшилъ выполнить свое намѣреніе на свой страхъ. Онъ приготовилъ динамитную бомбу и ждалъ съ ней въ сборѣ генераль-губернатора. Тотъ запоздалъ. Нашупывая бомбу, Зелинскій нечаянно раздавилъ сткланку съ сѣрной кислотой, которая по оплошности была тутъ-же у него въ карманѣ. Съ четверть часа онъ стоически выносилъ мучительную боль отъ обжоговъ, боясь стономъ возбудить вниманіе сосѣдей, и все ждалъ, все ждалъ.... Наконецъ, зашатался и упалъ. Произошелъ переполохъ; бросились поднимать Зелинскаго; полиція нашла бомбу и такъ нещадно избива покушавшагося, что черезъ два часа онъ умеръ въ участкѣ. Аресты послѣ этого покушенія были очень сильныя: въ одной Варшавѣ арестовано 22 человекъ. Между прочимъ къ характеристикѣ Гурко: Жанъ Гюре (Huret), сотрудникъ „Figaro“, пишетъ, что въ бытность его въ Лодзи во время весеннихъ беспорядковъ онъ самъ своими глазами видѣлъ слѣдующую телеграмму Гурко къ командовавшему казаками: „убивать безъ пощады. Пороху не жалѣть“.

Вотъ еще нѣсколько свѣдѣній о бывшихъ въ Польшѣ арестахъ. На границѣ арестованъ Антонъ Гемпель, путешественникъ по Бразиліи, бѣжавшій два года тому назадъ за-границу. Въ Варшавѣ взятъ литераторъ Дмовскій. Въ вагонѣ Варшавско-Брестской жел. дороги арестованъ офицеръ Гротгусъ, обвиняемый бывшимъ жандармомъ Тшеціакомъ въ оскорбленіи величества въ частномъ разговорѣ. Десятый павильонъ Александровской цитадели (въ Варшавѣ) весь переполненъ заключенными.

Тобольскъ. За пропаганду среди учащейся молодежи мѣстный житель Сухановъ высланъ въ Иркутскую губ. Калининъ въ сѣверные уѣзды Тобольской губ. Отданы подъ надзоръ полиціи: Каштымовъ, Янкельманъ, Газовъ, Филинъ и Барминъ. Въ домѣ умалишенныхъ находится административно-ссылный Пташинскій.

Томскъ. Передъ проѣздомъ наследника полиція нашла въ оврагѣ какую-то жестянку; этого было достаточно, чтобы на время пребывания у насъ царенка губернаторъ распорядился арестовать всѣхъ ссыльныхъ и даже нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей. Сидѣли въ тюрьмѣ: Шипицынъ, Александра, Мозговой, мѣстная жительница Фомина и т. д. И. Н. Телепневъ за найденныя у него революціонныя изданія высланъ въ Бійскъ.

Минусинскъ. Во время проѣзда наследника были арестованы Стери и Тырковъ, хотя Минусинскъ находится отъ мѣста проѣзда на 500 верстъ.

Иркутскъ. Арестованный за побѣгъ изъ Балаганска Лонцкій вы-

сланъ въ Якутск. обл. Арест. по дѣлу о протестѣ противъ Якутской бойни Кранихфельдъ, Грабовскій, Ожиговъ, Улановская, Новаковская и Ромась содержатся еще въ здѣшней тюрьмѣ.

Чита. По дѣлу объ открытомъ среди народныхъ учителей и фельдшеровъ „преступномъ сообществѣ“ ссыльный Голиковъ высланъ въ Баргузинъ. Дѣло-же привлеченныхъ къ слѣдствію мѣстныхъ обывателей еще не окончено.

Якутскъ. Отсидживали въ тюрьмѣ, по дѣлу объ адресѣ гражданамъ Французск. республики, ссыльные: Молдавскій, Вадзинскій, Майновъ, Терешенковъ, Гуревичъ, Михалевичъ и Дибобесъ. Въ домѣ умалишенныхъ находятся сошедшіе съ ума: С. В. Ястрембскій (въ 1892) проживавшій въ Мегенскомъ улусѣ Якутск. обл., и одинъ изъ старѣйшихъ ссыльныхъ Сиряковъ (въ 1890), жившій въ Багаантайскомъ улусѣ той-же области. Подавшіе протестъ изъ Киренской тюрьмы противъ избіенія ссыльныхъ въ Якутскѣ: Власовъ, Матѣевичъ, Янковскій, сестры Скудины, Сосновскій и Хавкинъ высланы въ Средне-Калымскъ. Туда-же высланы Юхельсонъ и Малеваный—последній съ прибавленіемъ 2 лѣтъ срока.

Перечислимъ для большей полноты отчета все политич. процессы за разсматриваемый періодъ: 1) Въ 86 г. дѣло Оссовскаго въ Омскѣ, 2) дѣло Ковальскаго и Гюшера въ Варшавѣ, 3) 15 — 19 Апр. 87 г. судъ надъ 15-ю участниками 1 марта 1887 г. 4) 28 мая — 4 июня судъ надъ Г. А. Лопатынымъ и др. 5) 19 июня дѣло Мейснера и Хроновскаго въ Харьковѣ, 6) 18 октября процессъ 17-ти офицеровъ, 7) 9 декабря дѣло Таганр. типогр. „Нар. Воли“ (Сиаица, Черновъ и др.), 8) въ февралѣ 88 г. судъ надъ Б. Оржихомъ, 9) дѣло Данилова и др. въ Иркутскѣ, 10) весною 89 г. судъ надъ Перлашкевичемъ въ Харьковѣ, 11) дѣло Теселкина и др. въ Тюмени, 12) въ маѣ 89 г. процессъ Н. Зотова, Л. Коганъ-Бернштейна и др. въ Якутскѣ, 13) въ ноябрѣ 1890 г. процессъ С. Гинцбургъ и друг. въ Петербургѣ, 14) весною 1892 года судъ надъ Кранихфельдомъ и др. въ Иркутскѣ.

Ниже мы помѣщаемъ библиографическій списокъ всѣхъ известныхъ намъ нелегальныхъ изданій (книгъ, брошюръ, газетъ и листовъ), вышедшихъ въ Россіи и за границей, между 1886 и 1892 г. (не включая сюда многихъ нелегальныхъ изданій въ Россіи и за границей Л. Н. Толстого).

1886. Въ Россіи: 1) Листокъ Народной Воли (рѣчь В. Н. Фигнеръ на судѣ, корресп. некрол. и проч.). 2) Процессъ 29 пролетаріатцевъ въ Варшавѣ (книга въ 200 стр.), изданіе народовольцъ. 3) Борьба общественныхъ силъ въ Россіи (брошюра), изд. народовол. 4) Изъ Сибири (брошюра), изд. неизвѣстн. 5) Пятилѣтіе новаго царствованія (брош.), изд. неизвѣстн. 6) Царь-Голодъ (брош.) 7) Прокламаціи по поводу 25-лѣтія крестьянск. реформы „Къ обществу“ и „Къ народу“, изд. неизвѣстн.

1887. *За-границю:* 1) П. Л. Лавровъ, Национальность и социализмъ, изд. русск. рабоч. общ. въ Парижѣ. 2) Его-же, Письмо по поводу „Молодой Народн. Воли“, изд. народовол. 3) Карль Марксъ, Введеніе къ критикѣ философіи права Гегеля съ предислов. П. Л. Лаврова, изд. народовол. 4) Фердинандъ Лассаль, изд. соц. дем. 5) П. Лавровъ, Двѣ рѣчи, изд. русск. раб. общ. въ Парижѣ. 6) Избранныя Статьи изъ „Колокола“, изд. Библиотеки Соціальныхъ знаній.

Въ Россіи. 1) Прокламація „Къ обществу“ по поводу ареста и высылки изъ Петербурга многихъ лицъ за участіе въ добродюбов. демонстр. 17 ноября 86 г. (говорять, эта проклам. составлена Ульяновымъ). 2) Протестъ студентовъ Петерб. универс. противъ гнусной рѣчи ректора Андриевскаго по поводу 1 марта 87 года. 3) Прощаніе исключенныхъ студент. Казанск. унив. съ казанск. обществомъ.

1888. *За-границей:* 1) Экономическія ученія К. Маркса въ популярномъ излож. Кауцкаго съ предисл. К. Тарасова, изд. народов. 2) Серебряковъ, Открытое письмо къ Тихомирову, изд. народовол. 3) Процессъ 21-го (Лопатина и др.) съ приложен. биограф. замѣтокъ о Г. А. Лопатинѣ П. Лаврова, изд. народовол. 4) Чего хотятъ социаль-демократы? изд. соц.-дем. 5) П. Л. Лавровъ, Письмо къ товарищамъ (по поводу ренегатства Тихомирова), изданіе народовольцевъ. 6) Кеннанъ, Послѣднее заявленіе русскихъ либераловъ. 7) Бакуининъ, Всесвѣтный революц. союзъ. 8) Его-же, Русскимъ, польскимъ и всѣмъ слав. друзьямъ, обѣ брошюры изд. Элпидина. 9) Свобода (газета) 10 номеровъ 11) Сборникъ Соціально-Демократа, одинъ номеръ.

Въ Россіи: Политическая ссылка, журналъ, издаваемый политическими ссыльными въ Сибири.

1889. *За-границей:* 1) Кеннанъ, тюремная жизнь русскихъ револ. (переп. изъ газеты Самоуправленіе). 2) Письмо Варш. раб. комит. къ офиц. русск. войскъ, стоящ. въ Царств. Пол. (брош.) польск. тип. въ Жен. 3) Рѣчь рабоч. Петра Алексѣева, переизд. соц. дем. 4) В. Засуличъ, Очеркъ исторіи международн. общ. рабоч., изд. соц.-дем. 5) Аксельродъ, Задачи рабочей интелл. въ Россіи, изд. соц.-дем. 6) Плехановъ, Новый защитникъ самодерж., изд. соц.-дем. 7) Самоуправленіе (газета 1887—1889 г.), четыре ном. 8) Свободная Россія (газета), три номера. 9) Соціалистъ (газета), одинъ номеръ. 10) Борьба (газета), два номера.

Въ Россіи: 1) перепеч. прогр. Исполн. Ком. и подготов. работа партіи Народная Воли, изд. народов. 2) печати. прокл. по поводу убійствъ полит. ссыльныхъ въ Якутскѣ, изд. народ. 3) гектограф. протестъ къ русскому обществу, по тому-же поводу, административно ссыльные въ городѣ Балаганскѣ.

1890. *За-границей:* 1) Кеннанъ, Сибирь и ссылка (2 выпуска), изд. парижск. соц.-револ. фонда. 2) В. Засуличъ, Варленъ передъ судомъ исправ. полиц., изд. соц.-дем. 3) Листокъ соц.-дем. (по по-

воду Карійской драмы). 4) Убийство политич. ссыльныхъ въ Якутскѣ. 5) Дебагоріи-Мокріевичъ, По двумъ вопросамъ. 6) Цебрикова. Письмо къ Алек. Ш. 7) Ея-же, Каторга и ссылка. 8) Чернышевскій, Заговорщики и соумышленники Людовика Бонапарта. 9) Ея-же, Письма безъ адреса, то и другое изд. Элпидина. 10) Знамя (газета издана въ Америкѣ). 22 номера.

Въ Россіи: 1) Студенческій Вѣстникъ. 2) Извлеченія изъ Кенанна, о жизни политическихъ ссыльныхъ. 3) переиздано письмо Цебриковой къ Александру Ш.

1891. *За-границей:* 1) П. Лавровъ. Русская развитая женщина (по поводу смерти С. В. Ковалевской), вол. русская тип. въ Жен. 2) Плехановъ. Ежегодный всемірный празд. рабоч., изд. соц.-дем. 3) Кеннанъ, Русскіе государственные преступники. 4) Ея-же, Русскія политическія тюрьмы, обѣ брошюры изд. Элпидина.

Въ Россіи: Протестъ харьковскихъ студентовъ противъ устроенной отъ ихъ имени встрѣчи императрицы на станціи Борки.

1892. *За-границей:* 1) Сергѣевскій, Голодъ въ Россіи, изд. кружка стар. народ. 2) Ея-же, По поводу недавн. прокл., изд. кр. стар. народ. 3) Фейербахъ (съ нѣм.) съ прим. Плеханова, изд. соц.-дем. 4) Степнякъ, Чего намъ надо. 5) Ея-же, Загранич. агитація, то и друг. изд. фонда вольн. русск. прессы въ Лондонѣ. 6) Лавровъ, Истор. письма, переизд. социал. фонда въ Цюрихѣ. 7) Плехановъ, О задач. социал. въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи, изд. соц. дем. 8) Еврей о еврейхъ, изд. фонда вольн. русск. прессы въ Лондонѣ. 9) Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену (книга), изд. Украинск. типогр. въ Женевѣ. 10) Четыре рѣчи рабоч. и адресъ петерб. рабоч. Н. В. Шелгунову съ пред. Плеханова, изд. соц. дем. 11) Бакунинъ, Парижск. комм. и понятіе о государственности, изд. анарх. въ Женевѣ. 12) Нигилистка, романъ С. Ковалевской. Вол. русская тип. въ Женевѣ. 13) Отчего рус. раб. народъ голодаетъ (прокл.), изд. народовол. 14) Соціалъ-Демократъ (журналъ) съ 1890—1892 г. вышло четыре номер. 15) Прогрессъ (газета) издавалась въ Нью-Йоркѣ, вышло 15 номер., прекратилась. 16) Free Russia (ежемесячная газета) изд. англійск. друзей русской свободы; выходитъ въ Лондонѣ на англійскомъ языкѣ съ 1890 г. 17) Такая-же газета Free Russia на англ. языкѣ выходитъ въ Нью-Йоркѣ и Frei Russland на нѣм. яз. въ Цюрихѣ. 18) Начатый печататься въ 1888 г. въ Женевѣ трудъ П. Лаврова, Опытъ исторіи мысли, продолжаетъ выходить. За эти годы вышло 7 выпусковъ. Набирается восьмой.

Въ Россіи: 1) Прокламація либераловъ по поводу голода. 2) Проклам. по тому-же поводу группы народовольцевъ. 3) Письмо къ голодающимъ крестьянамъ, изд. народовольцевъ. 4) Программа народовольцевъ. 5) Прокламація къ молодежи, изданная ими же. 6) Летучій листокъ группы народовольцевъ.

ЧТО ДѢЛАЕТСЯ НА РОДИНѢ

1) *Письмо изъ Москвы.* — Злобу дня составляютъ теперь, разумѣется, холера и вызванныя ею народныя волненія, вспыхнувшія въ нѣсколькихъ городахъ и деревняхъ. Прошлогодній голодъ былъ слѣдствіемъ экономическаго хищничества правительства; нынѣшнія народныя движенія безспорно вызваны политической стороной существующаго строя. Подтянутое, замундштученное, лишенное всякой самодѣятельности русское общество во многомъ напоминаетъ общество временъ Незабвеннаго. А въ народѣ по старому „холерные бунты“. Теперь, какъ и въ 30-хъ годахъ, народное негодование обрушивается на администрацію и врачебный персоналъ; теперь, какъ и тогда, поводомъ къ волненіямъ служатъ слухи объ умышленномъ отравленіи народа; теперь, какъ и тогда, у правительства одна забота—усмирить бунтующихъ военною силою, при полномъ нежеланіи и неспособности отдать себѣ отчетъ въ причинахъ самого явленія. Что касается до персонала царскихъ сатраповъ, то врядь-ли такихъ соколовъ можно было найти и въ Николаевскомъ гнѣздѣ. Что вы скажете, напримѣръ, о Барановѣ и о его отнынѣ историческихъ приказахъ, въ которыхъ онъ грозить „повѣсить немедленно и на мѣстѣ подстрекателей къ безпорядкамъ“; о насильственномъ назначеніи тѣмъ-же Барановымъ въ наказаніе „свободныхъ гражданъ“ сани-

тарными служителями въ холерные бараки; о наказаніи розгами „въ административномъ порядкѣ“, широко практикуемомъ въ Нижегородской, Орловской и Екатеринославской губерніяхъ? А сажаніе въ тюрьму бывш. курскимъ губернаторомъ, Валемъ, мужиковъ за отказъ работать по произволію назначенной имъ цѣнѣ—развѣ это не николаевщина, не возвратъ къ крѣпостному праву? Впрочемъ, крѣпостное право распространяется нынче не на однихъ только крестьянъ, ибо иначе чѣмъ другимъ вы объясните себѣ хотя-бы слѣдующее распоряженіе тов. мин. вн. дѣлъ, Шебеко, опубликованное чрезъ начальника харьковск. жанд. упр.: „распространите по линіи Кур.-Хар.-Азов. желѣзной дороги, что служашіе при попыткахъ оставить службу и уходить съ линіи по боязни эпидеміи, будутъ сажаемы въ тюрьму“! Вѣдь это уже относится къ „свободнымъ гражданамъ“, служащимъ по „вольному найму“ и принадлежащимъ къ „привилегированнымъ классамъ“.

Нечего удивляться поэтому, что у насъ повсюду совершаются теперь вещи, достойныя азіатской монархіи. Приведу два-три примѣра. Вы конечно помните, какой неистовый шумъ подняли въ маѣ мѣсяцѣ „Моск. Вѣд.“ по поводу появленія въ англійскихъ газетахъ выдержекъ изъ статьи Льва Толстого, предназначенной имъ для журнала „Вопросы психологіи и философіи“ и не пропущенной тамъ цензурою. Статья эта говоритъ о безвыходномъ положеніи крестьянъ Тульской губ. Вскорѣ послѣ того, какъ появился на страницахъ „Моск. Вѣд.“ настоящій обвинительный актъ противъ Толстого, въ Петербургѣ собрался комитетъ министровъ и рѣшилъ выслать Толстого за-границу или прикрѣпить его безвыѣздно въ Ясной Полянѣ. Вопреки всякихъ ожиданій царь почему-то не согласился съ представленіемъ по этому поводу Дурново, и Толстого оставили въ покоѣ. Тогда Побѣдоносцевъ, въ своемъ христіанскомъ незлобіи, рѣшилъ: „если Толстой неуязвимъ лично, то мы найдемъ способъ заставить его замолчать: за каждое его слово мы сдѣлаемъ отвѣтствен-

ными его послѣдователей“. И вотъ немедленно послѣ этого правительство обрушилось на малочисленныхъ теперь сторонниковъ яснополянскѣ морали всепрощенія. Такъ въ Харьковѣ былъ арестованъ князь Хилковъ, который уже сосланъ административно на 5 л. подъ гласный надзоръ полиціи на Кавказъ, съ приказаніемъ поселить его среди мусульманскаго населенія, незнающаго русскаго языка. Въ Воронежской губ. арестовали нѣкоего Рощина, мирно проживавшаго въ имѣніи доктора Алмазова и виновнаго развѣ только въ томъ, что носилъ лапти вмѣсто сапогъ. Въ Тульск. губ. у врача Буткевича, считающагося также „толстовцемъ“, былъ произведенъ обыскъ и т. дал.

Но до сихъ поръ дѣло идетъ о борьбѣ съ вредными идеями, которую можно объяснить безкорыстнымъ изувѣрствомъ, мракобѣсіемъ и пр. христіанско-поповскими добродѣтелями Побѣдоносцева. А вотъ фактъ другаго рода, въ подкладкѣ котораго лежатъ уже прямо грязные личные мотивы. Онъ сообщенъ мнѣ воронежскимъ обывателемъ. Проживаетъ въ Воронежѣ нѣкій г. Самбикинъ, нѣкогда доблестно подвизавшійся въ качествѣ адъютанта при Муравьевѣ-вѣшателѣ, а нынѣ занимающій должность начальника почтово-телеграфной конторы. Одна помѣщица Воронежск. губ. г-жа Алексѣева заложила свое имѣніе въ какомъ-то изъ Петерб. кредитныхъ обществъ, и по причинѣ невноса ею своевременно процентовъ, имѣніе ея назначено было къ продажѣ съ аукціоннаго торга. Въ день, назначенный для продажи, г-жа Алексѣева внесла въ банкъ деньги, получила квитанцію и поспѣшила въ телеграфную контору, дабы телеграфировать въ Петербургъ о приостановкѣ продажи. Г. Самбикинъ, облюбовавшій имѣніе г-жи Алексѣевой и пославшій уже въ Петербургъ довѣреннаго для приобрѣтенія этого имѣнія для себя, задержалъ депешу до вечера и имѣніе осталось за нимъ. Объ этомъ мошенничествѣ, разумѣется, пошли слухи по городу, и вотъ г. Самбикинъ, подозрѣвая вѣроятно въ распространеніи этихъ слуховъ телеграфиста Го-

ловскаго, шлетъ въ жандарм. управление доносъ о его политической неблагонадежности, при чемъ, съ помощью своихъ клеветовъ, выдумываетъ небывалые факты. Жандармы засаживаютъ Головскаго въ тюрьму, держатъ его тамъ около 2-хъ мѣсяцевъ, и въ концѣ концовъ выпускаютъ по безусловному отсутствію всякой вины. Но вѣдь всякій знаетъ, что значитъ у насъ для дальнѣйшей участи человѣка побывать въ тюрьмѣ по „политическому дѣлу“. Г-жа-же Алексѣева, напуганная вмѣшательствомъ въ это дѣло жандармовъ, разумѣется не подала никакой жалобы на мошенническое присвоеніе Самбикинымъ ея имѣнія. Господа стражи „законности“, столь ревностно искореняющіе крамолу, не угодно-ли вамъ на мѣстѣ убѣдиться въ истинѣ приведеннаго факта. И много-бы еще рассказалъ я вамъ подобныхъ „знаменій времени“, но пора кончать. Всѣ эти и подобные факты растутъ и множатся на разлагающемся трупѣ самодержавія. Правительство, зажмуривши глаза, ведетъ Россію къ полному краху. Раззоривши земледѣльческую страну, оно, въ своемъ мракобѣсіи, доходитъ до закрытія Петровской Академіи, единственнаго высшаго земледѣльческаго учебнаго заведенія на сто двадцать милліоновъ населенія. И вездѣ и всюду одна причина: боязнь крамолы. А крамола эта снова начинаетъ говорить яснымъ языкомъ. Народовольческія прокламаціи встрѣчены съ огромнымъ сочувствіемъ. Перетрусившее правительство произвело по этому поводу, какъ вамъ извѣстно, массу обысковъ и арестовъ. Относительно впечатлѣнія въ крестьянской средѣ народовольческаго „письма къ голодающимъ“ ходитъ также много разказовъ. Правительство озаботилось уже и здѣсь принять мѣры: всѣ письма, получаемыя крестьянами, вскрываются въ волостныхъ правленіяхъ писарями, а гдѣ есть — урядниками.

Москвичъ.

2) *Письмо изъ Саратова**). — Противно присутствовать при усиляхъ администраціи свалить на невѣжество и звѣрство народа холерные бунты, вспыхнувшіе въ Поволжьѣ. Но еще противнѣе видѣть, что и русская, и иностранная печать вѣрятъ этой административной лжи. Причина бунтовъ лежитъ гораздо глубже, и нужно отдать справедливость мѣстнымъ властямъ: онѣ сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы ускорить, усилить взрывъ народнаго негодованія. Мнѣ пришлось быть очевидцемъ саратовскихъ волненій, и за истинность всего, что я расскажу здѣсь, я ручаюсь безусловно. Пусть близорукіе пессимисты, видящіе въ народѣ только звѣря, вдумаются въ подлинную картину бунта, и я увѣренъ, что имъ будетъ стыдно за то, что они взяли сторону правительства противъ народа.

У всѣхъ на памяти еще ужасныя сцены голода, разыгравшіяся въ 1891 г. на громадномъ пространствѣ русской имперіи и особенно у насъ на Поволжьѣ. Обѣщанія правительства придти на помощь голодающимъ, запрещеніе вывоза хлѣбовъ за границу внушили крестьянамъ увѣренность, что царь, которому они вносятъ подати, не дастъ умереть мужикамъ съ голоду. Но самая форма помощи въ видѣ ссуды, которую нужно будетъ возратить; ея нищенскія размѣры — 30 ф. въ мѣсяцъ на брата, съ выключеніемъ способнаго къ труду населенія; злоупотребленія при выдачѣ ссудъ не только со стороны частныхъ лицъ, но и нѣкоторыхъ земствъ; рядомъ съ этимъ, выколачиваніе податей у мало-мальски имущихъ крестьянъ земскими начальниками и вообще мѣстными властями, — все это привело народныя массы къ логичному заключенію, что тутъ дѣло что-то не ладно, что не можетъ-же царь обѣщать голоднымъ хлѣба и не отпускать его

*) Корреспонденція эта была уже набрана, когда мы получили отчетъ о процессѣ саратовскихъ бунтовщиковъ въ легальныхъ газетахъ и частныя свѣдѣнія о томъ-же процессѣ. Мы принуждены теперь выбросить нѣкоторыя подробности и кой-какія имена, — читатель пойметъ, конечно, почему.

вдосталь, давать одной рукой въ видѣ пособія и отнимать другой въ видѣ податей, и пр. и пр. Кто-же виною этого? Конечно, баре и чиновники, стоящіе между царемъ и народомъ и оттирающіе послѣдняго; конечно, привилегированныя сословія и лица, ведущія постоянную борьбу съ мужикомъ. И вотъ на фонѣ этой сословной, чуть-чуть не классовой, вражды народа къ его эксплуататорамъ и притѣснителямъ, народная фантазія расшила самыя разнообразныя, но, повторяемъ, вполне логичныя узоры. Появляется холера. „Почему холера“, спрашиваетъ мужикъ, „развѣ не достаточно было для бѣдныхъ людей одного голода“? Это баре „выдумали“, „напустили“ холеру — такъ и говорилось повсюду. А зачѣмъ выдумали — не хитро понять. Царь, вишь, рѣшилъ давать заправскую помощь безъ отдачи, а баре говорятъ, что это — ссуда, и что ее нужно выплатить. . . . имъ въ карманъ. Царь выдаетъ хлѣбъ всѣмъ, а баре раздають его только старикамъ да ребятамъ, а остальное себѣ въ амбаръ. Царь и въ этомъ году отпустилъ хлѣбъ на всѣхъ, а баре да чиновники думаютъ: „а что ежели за это время побольше народу переморить? Мы, вѣдь, хлѣбъ-то раздаемъ — лишній у насъ въ рукахъ и останется“. И вотъ стали ходить слухи объ отравленіи воды и пищи, о томъ, что людей изводятъ въ больницахъ, и т. дал. Но барамъ, по мнѣнію народа, мало было и заправской холеры, что они напускали на мужиковъ и вообще бѣдняковъ: они нарочно говорили, что холера была тамъ, гдѣ ея совсѣмъ не было. А говорили потому, что прослышали грозную вѣсть: царь узналъ о мошенствахъ баръ и чиновниковъ и рѣшилъ наследника послать на мѣсто для ревизіи. Вотъ лиходѣи и надумали отпугнуть царя отъ этой посылки лживыми слухами о холерѣ. Такъ преломились въ народномъ сознаніи дошедшіе до мужиковъ черезъ пятое на десятое газетныя толки о необходимости ревизіи.

Вообще весной этого года настроеніе массъ отошавшихъ, притѣсняемыхъ, натерпѣвшихся всего и отъ

всѣхъ было крайне возбужденное. Достаточно было пустаго предлога, чтобы переполнить чашу народного негодованія. Какъ всегда, эта задача была блистательно выполнена нашими умными властями. Появляется въ Баку и Астрахани холера—въ Саратовѣ расклеиваются официальные объявленія, совѣтующія не ѣсть огурцовъ, не пить квасу и сырой воды, не спать на землѣ, вести правильный образъ жизни. Но вѣдь официальное объявленіе все равно для простаго человѣка что приказъ. И тутъ-же власти пускаютъ въ ходъ „мѣропріятія“ съ усердіемъ не по разуму. Такъ рѣшено было уничтожить недоброкачественные продукты — полиція начинаетъ истреблять все, что попадаетъ подъ руки. Мало-мальски попривяли огурцы—ихъ сейчасъ керосиномъ обольютъ да на дорогу. Истребили массу воблы. О чайныхъ только поговорили, за то въ одинъ прекрасный день вылили весь квасъ въ Саратовѣ и на пристаняхъ. Другой разъ внезапно закрыли всѣ булочныя на пристаняхъ. И вотъ оставшись безъ овощей, рыбы, квасу, хлѣба, посреди Петрова поста, рабочій народъ, сбившійся въ Саратовѣ, страшно заропталъ: „что-же послѣ этого намъ и ѣсть, и пить“? —спрашивали резонно другъ друга рабочіе.

Къ тому времени происходитъ бунтъ въ Астрахани, и преувеличенные слухи о немъ распространяются по Саратову: говорятъ, что въ Астрахани людей хватаютъ особыми щипцами на улицахъ и — прямо въ больницу фуру, что ихъ хоронятъ живьемъ и вообще всячески изводятъ, и что будто одна „важная персона“ попала въ руки бунтовщиковъ да и рассказала сама обо всемъ этомъ. Замѣтимъ, что слухъ этотъ имѣлъ свои основанія: въ Астрахани изловленный толпой полиціймейстеръ, испугавшись смерти, на вопросъ толпы: „правда-ли, что баре холеру выдумали“, отвѣтилъ утвердительно и отдѣлался за то лишь нѣсколькими тумаками.

Наконецъ, въ Саратовѣ появляются первые случаи

заболѣванія. Начальство упорно замалчиваетъ ихъ сначала, потомъ вдругъ заявляетъ о холерѣ, и вотъ саратовцы сразу, безъ подготовленія, очутились при пугавшей ихъ еще издалека обстановкѣ. Заѣздили по улицамъ знаменитыя холерныя фуры, большія, черныя съ бѣлыми полосами, похожія на гробъ, плотно запираемые засовомъ снаружи. При нихъ никого изъ врачебнаго персонала не было. Кучеръ и два городовыхъ, иногда окологочный, вотъ кто рѣшалъ, боленъ-ли человекъ холерой или нѣтъ, тащить-ли его или оставить. Больныхъ изъ простонародья хватали насильно и насильно отвозили въ госпиталь. Родныхъ на свиданіе не допускали. Уничтожали вещи умершихъ безъ всякаго вознагражденія. Полицейскіе отправляли въ госпиталь перваго попавшагося на глаза больного какъ холернаго. Является, напримѣръ, окологочный къ больной старухѣ, которая лежитъ на печи и охаетъ. „Что, старуха, больна“? — Больна, больна, миленькій. — „Животъ болитъ“? — Охъ, болитъ. — „Тошнитъ тебя“? — И тошнитъ, миленькій, во-какъ тошнитъ. — „Въ больницу“! — Батюшка, я лучше дома помру. — „Въ больницу“! Вбѣгаютъ помощники окологочнаго и, не взирая на отчаянное сопротивленіе старухи, волокутъ въ фуру. Но на крики сбѣгается народъ и отбиваетъ бѣдную женщину. Оказывается, дѣйствительно, что у ней холеры и въ поминѣ не было, а она лежала уже года два на печи отъ хронической болѣзни. Другая сцена. Везутъ холернаго малаго въ больницу въ фуру, а мать ѣдетъ тутъ-же на извожикѣ и ливмя заливается. Привезли, а малый не то умеръ, не то въ обморокъ. Вышелъ фельдшеръ, глянулъ вскользь и говоритъ: „ну, этотъ готовъ, тащите его въ мертвецкую“. Мигомъ приносится большой мѣшокъ; теплый еще трупъ, а можетъ и живаго, обсыпаютъ известкой, всовываютъ въ мѣшокъ, да и поволокли. „Голубчикъ, рыдаетъ старуха, дайте хоть по христіанскому обряду бѣлье привезти да батюшку для панихидки“. — „Некогда намъ съ тобой растабарывать, былъ отвѣтъ фельдшера

—не до того теперь: ты пока будешь ъздить, его ужь закопають“.

Наконецъ, еще сцена, роковая сцена, которая и повела къ бунту. Дѣло было на базаръ, утромъ 28 іюня, наканунѣ Петрова дня. Около одного изъ трактировъ лежала пьяная женщина изъ гулящихъ. Вдругъ два полицейскихъ осторожно подкрадываются къ ней, хватаютъ ее и мигомъ вталкиваютъ въ фуру. Толпа какъ одинъ человекъ бросается защищать женщину и разноситъ фуру въ щепки; оба полицейскихъ и кучеръ убиты. Въ тотъ-же мигъ въ толпу вбѣгаетъ весь въ лохмотьяхъ, безъ шапки, съ известкой въ волосахъ, раскраснѣвшійся, взволнованный рабочій. Онъ только что изъ холернаго барака, куда его запрятали наканунѣ вечеромъ мертвецки пьянымъ, вышибъ раму и прямо, какъ былъ, прибѣжалъ на базаръ. Теперь для толпы нѣтъ сомнѣнія: дѣло не въ холерѣ, а въ томъ чтобы народъ извести; начали съ пьяныхъ, и до трезвыхъ доберутся. „Идемъ бить фуры“, и черезъ нѣсколько мгновеній толпа врывается въ сосѣднее депо фуръ и разбиваетъ ихъ въ щепы. Затѣмъ бунтовщики бросаются къ 1-ой полицейской части. Весь персоналъ полицейскихъ удираетъ; полиціймейстеръ еле еле успѣваетъ спастись на дрожкахъ и спрятаться въ тюремномъ замкѣ. Толпа ничего не грабитъ, но систематически уничтожаетъ: отъ полиціи остались стѣны да полы — ни стекла, ни шкафа, ни бумаги! Вслѣдъ за полиціей бросаются на губернаторскій домъ, но здѣсь во дворѣ стоятъ солдаты, и толпа, раздѣлившись, идетъ разносить одной своей частью холерный баракъ, другою — квартиры врачей, попрятавшихся по знакомымъ. Тутъ, по несчастью, подвертываются пріѣзжіи изъ Риги, нѣкто Клейнъ, и окончившій реалистъ Пемуровъ, очень симпатичный юноша, радикальнаго образа мыслей. Ихъ толпа принимаетъ за врачей, и въ своей ярости на этихъ „баръ“, которые были-де въ заговорѣ съ прочими барамъ и чиновниками, измолачиваетъ палками и камнями до неузнаваемости.

Но что же делали власти, что делали войска? спросить иной читатель. Почему солдаты явились только къ часу пополудни, тогда какъ бунтъ начался часовъ въ 8 утра? Поведеніе властей было верхомъ неумѣлости и растерянности. Наканунъ погрома, когда въ городъ стало неспокойно, губернаторъ выпустилъ прокламацію, но написанную съ обычнымъ умѣніемъ и литературнымъ талантомъ нашихъ официаловъ: вмѣсто того чтобы успокоить, прокламація только разожгла толпу. Губернаторъ говорилъ, напр., что закапыванья обмершихъ людей не было и не могло быть, и тутъ же прибавлялъ, что немедленное зарытіе трупа необходимо противъ заразы, и т. п. Изъ военнаго совѣта, происходившаго дня за два до безпорядковъ между генераломъ Эллисомъ, губернаторомъ и проч., кромѣ безтолочи тоже ничего не вышло. Гражданскія власти предлагали Эллису ввести войска въ городъ и разбить на патрули. Эллисъ не соглашался, напирая на то, что въ лагерь у него не больше 2000 солдатъ, а въ городъ 200.000 народу, да пришлыхъ рабочихъ 50.000, и что патрули легко могутъ быть смяты толпой. Кромѣ того, промежъ солдатъ тоже рассказывалось объ отравленіи воды, закапываньи живьемъ и т. под. вещахъ, и генераль опасался, что солдаты, вмѣсто того чтобы бить бунтовщиковъ, побратаются съ народомъ на почвѣ общихъ страховъ и недовѣрія къ барамъ. Когда бунтъ вспыхнулъ, и потребовались войска, генераль спохватился, что у него въ лагерь нѣтъ боевыхъ патроновъ, а потому, боясь вступать съ толпой въ рукопашную, отправилъ въ городъ двѣ роты, которыя прошли съ барабанами по улицамъ, да маршь-маршь во свояси, за 6 верстъ, захвативъ въ Саратовъ боевыхъ патроновъ. Тогда только весь отрядъ въ 2000 чел. съ пушками двинулся въ городъ и разбился здѣсь на маленькіе отряды въ одну-двѣ роты, проходившіе по улицамъ съ барабаннымъ боемъ. Со стороны толпы не замѣчалось ни боязни, ни желанія напасть. Выходило скорѣе что-то похожее на даровое представленіе для

народа, и много Саратовъ пересмотрѣлъ за это время курьезныхъ вещей. Идетъ толпа, натывается на солдатъ, повертываетъ и уходитъ отъ нихъ; на нее напирають сзади солдаты, но толпа не спѣшитъ, а уж если очень на нее понатиснуть, то задніе ряды ускользаютъ въ боковыя улицы, въ сосѣдніе дворы, и затѣмъ снова появляются, но уже позади солдатъ. Впереди толпа, уходящая отъ солдатъ; позади толпа, бѣгущая за солдатами; посреди — недоумѣвающее воинство. Всѣ тротуары запружены любопытными. Мальчишки не нарадуются такому празднику: бѣгутъ по сторонамъ колонны, свистятъ, поютъ „машину“, вертятся колесомъ... Но комедія кончилась трагедіей. На Соборной площади войска столкнулись съ густой толпой, которая не грабила, не безчинствовала, но, чуть-чуть подавшись назадъ, не хотѣла болѣе отступать. Офицеръ кипятился, прося разойтись; изъ толпы раздалось нѣсколько замѣчаній по адресу и не къ чести храброго воина. Тотъ скомандовалъ: пли! И залпъ въ упоръ размель толпу, которая разбѣжалась, оставивъ 10 человекъ убитыхъ и много раненыхъ. Но волненіе улеглось лишь къ вечеру. По всему городу ходили отряды; врачи пробирались подъ конвоемъ патрулей; около собора на солнцѣ сверкали орудія, смотря своими жерлами въ обѣ стороны Нѣмецкой улицы. Непривычный видъ для русскаго провинціального города!...

Какъ всегда, администрація изъ кожи вонъ лѣзла, чтобы свалить вину на зачинщиковъ, и упорно искала ихъ между интеллигенціей. Разумѣется, это былъ чистѣйшій вздоръ, но три интеллигента были избраны козломъ отпущенія. Одинъ былъ учитель женской гимназіи, Вороновъ, крайне мягкій и добрый человекъ, который уговаривалъ на Соборной площади офицера не стрѣлять въ толпу. Другой былъ студентъ Казанскаго Ветеринарнаго института Медвѣдевъ, который бросился послѣ залпа подавать помощь раненымъ и, на грубый отказъ офицера отдѣлать нѣсколько солдатъ съ этой цѣлью, замѣтилъ: „убивать людей умѣли, а ра-

ненымъ помочь не хотите“. Третій, наконецъ, былъ мѣстный повѣренный, который убѣждалъ разойтись толпу, взбѣшенную видомъ бурлака, вопившаго, подымая кверху руку съ отхваченнымъ саблей пальцемъ: „глядите-тко, православные, какъ съ нами बारे разсуждаютъ“. По слухамъ, администрація находила, что этимъ „зачинщикамъ“, особенно Воронову, мало смертной казни. Какъ отнесется судъ, пока неизвѣстно*).

За то, если интеллигенція была не при чемъ въ саратовскомъ бунтѣ, то толпа выдѣлила изъ себя нѣсколько самобытныхъ чисто народныхъ агитаторовъ. Между ними первое мѣсто заняли К—ъ, силачъ-рабочій, который нѣкогда сломалъ какого-то геркулеса изъ цирка, вызывавшаго зрителей на единоборство, и неизвѣстный, по прозванью „Бараній Задокъ“. За долго до беспорядковъ они искусно вели агитацію, подготовляли почву для взрыва, а когда бунтъ начался, они вездѣ были въ первыхъ рядахъ и направляли толпу по своему желанію на холерные бараки, на полицію, на губернатора. Вечеромъ, когда улеглось волненіе 28 іюня, Бараній Задокъ возьми да и переправься въ слободу Покровскую, лежащую напротивъ Саратова, на лѣвомъ берегу Волги (въ Самарск. г.), и оттуда послалъ въ Саратовъ подложную телеграмму отъ имени начальства: „въ Покровской бунтъ, разбить баракъ, нужны войска“. Изъ Саратова власти сгоряча отправляютъ солдатъ въ Покровскую, и обманъ обнаруживается лишь на утро. Солдаты бѣгутъ обратно, но едва пришли въ Саратовъ, какъ въ Покровской начинается настоящій погромъ, а тѣмъ временемъ Бараній Задокъ и К—ъ, увѣренные, что телеграмма произвела свое дѣйствіе, пытаются организовать въ Саратовѣ свѣжій бунтъ. Только на слѣдующій день начались массовые аресты и допросы. Человѣкъ десять ждетъ смертная казнь**).

*) Власти не рѣшились въ концѣ концовъ даже и привлечь этихъ лицъ къ дѣлу.

**) Свирѣпость суда превзошла даже ожиданія нашего корресп.: судъ присудилъ 23 чел. къ смертной казни и 56 къ разнымъ карамъ.

Всматриваясь въ картину бунта, приходишь къ заключенію, что толпа вела себя вовсе ужъ не такъ глупо и по-звѣрски, какъ угодно утверждать администраціи и газетамъ. На кого прежде всего обрушивается народная ярость? На персоналъ фуры, тащившей пьяную бабу. А затѣмъ на кого? На полицію, на губернатора, т. е. на властей, которыя довели народъ до отчаянія своими умными мѣрами, описанными нами раньше. Правда, толпа взялась потомъ за врачей. Но почему? Потому что она видѣла въ нихъ ненавистныхъ баръ, играющихъ въ карты съ чиновниками, грубо обращающихся съ народомъ въ больницахъ, безучастно смотрящихъ на насильное оттаскиванье простонародья въ бараки, на подборанье пьяныхъ, вмѣсто холерныхъ. Интересно, что въ пылу бунта толпа не тронула въ разнесенномъ баракѣ фельдшерницу, которую знали за хорошую и мягкую женщину. Вообще тотъ самый народъ, котораго официалы представляли звѣремъ, обнаружилъ бездну нѣжности, заботливости, сознанія солидарности съ несчастными больными при разгромѣ барака. Бѣдныхъ больныхъ разбирали къ себѣ на домъ болѣе состоятельные; сами больные смотрѣли на бунтовщиковъ какъ на избавителей; люди обнимались, плакали отъ радости.

Посмотримъ теперь, что сдѣлало начальство, когда на него глянулъ лишь призракъ народной революціи, и такъ-ли ужъ бесполезны были для самого народа холерныя волненія. Прежде всего обязательная отправка чернаго народа въ бараки была отмѣнена: кто хотѣлъ и могъ лечиться дома, оставался у себя. При фурѣ долженъ былъ состоять кто-нибудь изъ понимающихъ дѣло санитаровъ, а не невѣжественный городской или околодочный. Похороны стали назначаться не ранѣе 24-хъ часовъ по смерти холернаго; роднымъ было разрѣшено провожать умершихъ. За уничтожаемыя вещи стали вознаграждать. Массовыя истребленія огурцовъ, квасу и пр. прекратились. И въ довершеніе открыты были чайныя. Въ сущности, народъ добился

отмѣны тѣхъ мѣръ, которыя возмущали его, и намъ ли, русскимъ, толковать о легальности или нелегальности бунта, о звѣрствѣ или мягкости бунтовщиковъ, когда несомнѣнно, что не забунтуй народъ, наше трусливое общественное мнѣніе не обмолвилось-бы ни однимъ звукомъ протеста противъ нелегальности самихъ правительственныхъ мѣръ, противъ звѣрства самой администраціи.

—й—ъ.

3) *Письмо изъ Иркутска.*—Недавно окончился у насъ судъ надъ нѣсколькими политическими административно-ссылными, предварительное слѣдствіе надъ которыми тянулось цѣлыхъ три года. То были офицеръ Викторъ *Кранихфельдъ*, сынъ псаломщика Павелъ *Грабовскій*, сынъ штабсъ-капитана Николай *Ожиговъ*, сынъ титулярнаго совѣтника Владиміръ *Ивановъ*, дворянка Эвелина *Улановская*, мѣщанка Софья *Новаковская* и сынъ коллежскаго регистратора Михаилъ *Ромась*. Обстоятельства дѣла были слѣдующія. Всѣ помнятъ еще, какое тяжелое впечатлѣніе произвела на cadaго чуткаго челоуѣка кровавая расправа правительства со ссылкой въ Якутскъ 22 марта 1889 г. Каково-же могло быть настроеніе у товарищей погибшихъ, находившихся въ Сибири? И вотъ бывшіе тогда въ Балаганскѣ административно-ссылные Кранихфельдъ, Грабовскій, Ожиговъ, Ивановъ, Улановская и Новаковская составляютъ, подписываютъ и гектографируютъ воззваніе къ русскому обществу, протестуя противъ якутской бойни. Это становится скоро извѣстнымъ въ Петербургѣ, и оттуда летитъ въ Иркутскъ приказъ о немедленномъ арестѣ „крамольниковъ“, которые осмѣливаются возвысить свой голосъ, въ то время какъ все общество молчитъ. Три года обвиняемые содержатся въ тюрьмѣ, при невозможно-тяжелыхъ условіяхъ, и это подъ пред-

логомъ предварительнаго слѣдствія, хотя никто изъ нихъ и не думалъ заператься въ своемъ „преступленіи“. Владиміръ Ивановъ, молодой и здоровый юноша, бывшій студентъ Института гражданскихъ инженеровъ, умираетъ въ тюрьмѣ, и дѣло его „прекращается за смертью обвиняемаго“. Съ другой стороны власти узнаютъ, что находившійся въ Акмолинской области ссыльный Ромась распространяетъ балаганскій протестъ, и вотъ его везутъ за три тысячи верстъ и „пріобщаютъ къ дѣлу“. Наконецъ, по истеченіи трехъ лѣтъ обвиняемые появляются предъ тайнымъ судомъ, который по статьѣ 251 и 318 Уложенія о Наказаніяхъ приговариваетъ ихъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и каторжнымъ работамъ. Царь въ своемъ милосердіи замѣняетъ это наказаніе пожизненной ссылкой въ отдаленнѣйшія мѣста Якутской области...

Что сказать намъ по этому поводу? Балаганцы живо похоронены, погибли, какъ погибали тысячи ихъ предшественниковъ, исполняя свой долгъ, борясь противъ насилія. И невольно приходятъ на память нѣсколько словъ изъ предсмертнаго письма Когана-Бернштейна, тяжело раненаго солдатами во время якутской исторіи и поднесеннаго къ висѣлицѣ на кровати: „Не говорите и не думайте, обращается онъ къ товарищамъ, что ваша жизнь пропала, что она вся пройдетъ въ напрасныхъ страданіяхъ и мученіяхъ. Страдать мучками своей родины, быть живымъ укоромъ всѣмъ исчадіямъ мрака и зла — это великое дѣло. Пусть это будетъ вашей послѣдней службой — не бѣда. Вы принесли свою лепту на алтарь борьбы за Народную Волю“. Пусть послужатъ эти слова мученика для вновь погребенныхъ въ снѣжныхъ пустыняхъ Якутской области утѣшеніемъ и надеждою на близкое торжество Народной Воли, надеждою, съ которой Бернштейнъ геройски умеръ на висѣлицѣ! „Да не покинетъ васъ никогда эта великая надежда, какъ не покинетъ она меня и на самомъ эшафотѣ“, заключаетъ онъ свое письмо, и мы знаемъ, какой теплый откликъ нашли

эти слова въ сердцахъ его товарищей, замуравленныхъ въ далекой Вилюйской тюрьмѣ. Балаганскіе ссыльные доблестно исполнили свой долгъ — честь имъ и слава! Они показали безмолвствующему и холопствующему обществу, какъ надо бороться съ деспотизмомъ. Они напомнили лишній разъ революціонерамъ о необходимости скорѣйшей организаци и борьбы подъ единственно возможнымъ въ Россіи знаменемъ, знаменемъ Народной Воли.

А.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

При разсмотрѣніи вопроса объ открытіи въ Петербургѣ женскаго медицинскаго института, одинъ только Побѣдоносцевъ былъ противъ, и тѣмъ не менѣе царь принялъ сторону „скромнаго инока святѣйшаго синода, не мѣшающагося въ дѣла міра сего“.

Петербургскія власти очень косо взглянули на докладъ о голодѣ, представленный г. Фальбергомъ въ Вольное Экономическое Общество.

Царь по прежнему продолжаетъ окружать себя бездарностями. „Особливо характерно, — пишетъ намъ одинъ либераль, — назначеніе Кривошеина министромъ путей сообщенія. Это такое вѣрноподданное и при томъ нечистое на руку ничтожество, какаго со временъ Клейнмихеля на этомъ посту не бывало“.

Новый кандидатъ въ министры, Черниговскій губернаторъ, г. Анастасьинъ, приобрѣлъ благосклонность царя тѣмъ, что искоренилъ крамолу въ образѣ земскаго начальника, г. Чернолузскаго, уволивши его отъ службы за то, что онъ отстаивалъ интересы крестьянъ.

Саратовскій губернаторъ, князь Мещерскій, запрещаетъ крестьянамъ переселенія и вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ имъ высылкой въ Сибирь „за превратное толкованіе нѣкоторыхъ административныхъ распоряженій, касающихся голода“.

Воронежскій губернаторъ, г. Куровскій, не разрѣшаетъ спектаклей въ пользу открытой съ дозволенія министерства воскресной школы, на томъ основаніи, что такая школа—„излишняя роскошь“!

Одинъ изъ рыцарей „Русскаго Вѣстника“, Воронежскій вице-губернаторъ, г. Позднякъ, воспретилъ публичное чтеніе въ пользу голодающихъ извѣстнымъ писателямъ гг. Эртелю и Потапенко, и это въ мѣстности, гдѣ развившаяся на почвѣ голодовки цынга влечетъ за собою у крестьянъ полную потерю зрѣнія и гдѣ „у цынготныхъ матерей почти поголовно ослѣпли дѣти“ (см. „Недѣля“, 1892, № 19).

Отвергаемые съ такимъ благороднымъ негодованіемъ Нижегородскимъ губернаторомъ, г. Барановымъ, слухи о томъ, что въ голодный годъ „онъ и себя постарался обезпечить отъ голода“, подтверждаются все болѣе и болѣе.

Лукояновскій уѣздный предводитель дворянства, г. Философовъ, послѣ обнаруженія извѣстныхъ злоупотребленій по продовольствію голодающихъ крестьянъ Лукояновскаго уѣзда, отправился въ Петербургъ и тамъ держалъ къ г. Дурново такую рѣчь: „насъ обвиняютъ, что мы доводимъ крестьянъ до голодной смерти—это не правда, до этого дѣло не доходило; но что мы не помогали имъ прокормить скотъ, что мы не баловали и ихъ самихъ подачками—это совершенно вѣрно. Что-же изъ этого? Вѣдь принципъ сохраненія и развитія дворянскаго землевладѣнія, провозглашенный въ настоящее царствованіе, можетъ быть реализованъ

только при условіи существованія рядомъ съ помѣщицкой усадьбой безземельныхъ батраковъ, и, слѣдовательно, поступая такъ, мы лишь исполняли правительственную программу“.

Томскій губернаторъ, г. Булюбашъ, запрещаетъ концерты въ пользу „общества для открытія начальныхъ школъ“, и такая дѣятельность просвѣщеннаго администратора находитъ себѣ полное сочувствіе у попечителя учебнаго округа, г. Флоринскаго.

Кіевскій генераль-губернаторъ, графъ Игнатьевъ, въ то время какъ занималъ такую-же должность въ Иркутскѣ, получилъ для конфирмаціи смертные приговоры Зотову, Коганъ-Бернштейну и Гаусману, осужденнымъ въ Якутскѣ. — „Я скорѣе выйду въ отставку, чѣмъ подпишу эти приговоры“, воскликнулъ добродѣтельный графъ, и дѣйствительно держалъ ихъ неподписанными болѣе мѣсяца, въ теченіи котораго усиленно хлопоталъ о переводѣ въ Кіевъ, что и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Такъ Игнатьевъ и ухалъ, передавши неконфирмированные приговоры временному пріемнику своему, какому-то полоумному генералу Беревкину, который ихъ и утвердилъ. „Отецъ лжи“ почти, какъ видите, сдержалъ свое слово.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О Н. В. ШЕЛГУНОВѢ*)

Другіе оцѣняютъ значеніе Шелгунова, какъ писателя. Моя роль — подѣлиться съ публикой кое-какими личными воспоминаніями о покойномъ. Съ Николаемъ Ва-

*) Эти воспоминанія, написанныя человѣкомъ близкимъ къ Н. В. Шелгунову въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг., были доставлены П. Л. Лаврову и прочтены имъ въ Парижѣ на вечерѣ въ память Шелгунова.

Сильевичемъ я видался очень часто въ теченіе 3-хъ или 4-хъ лѣтъ, и одно время обстоятельства заставили меня близко сойтись съ нимъ. Потомъ нѣкоторое время мы переписывались, а потомъ, какъ часто бываетъ у людей, живущихъ при совершенно различныхъ условіяхъ, наша переписка стала менѣе и менѣе оживленной и совсѣмъ прекратилась.

Съ Шелгуновымъ я познакомился въ концѣ 1879 г., вскорѣ послѣ того, какъ ему было позволено вернуться въ Петербургъ послѣ 15-ти лѣтняго скитанія по провинціальнымъ городамъ. Меня ему отрекомендовалъ одинъ изъ сотрудниковъ „Дѣла“. Съ большимъ смущеніемъ и съ неменьшимъ желаніемъ скрыть его, я вошелъ въ меблированную комнату одного изъ громадныхъ домовъ на Александровской, теперь Пушкинской, улицѣ. Мнѣ, человѣку 70-хъ годовъ, не хотѣлось произвести дурнаго впечатлѣнія на человѣка 60-хъ; а я еще такъ недавно читалъ полемику Шелгунова съ Скабичевскимъ, въ которой Шелгуновъ слегка иронизировалъ, между прочимъ, надъ большими претезіями 70-хъ годовъ. Но мое смущеніе и досада на автора этой статьи улеглись почти мгновенно, когда, послѣ первыхъ банальныхъ фразъ, Николай Васильевичъ просто и тепло заговорилъ со мной о томъ, какъ онъ интересуется теперешней молодежью и какъ онъ отсталъ отъ ея думъ и желаній, живя все время въ провинціи. Признаться, я не ждалъ этого и съ полной откровенностью высказалъ Шелгунову, что я думалъ, входя къ нему въ комнату, и какъ я рѣшилъ дешево не продать своей жизни и любимыхъ мною 70-хъ годовъ... Шелгуновъ улыбнулся той хорошей и странной улыбкой, которую я потомъ такъ любилъ у него: отчасти коварная, почти мѣфистофельская, эта улыбка была согрѣта гуманнымъ отношеніемъ къ собесѣднику и одухотворена дѣятельной мыслью. Шелгуновъ своею физиономіей мнѣ всегда напоминалъ именно Мѣфистофеля, но Мѣфистофеля добраго, проникнутаго любовью къ людямъ. Его низкій посрединѣ лобъ, поднимавшій-

ся высоко къ обоемъ вискамъ, довольно коротко остриженные волосы, тонкія и обширныя дуги бровей, небольшіе узкіе глаза, острый носъ, тонкія губы, отгнанные негустыми усами, и козлиная бородка на выдающемся подбородкѣ — все это было точно скопировано съ классическаго Мефистофеля, но выраженіе было не злое, а лишь чуть-чуть коварное, и добродушный негромкій смѣхъ часто прерывалъ его разговоръ, въ которомъ звучала постоянно странная, но не лишенная пріятности нота гуманной ироніи. Въ довершеніе всего и ходилъ-то онъ какъ-то по мефистофельски, быстро, слегка припрыгивая и не безъ своеобразной торпливой граціи.

Въ то время, когда я познакомился съ нимъ, по его лицу нельзя было никакъ опредѣлить его возраста: не то 40, не то 50 лѣтъ. Его рѣчь звучала рѣдкой убѣдительностью: не могу сказать, чтобы онъ былъ заправскій ораторъ — мы, русскіе, вообще не грѣшимъ этимъ — но говорилъ онъ просто, плавно и подчасъ такъ-же хорошо, какъ были написаны его лучшія статьи. Замѣчу, между прочимъ, что почти всѣ его статьи были написаны другими подъ его диктовку, и диктовалъ онъ такъ-же легко, какъ и говорилъ. Спорить онъ не любилъ, и въ особенности не любилъ запальчивыхъ спорщиковъ, но онъ всегда умѣлъ найти въ аргументахъ своего собесѣдника какой-нибудь мостикъ, чтобы незамѣтно перевести противника на свою сторону. Я думаю, здѣсь играло главную роль его удивительное врожденное чувство такта, которое никогда не позволяло ему оскорблять спорившаго. Было-бы, впрочемъ, ошибкою думать, что онъ былъ, что называется, человекъ покладистый на убѣжденія. Наоборотъ, по основнымъ вопросамъ онъ оставался всегда вѣренъ идеаламъ своей молодости, и если въ чемъ можно было упрекнуть его, такъ это скорѣе въ томъ, что въ его революціонныхъ воззрѣніяхъ была извѣстная доля традиціоннаго элемента: „такъ дѣлали наши прадыреволюціонеры, — такъ должны дѣлать и мы“. А Шел-

гуновъ былъ убѣжденный социалистъ и убѣжденный революціонеръ. Онъ не былъ, пожалуй, тѣмъ, что называютъ теперь „научнымъ социалистомъ“: самыя условия его развитія и русская дѣйствительность, гдѣ ему пришлось жить и бороться, заставляли его придавать большее значеніе идейному элементу, интеллигенціи, чѣмъ, можетъ быть, допустилъ-бы это послѣдователь „научнаго социализма“. Но кто изъ насъ, русскихъ людей, такъ безгрѣшенъ въ этомъ отношеніи, чтобы могъ бросить этотъ камень въ человѣка, которому только передъ смертью удалось услышать сознательный откликъ среди русскихъ рабочихъ? За то по другому вопросу Шелгуновъ былъ гораздо ближе къ научному социализму, чѣмъ социалисты-утописты прошлаго времени. Именно, онъ былъ страстный политикъ и полагалъ, что революціонная политическая дѣятельность, предпринятая организованной партіей, можетъ сдѣлать удивительно много въ социалистическомъ смыслѣ.

Я припоминаю одинъ вечеръ у Шелгунова, когда онъ жилъ уже вмѣстѣ съ семьей въ большой квартирѣ. Собралось довольно много литераторовъ-социалистовъ, офицеровъ, студентовъ и студентокъ и кое-кто изъ крупныхъ нелегальныхъ народовольцевъ, которыхъ полиція тщетно пыталась словить. Дѣло было въ половинѣ февраля 1881 г. Много пили, много танцовали и еще больше говорили о политикѣ. Хорошее это было время: даже тотъ, кто не вѣрилъ въ близость социальной революціи, ждалъ съ часу на часъ политическаго переворота. Довольно большое число изъ гостей Шелгунова знали о томъ, что Народная Воля поставила рѣшительный ультиматумъ правительству: смерть абсолютизму или скорая смерть царю; и кое-кто изъ насъ зналъ, что катастрофа была ближе, чѣмъ думали въ публикѣ. За ужиномъ одинъ революціонеръ поднялъ бокалъ за „разрушеніе старой Россіи“. Всѣ оживились, и Шелгуновъ, въ пылу разговоровъ, провелъ очень удачную параллель между цивилизаторской дѣятель-

ностью Петра I и революціонной дѣятельностью народовольцевъ. Замѣчу, что Шелгуновъ, пламенный западникъ, вообще очень любилъ Петра: это былъ въ нѣкоторомъ родѣ герой его историческаго романа. „Мнѣ совсѣмъ не нравится Петръ, какъ царь, — сказалъ онъ на этотъ разъ, — но я преклоняюсь предъ нимъ, какъ предъ диктаторомъ. Въ чемъ была сила его? Въ томъ, что онъ разбилъ старыя формы московской Руси и ускорилъ естественный ходъ вещей, въ двадцать лѣтъ сдѣлалъ то, что московскіе цари тяпали-бы да ляпали цѣлыхъ двѣсти. Теперь-же я готовъ кричать ура народовольческой диктатурѣ: дѣло русскихъ социалистовъ-революціонеровъ разбить устарѣлыя для нашего времени формы петербургской имперіи и вытащить на свѣтъ божій новое общество“.

Двѣ недѣли спустя Шелгуновъ зашелъ ко мнѣ въ воскресенье—дѣло было 1 марта 1881 года—и мы отправились съ нимъ пройти на Невскій. Мы были на углу Екатерининскаго канала... Вдругъ раздался какой то необычный гулъ, и мимо насъ, съ гикомъ, со свистомъ, давя прохожихъ, промчался бѣшеннымъ галопомъ эскадронъ казаковъ, копыя впередъ, шашки на голо. Обоихъ насъ, точно электрическій токъ, пронизала одна мысль: должно быть покушеніе. Мы не ошибались: казаки были вызваны по телеграфу къ Зимнему дворцу; на встрѣчу намъ бѣжалъ народъ, разсыпаясь по улицамъ, по переулкамъ, торопясь сообщить что-то другъ другу, встрѣчнымъ знакомымъ и незнакомымъ, и все это съ какимъ-то таинственнымъ видомъ. Мѣстами образовывались кучки; слышалось: „убили... нѣтъ... спасенъ... тяжело ранили“.... Я до сихъ поръ не могу забыть выраженія лица Шелгунова: его глаза смотрѣли напряженно вдаль, точно старались разглядѣть, чтó дѣлалось за извилиной канала; тонкій носъ, острый подбородокъ, казалось, впивались въ пространство; блѣденъ онъ былъ смертельно. Я понималъ его: неужели новое неудачное покушеніе, и, можетъ быть, новая ненужная кровь и новыя ненужныя жертвы?

Намъ безумно захотѣлось бѣжать впередъ, все впередъ, *туда*, гдѣ совершался великій актъ русской трагедіи. Не знаю какъ онъ, но мнѣ казалось, что я съ ума сойду, если сейчасъ-же не узнаю, чѣмъ кончилось *тамъ*. Мы пробѣжали съ нимъ нѣсколько шаговъ, какъ намъ на встрѣчу попался знакомый редакторъ одного либеральнаго духовнаго журнала. На его лицѣ было написано какое-то мучительное и пугливое недоумѣніе. Онъ бѣжалъ, какъ оказалось послѣ, предупредить своихъ домашнихъ и, тяжело дыша въ енотовой шубѣ, махалъ мѣховою шапкой. Должно быть, онъ упалъ передъ этимъ: по его лицу катились капли пота, вѣрнопоподанническія слезы и маленькіе ручейки отъ приставаго къ лицу и растаяваго грязнаго снѣга. „Сейчасъ увезли... очень раненъ... государя убили, навѣрно убили... Самъ видѣлъ; другаго арестовали, а тотъ самъ убилъ себя“,—лепеталъ плачущій либераль безъ шапки. Мы сѣли на извозчика и доѣхали до квартиры Шелгунова вмѣстѣ. О томъ, что государь тяжело раненъ, знали уже почти всѣ прохожіе. По улицамъ бѣжали городовые и гвардейцы и запирали наскоро портерныя, кабаки, харчевни: правительство боялось бунта и думало, что покушеніе было только сигналомъ возстанія. Одинъ извозчикъ закричалъ другому, везшему одного моего пріятеля, сотрудника „Отечеств. Записокъ“: „Ванька, дьяволъ, полно баръ возить: государя на четыре части рѣзорвало“. Въ шесть часовъ вечера я былъ у Шелгунова, гдѣ собралось нѣсколько близкихъ друзей его изъ литераторовъ и кое-кто изъ революціонеровъ. Шелгуновъ былъ сдержанъ, но, очевидно, внутренно доволенъ, и если не показывалъ большой радости, то по врожденному чувству такта: не танцовать-же надъ сваленнымъ врагомъ! Но онъ былъ гораздо болѣе озабоченъ, чѣмъ его друзья, по большей части, младшіе его по возрасту. Онъ задавался уже вопросомъ: „что-же дальше, что дѣлать, что предпринять, на что рассчитывать?“ Большинство литературной братіи отдавалось, напротивъ, всецѣло чув-

ству радости и строило самые радужные планы. Странное дѣло: революціонеры представляли на этомъ собраніи единственно-серьезный критическій элементъ и напирали на то, что, молъ, нельзя-же только ликовать да ликовать, нужно и поразобратъ промежь себя работу для возможнаго давленія на правительство въ печати, покамѣсть не ушло время. Въ этомъ отношеніи Шелгуновъ былъ согласенъ скорѣе съ ними, чѣмъ съ записными литераторами, лишь „сочувствовавшими“ движенію. Къ тому времени принесли уже правительственную телеграмму, въ первомъ, неисправленномъ еще изданіи, которая начиналась словами: „Воля Всевышняго совершилась; Богу угодно было призвать къ себѣ Монарха“. Телеграмма была встрѣчена съ большимъ оживленіемъ; кто-то съострилъ даже: „Народная Воля—Воля Божія“...

Увы, и на этотъ разъ, и съ этой узловой точки Россія двинулась въ сторону реакціи. Возстанія не происходило, общество лишь „сочувствовало“, и Александръ III заявилъ своимъ манифестомъ, что онъ вступаетъ на тронъ самодержцемъ, какъ его предки. Шелгуновъ употреблялъ въ это время всѣ усилія, чтобы пресса настойчиво заявила о необходимости новаго политическаго режима, и добился того, что значительная часть его пріятелей, писателей-соціалистовъ, поразобрали между собою временно роли либеральнаго репертуара. Да, фактъ знаменательный и показывавшій, какъ русскіе либералы не умѣли ясно говорить даже о томъ, что лежало у нихъ издавна на сердцѣ: лучшія статьи въ чисто либеральныхъ газетахъ, которыя заговорили тогда о конституціи, были написаны соціалистами и кое-какими нелегальными. Покойный Харламовъ написалъ передовицу въ „Странѣ“, а статья въ „Порядкѣ“, которую приписывали Стасюлевичу, была, если не ошибаюсь, составлена однимъ крупнымъ народовольцемъ.

Но жизнь, какъ Шекспиръ, пускаетъ трагичное въ перемежку съ комичнымъ, и иного рода воспоминанія

изъ этого и хорошаго, и страшнаго времени связаны у меня съ Шелгуновымъ. Подобно прочимъ квартирантамъ, я былъ избирателемъ въ знаменитый „бараній парламентъ“, названный такъ по имени выдумавшаго его фигляра и самодура Баранова*). Въ противность обычнымъ порядкамъ, здѣсь не избиратель шелъ къ урнамъ, а къ избирателю урны во образъ полицейскихъ: гражданамъ внезапно было предписано весь день сидѣть дома и дожидаться полицейскихъ съ опросомъ: „кого вы желаете выбрать“? Какъ была понята эта процедура мелкими полицейскими сошками и дворниками, не говоря уже о большинствѣ населенія, видно изъ слѣдующаго. Утромъ въ день выборовъ прибѣгаетъ ко мнѣ ни живъ, ни мертвъ дворникъ и лепечетъ: „господинъ, потрудитесь убрать всѣ запрещенныя книжки, коли ежели имѣются, и ждуть полицію: сегодня приказъ произвести повальный обыскъ, и объ этомъ начальство извѣщаетъ для вѣрности заранее“. Должно быть я улыбнулся: „не вѣрите, господинъ, — вскричалъ дворникъ — ей богу-съ такъ! Вонъ и лавочникъ все время катаетъ сельдяныя бочки, да ищетъ: все бонется, что ему скубенты книжку по злобѣ подбросятъ“. Несмотря на строгое запрещеніе выходить изъ дома, многіе изъ насъ, знавшіе Шелгунова, старались произвести избирательную агитацію въ его пользу и ходили по друзьямъ и знакомымъ съ просьбой давать имя Шелгунова. Николай Васильевичъ добродушно улыбался, видя наши старанія, но отказываться не отказывался: „считаю долгомъ заявить избирательному комитету, — говорилъ онъ шутя намъ, — что программа у меня будетъ простая: на первомъ-же засѣданіи полицейскаго парламента я заявлю, что нужно распустить его и приступить къ выборамъ въ Земскій Соборъ“. Избранъ Шелгуновъ, конечно, не былъ, но начальство, какъ говорятъ, очень переполошилось, узнавъ,

*) Дѣло идетъ о тогдашнемъ Петербургскомъ градоначальникѣ, недавнемъ Нижегородскомъ губернаторѣ, а теперь Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ.

что Николай Васильевичъ на одной Пушкинской улицѣ, гдѣ была его квартира, получилъ 60 голосовъ...

Здѣсь не мѣсто говорить, почему и отчего не удалось 1-е марта. На Шелгунова это сильно подѣйствовало, и когда, послѣ побѣдки въ центральную Россію, я увидался съ нимъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1881 года, я нашелъ его страшно похудѣвшимъ, страшно нервнымъ, и его мѣфистофельская физіономія приняла скорбное выраженіе. Но въ то время какъ другіе начинали примиряться съ входившей во вкусъ да въ аппетитъ реакціей, Шелгуновъ все оставался на своемъ посту вѣрнымъ своимъ идеаламъ. Тогда я замѣтилъ лишь въ немъ одну новую черту: онъ значительно скептичнѣе сталъ смотрѣть на роль интеллигенціи, чѣмъ прежде, и будь въ это время мало-мальски возможна дѣятельность среди рабочихъ или даже среди крестьянъ, онъ удѣлилъ-бы въ своемъ представленіи о революціонной диктатурѣ очень почетное мѣсто народнымъ массамъ. Но, повторяю, бодрымъ и вѣрующимъ онъ оставался неизмѣнно, и въ этомъ его не успѣла разочаровать 30-лѣтняя борьба съ русскимъ строемъ. Въ послѣднемъ письмѣ его ко мнѣ изъ Берлина, гдѣ онъ былъ весной 1884 года передъ возвращеніемъ изъ короткаго путешествія по заграничѣ, онъ говоритъ, между прочимъ: „черезъ нѣсколько часовъ переѣзжаю границу— странное ощущеніе: точно я снова ученикъ, идущій на строгій экзамень; и, какъ во дни своей молодости, машинально я вычистилъ сюртучекъ и застегнулся на всѣ пуговицы. Впрочемъ, мнѣ это дѣло привычное“. Экзамень оказался строже, нежели думалъ Николай Васильевичъ: съ границы его прямо отправили въ Петропавловку, и однимъ изъ мотивовъ его ареста было знакомство съ террористами и печатаніе въ „Дѣла“ статей, которыя писались нелегальными, въ особенности статей Тихомирова, онъ-же И. Кольцовъ „Дѣла“, онъ-же Каратаевъ либеральныхъ домовъ Петербурга. Упомянутіемъ объ этой ироніи судьбы позволю себѣ закончить мои воспоминанія...

Я заранѣе извиняюсь передъ поклонниками Шелгунова въ отрывочности и, можетъ быть, недостаточной интересности этихъ наскоро набросанныхъ замѣтокъ. Приглашеніе написать хоть что-нибудь о Шелгуновѣ застало меня врасплохъ. Я сдѣлалъ, что могъ и что я считаю нравственнымъ долгомъ передъ покойникомъ и передъ идеаломъ, которому онъ служилъ. Какъ-бы мнѣ хотѣлось, чтобы хоть разъ съ этихъ блѣдныхъ страницъ глянулъ на моихъ читателей живой образъ Николая Васильевича, дорогаго, милаго Николая Васильевича, такого, однимъ словомъ, какимъ я зналъ его: человѣка свѣтлаго ума и золотаго сердца!...

АДРЕСЪ „ГРУППЫ ОФИЦЕРОВЪ“ П. Л. ЛАВРОВУ
[къ 2/14 Іюня 1892 года]*).

Дорогой учитель!

Наше сердечнѣйшее поздравленіе ко дню Вашего рожденія шлемъ мы съ дорогой Вамъ родины въ далекой пріютъ на чужбинѣ. Долгіе годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи впервые раздался Вашъ голосъ, зовущій людей съ чуткимъ сердцемъ и правдивой душой на борьбу за народное счастье. Много благородныхъ борцовъ погибло въ этой борьбѣ, жертвуя жизнью для торжества своихъ убѣжденій, много крови стоила эта неумолимая борьба. И теперь, когда въ Россіи пульсъ общественной жизни бьется слабѣе, когда силы революціоннаго движенія какъ будто исто-

*) Адресъ этотъ былъ присланъ нашему товарищу ко дню его рожденія. Но естественное чувство деликатности долго мѣшало П. Л. Лаврову отдать его для печатанія. П. Л. Лавровъ согласился предоставить его въ наше распоряженіе, лишь уступая нашимъ настоятельнымъ просьбамъ. Намъ пришлось напомнить члену нашей группы, что адресъ этотъ, исходя отъ лучшей части нашего офицерства, имѣетъ общественное значеніе, и что передъ интересами общаго дѣла должны отступать на задній планъ личныя побужденія, какъ-бы высоки сами по себѣ они ни были.

шились, когда „смоккли честные, доблестно павшіе“, а реакція подняла голову и справляет свои бѣшенныя оргіи на нашей несчастной родинѣ—теперь иному близорукому наблюдателю можетъ показаться, что жертвы были принесены напрасно, что борьба была бесполезна, что стремленія, одушевлявшія героевъ нашего движенія, исчезли и не оживутъ вновь для того, чтобы позвать деспотизмъ на смертельный бой, въ которомъ онъ долженъ понести неизбѣжное пораженіе. Такія мнѣнія можно теперь встрѣтить; но люди, думающіе такъ, болѣе чѣмъ близоруки. Революціонное движеніе не умерло, не исчезли стремленія, воодушевлявшія на смерть за народное благо сотни благородныхъ сердець, и къ Вашему голосу, дорогой учитель, попрежнему прислушивается все молодое и честно-мыслящее въ Россіи. Подростаетъ и формируется новое революціонное поколѣніе. Оно учится и сѣумѣетъ понять уроки прошлаго и задачи настоящаго. Оно сѣумѣетъ расширить русло нашего движенія, вовлечь въ него новые, мало затронутые прежнимъ движеніемъ, революціонные по своему общественному положенію, народные слои и, объединивъ ихъ подъ знаменемъ рабочаго социализма, позвать деспотизмъ на смертельный бой. Да, дорогой учитель, Вашъ голосъ раздастся и будетъ раздаваться среди насъ. И въ нашей офицерской средѣ, несмотря на самыя неблагопріятныя окружающія условія, сѣмена Вашихъ честныхъ мыслей нашли и находятъ себѣ благодарную почву. Можно уже насчитать не одинъ десятокъ людей, принадлежащихъ къ нашей средѣ, которыхъ воодушевляетъ желаніе бороться за политическое и экономическое освобожденіе Россіи, и которые знаютъ свое мѣсто въ предстоящемъ бою съ деспотизмомъ. Эту ненависть къ существующему строю и это воодушевленіе воспитали въ насъ именно Вы своими знаменитыми „Письмами“ и другимъ, дышащимъ глубокимъ убѣжденіемъ и любовью къ народу, сочиненіями. Примите-же отъ насъ, дорогой учитель, сердечнѣйшія пожеланія еще долгой, долгой жизни на

благо родины, пожеланія дожить до той счастливой минуты, когда вся свободная Россія съ гордостью и торжествомъ будетъ встрѣчать своихъ лучшихъ сыновъ, пострадавшихъ и страдающихъ за благо родины въ изгнаніи на далекой чужбинѣ.

Группа офицеровъ.

ОТВѢТЪ П. Л. ЛАВРОВА.

Дорогіе товарищи!

Я получилъ Вашъ привѣтъ съ родины. Онъ глубоко мня тронулъ; онъ принесъ мнѣ свидѣтельство о томъ, насколько молодые дѣятели не забываютъ насъ, работающихъ вдали отъ нихъ на пользу той-же родины, насъ, отдаленныхъ отъ нихъ и многими десятилѣтіями тяжелой жизни. Не считаю себя лично заслужившимъ тѣ почетныя для меня выраженія, которыя вы употребляете, но успокоиваюсь на мысли, что въ вашихъ словахъ я долженъ читать обращеніе не ко мнѣ лично, а къ одному изъ самыхъ старыхъ, — если даже не самому старому, — служителей того убѣжденія, которое одушевляетъ и васъ. И вотъ причина, которая дѣлаетъ для меня вашъ привѣтъ еще дороже. Съ родины, откуда большею частью извѣстія приходятъ въ послѣдніе годы все печальнѣе, гдѣ все шире царитъ упадокъ духа, индифферентизмъ къ общественному дѣлу и ренегатство даже въ тѣхъ средахъ, на которыя дозволительно было наиболѣе надѣяться, съ этой родины приносится еще одно вѣяніе здоровое и свѣжее, свидѣтельствующее о существованіи людей убѣжденныхъ и рѣшительныхъ. Дорого мнѣ было услышать ваши молодые голоса, смѣло утверждающіе, что „революціонное движеніе не умерло“, что „подрастаетъ и формируется новое революціонное поколѣніе“, которому, какъ я надѣюсь, удастся приблизить часъ побѣды со-

ціалізма и часъ политическаго переворота въ Россіи. Въ послѣдніе мѣсяцы съ разныхъ сторонъ доходятъ до меня эти симптомы новаго пробужденія и новаго оживленія на нашей родинѣ. Очень хотѣлось-бы вѣрить, что это оживленіе не пропадетъ даромъ, что оно поведетъ не только къ личнымъ энергическимъ дѣламъ, но и къ прочной широкой организациі. Немного лѣтъ осталось мнѣ бороться вмѣстѣ съ вами; немного силъ сохранилъ я для этой поздней борьбы; но я постараюсь до конца продолжать мою службу подъ знаменемъ русской мысли, русской свободы и русскаго социализма. И я позволяю себѣ надѣяться, что мнѣ удастся, можетъ быть, увидѣть въ мои послѣдніе годы, что тѣ, которые борются за это знамя, если и не побѣдили еще, то готовятъ ему побѣду своею энергіею, своимъ самоотверженіемъ, своимъ умѣніемъ сплотиться и своимъ пониманіемъ требованій родины.

Привѣтъ всѣмъ борцамъ за лучшую будущность Россіи.

П. Лавровъ.

НАРОДОВОЛЬЧЕСКАЯ ПРОГРАММА*)

Подъ этимъ заглавіемъ „Группа Народовольцевъ“ издала принятую ею программу Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли, внесши при этомъ въ нее нѣкоторыя измѣненія, обусловленные временемъ, но не измѣняя основныхъ принциповъ народолюбства. Выполнить эту программу *въ шломя*, пользуясь всѣми средствами революціонной борьбы,—дѣло, конечно, партіи, а не группы. Издавая программу, группа имѣетъ цѣлью содѣйствовать успѣху революціонныхъ идей, и именно идей народо-вольческихъ.

*) Программа эта, выпущенная народовольческой группой въ Россіи, настолько въ общемъ близка къ нашей, что пока мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на частныхъ пунктахъ разногласія и нѣкоторыхъ недомолвкахъ, бросившихся намъ въ глаза. Мы вернемся въ случаѣ надобности къ этому вопросу.

До сихъ поръ еще смѣшиваютъ народовольчество съ терроризмомъ. Между тѣмъ, какъ можно видѣть и изъ программы, надо отличать народовольчество вообще, какъ оно опредѣляется *принципially*, отъ тѣхъ формъ, въ которыя оно можетъ вылиться при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ. Основные принципы народовольчества, какъ нельзя лучше, могутъ послужить теперь лозунгомъ объединенія революціонныхъ силъ.

I. По основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы — социалисты. Мы убѣждены, что только на социалистическихъ началахъ человечество можетъ воплотить въ своей жизни свободу, равенство и братство, обезпечить общее матеріальное благосостояніе и полное всестороннее развитіе личности, а стало быть и прогрессъ. Въ-стѣ съ тѣмъ мы убѣждены, что только *народная воля* можетъ санкціонировать общественныя формы, что развитіе народа прочно только тогда, когда оно идетъ самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имѣющая воплотиться въ общественную жизнь, проходить предварительно черезъ сознаніе и волю народа. *Народное благо* и *народная воля* два нашихъ священнѣйшіе и неразрывно связанные принципа.

II. 1) Вглядываясь въ обстановку, при которой приходится жить и дѣйствовать народу, мы видимъ, что народъ находится въ состояніи полнаго рабства экономическаго и политическаго. Какъ рабочій — онъ трудится исключительно для прокормленія и содержанія паразитныхъ слоевъ; какъ гражданинъ — онъ лишентъ всякихъ правъ: вся русская дѣйствительность не только не соотвѣтствуетъ его интересамъ, но онъ даже не смѣетъ высказать и формулировать свою волю; онъ не имѣетъ возможности думать о томъ, чтѣ для него хорошо и чтѣ дурно, и самая мысль о какой-то волѣ народа считается преступленіемъ противъ существующаго порядка. Опутанный со всѣхъ сторонъ, народъ доводится до физическаго вырожденія, до отупѣлости, забитости, нищенства, до рабства во всѣхъ отношеніяхъ.

2) Надъ закованными въ цѣпи народомъ мы замѣчаемъ облегчающіе его слои эксплуататоровъ, создаваемыхъ и защищаемыхъ правительствомъ. Мы замѣчаемъ, что государство составляетъ крупнѣйшую въ странѣ капиталистическую силу, что оно-же составляетъ единственнаго политическаго притѣснителя народа, что благодаря ему только могутъ существовать мелкіе хищники; мы видимъ, что этотъ государственно-буржуазный наростъ держится исключительно голымъ насиліемъ, своею военно-полицейскою и чиновничьею организаціею, совершенно такъ-же, какъ держались у насъ монголы Чингисъ-Хана; мы видимъ совершенное отсутствіе народной санкціи этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводитъ и удерживаетъ государственные и экономическіе принципы, не имѣющіе ничего общаго съ народнымъ благомъ.

3) Въ этомъ народѣ мы видимъ еще живыми, хотя всячески подавляемыми, старые традиціонные принципы, какъ напр. право народа на землю; находимъ сохранившимися нѣкоторые старые институты, какъ общинное землевладѣніе и мѣстное самоуправленіе. Эти принципы и учрежденія могутъ значительно облегчить проведеніе общественныхъ реформъ, предпринятыхъ въ интересахъ народнаго блага.

4) Стремясь найти для народа исходъ изъ невыносимаго положенія, мы останавливаемъ, наконецъ, свое вниманіе на образованномъ обществѣ. Не представляя изъ себя самостоятельнаго класса, опредѣленнаго и однороднаго по своему составу, а пополняясь изъ всѣхъ слоевъ націи, оно само испытываетъ правительственный гнетъ и, сознавая солидарность своихъ интересовъ съ общенародными, таитъ въ себѣ много друзей народа, живо чувствующихъ его страданія. Но починъ въ дѣлѣ освобожденія можетъ взять на себя только интеллигентное меньшинство, не считающее возможнымъ ждать.

III. 1) Исповѣдая социалистическіе принципы, мы считаемъ въ то-же время возможнымъ и необходимымъ революціонной борьбой расчистить почву, добиться возможности открыто бороться во имя ихъ; поэтому, мы ставимъ своею ближайшею задачею снять съ народа подавляющій его гнетъ государства, произвести политической переворотъ. Временное правительство, освободивъ всѣхъ преслѣдуемыхъ по политическимъ дѣламъ, должно предпринять рядъ мѣръ, дѣлающихъ невозможнымъ возвратъ самодержавія и обезпечивающихъ политическую свободу. Послѣ этого оно передаетъ власть Учредительному Собранію.

2) Мы полагаемъ, что народная воля была-бы на первый разъ достаточно хорошо высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщею подачею голосовъ. Это, конечно, далеко не идеальная форма, но единственно въ настоящее время возможная на практикѣ, и мы считаемъ нужнымъ остановиться поэтому именно на ней. Учредительное Собраніе должно пересмотрѣть всѣ наши государственныя и общественныя учрежденія и перестроить ихъ, согласно волѣ своихъ избирателей.

IV. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ социалистическая партія, мы считаемъ долгомъ явиться передъ народомъ съ своей программой. Ее мы будемъ пропагандировать до переворота, ее мы будемъ рекомендовать во время избирательной агитаціи, ее будемъ защищать въ Учредительномъ Собраніи. Это программа слѣдующая:

А 1) Постоянное народное представительство, имѣющее полную власть во всѣхъ обще-государственныхъ вопросахъ.

2) Всеобщее избирательное право безъ всякихъ сословныхъ и имущественныхъ ограниченій.

3) Свобода печати, собраній и избирательной агитаціи.

4) Широкое областное самоуправленіе, обезпеченною выбор-

ностью всёхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа.

5) Замѣна постоянной арміи территоріальною.

Б. 1) Принадлежность земли народу.

2) Система мѣръ, имѣющихъ передать въ пользованіе рабочихъ, какъ національную собственность, всё заводы и фабрики.

3) Система мѣръ, обеспечивающихъ справедливое распределеніе налоговъ, какъ-то: отмена косвенныхъ налоговъ, прогрессивный подоходный налогъ и т. д.

В. Полная свобода совѣсти и слова, обязательное и даровое обученіе и пр.

Мы будемъ проводить эту программу и полагаемъ, что въ ней всё пункты невозможны одинъ безъ другаго и только въ совокупности обеспечиваютъ политическую и экономическую свободу народа и правильное его развитіе.

V. Въ виду изложенныхъ цѣлей дѣятельность партіи располагается въ слѣдующихъ отдѣлахъ:

1) Дѣятельность пропагандерская и агитационная. Пропаганда имѣетъ своею цѣлью популяризацию идей демократическаго политическаго переворота, какъ средства социальной реформы, а также популяризацию собственной программы партіи. Критика существующаго строя, изложеніе и уясненіе способовъ переворота и общественной реформы составляютъ сущность пропаганды. Эта пропаганда должна вестись во всёхъ слояхъ населенія. Среди *городскихъ рабочихъ* она имѣетъ цѣлью обеспечить сочувствіе массы и активную поддержку съ ея стороны въ моментъ возстанія; вліяя въ этомъ смыслѣ на массу, нужно въ то-же время стремиться выработать среди рабочихъ сознательныхъ сторонниковъ партіи, которые могли-бы самостоятельно руководить рабочимъ дѣломъ. Агитация должна стремиться къ тому, чтобы со стороны народа и общества заявлялись въ свое время въ наибольшо-широкихъ размѣрахъ протесты противъ существующаго порядка и требованія реформъ въ духѣ партіи, особенно-же требованіе созыва Учредительнаго Собранія. Формами протестовъ могутъ быть сходки, демонстраціи, петиціи, тенденціозные адреса, отказъ отъ уплаты податей и т. д.

2) Дѣятельность разрушительная и террористическая. Террористическая дѣятельность, состоящая въ уничтоженіи наиболѣе вредныхъ лицъ правительства, въ защитѣ партіи отъ шпионовъ, въ наказаніи наиболѣе выдающихся случаевъ насилій и произвола со стороны правительства, администраціи и т. д. — имѣетъ своею цѣлью главнымъ образомъ самозащиту. Но въ то-же время террористическіе акты могутъ подрывать обаяніе правительственной силы, давать непрерывныя доказательства возможности борьбы противъ правительства, поднимать, наконецъ, революціонный духъ народа и вѣру въ успѣхъ дѣла и формировать годныя и привычныя къ бою силы. Поэтому, въ случаѣ необходимости, мы счита-

емъ возможнымъ прибѣгнуть къ террору именно ради этого послѣдняго вліянія его.

3) Организация тайныхъ обществъ и сплоченіе ихъ вокругъ одного центра.—Организация мелкихъ тайныхъ обществъ со всевозможными революціонными цѣлями необходима, какъ для исполненія многочисленныхъ функцій партіи, такъ и для политической выработки ея членовъ. Но эти организациі, для болѣе стройнаго веденія дѣла, особенно-же при организациі переворота, необходимо должны группироваться вокругъ одного общаго центра, на началахъ полнаго сліянія или федеративнаго союза.

4) Приобрѣтеніе вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ.—Для успѣшнаго исполненія всѣхъ функцій партіи въ высшей степени важно прочное положеніе въ различныхъ слояхъ населенія. По отношенію къ перевороту особенно важны администрація и войско. Не менѣе серьезное вниманіе партія должна обратить на крестьянство. Она должна приобрести себѣ сознательныхъ сторонниковъ въ наиболѣе выдающейся части крестьянства, подготовивъ себѣ содѣйствіе массъ въ наиболѣе важныхъ пунктахъ и среди наиболѣе воспримчиваго населенія. Въ виду этого каждый членъ партіи въ народѣ долженъ стремиться занять такое положеніе, чтобы имѣть возможность защищать крестьянскіе интересы, помогать ихъ нуждамъ, приобрести извѣстность честнаго и благожелательнаго крестьянству челоуѣка, поддерживага въ народѣ репутацію партіи, защищать ея идеи и цѣли.

5) Организация и совершеніе переворота. Въ виду придавленности народа, въ виду того, что правительство частными усмирненіями можетъ очень надолго сдерживать общее революціонное движеніе, партія должна взять на себя починъ самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народъ будетъ въ состояніи обойтись безъ нея. Для нанесенія удара правительству партія можетъ воспользоваться благоприятными обстоятельствами, какъ-то: народными волненіями, финансовыми затрудненіями правительства и пр.

6) Избирательная агитация и созывъ Учредительнаго Собранія.—Какимъ-бы путемъ не произошелъ переворотъ, какъ результатъ самостоятельной революціи или при помощи заговора, — обязанность партіи способствовать немедленному созыву Учредительнаго Собранія и передачи ему власти временнаго правительства, созданнаго революціею или заговоромъ. При избирательной агитациі партія должна всячески бороться противъ кандидатуры различныхъ кулаковъ и всѣми силами проводить чисто мірскихъ людей.

Типографія „Группы Народовольцевъ“.

Мартъ 1892 г.

Первое письмо къ голодающимъ крестьянамъ).*

Тяжелая бѣда навалилась теперь на Россію: въ 20 губерніяхъ народъ голодаетъ; скоть и лошади на половину перебиты или передохли по случаю недостатка кормовъ; много полей незасѣяно, потому что у хозяевъ не было сѣмянъ; крестьяне кругомъ позадолжали и закабалились впередъ на 2 и на 3 года барину, купцу, кулаку или міроѣду; ребятишки мрутъ, какъ мухи; по нѣсколько семей сбились въ одну избу для тепла и ломаютъ на дрова сарай и амбары. Все крестьянское хозяйство рушится, и крестьянину ничего не останется дѣлать, какъ идти въ баграки къ помѣщику или купцу. Вотъ что теперь дѣлается въ самой хлѣбородной полосѣ Россіи!..

Съ чего-же нагрязнула вся эта бѣда? — Говорятъ, что она приключилась потому, что хлѣбъ не уродился прошлымъ лѣтомъ. Конечно, неурожай причиняетъ большой убытокъ всякому хозяйству; однако помѣщики не голодаютъ и не ходятъ по міру, хотя и у нихъ урожай былъ мало чѣмъ лучше вашего...

Ізъ другихъ странахъ, у прочихъ народовъ также случаются неурожай, но все таки никогда тамъ не дѣдятъ лебеды, мякины и всякой дряни, никогда не рѣжутъ лошадей и скоть отъ безкормицы. Скажемъ къ примѣру такъ: плотникъ тешетъ бревно; вдругъ, топоръ у него ломается. Что-же, развѣ броситъ онъ работу и пойдетъ просить Христа-ради? Нѣтъ, онъ возьметъ запасной топоръ или купитъ въ лавкѣ новый, и плохъ тотъ плотникъ, у котораго нѣтъ столько капитала, чтобы завести новый топоръ; онъ почти нищій. То-же и съ крестьяниномъ: плохъ тотъ хозяинъ, который отъ одного неурожая станетъ голодать: такой крестьянинъ идетъ побираться. А будь онъ исправнымъ хозяиномъ, онъ купилъ-бы себѣ другую лошадь или перебился-бы зиму на запасномъ хлѣбѣ. И вотъ это первое, что надо повяты крестьянству: не потому оно голодаетъ и побирается, что дожличка не было прошлымъ лѣтомъ, а потому голодаетъ и кормится подачками, что народъ обѣднѣлъ еще до этого года, что крестьянинъ ослабъ и едва стоялъ на ногахъ: дунулъ вѣтеръ посильнѣе, и онъ упалъ...

Народъ раззорился потому, что земли у него было мало, подати брались съ него большія, а въ случаѣ нужды, онъ ниоткуда помощи не получалъ. Правительство помогало богатѣе помѣщикамъ, купцамъ и фабрикантамъ, а крестьянинъ управлялся со своей бѣдой, какъ умѣлъ. Для уплаты податей и недоимокъ крестьянинъ продавалъ осенью хлѣбъ за полъ-цѣны, работалъ всю зиму на господъ и на купцовъ, а весной покупалъ хлѣбъ въ тридорога, или бралъ въ долгъ подъ лѣтнюю работу, и изъ этого долга никогда не выходилъ. вмѣсто того, чтобы помочь крестья-

*) Изданіе той-же группы, что и помѣщенная выше „Программа народвоольцевъ“.

нину выйти изъ долговъ и стать настоящимъ хозяиномъ, правительство думало только о томъ, чтобы подати и недоимки поступали въ казну исправно. Мало оказалось станowychъ и исправниковъ, назначили еще земскихъ начальниковъ; а вся забота ихъ — держать народъ подъ палкой, чтобы онъ пикнуть не смѣлъ о своихъ нуждахъ.

Чѣмъ-же теперь помогаетъ вамъ правительство? Когда прошлымъ лѣтомъ всѣмъ деревенскимъ жителямъ стало видно, что хлѣбъ не уродился, то земства стали просить правительство и царя о помощи. Но министры и царь не хотѣли повѣрить, что народу стало такъ плохо, и земствамъ выдано было изъ казны гораздо меньше, чѣмъ они просили, да и деньги присланы были поздно. Поэтому во многихъ мѣстахъ поля остались незасѣянными, а многіе сѣялись купленной и занятой рожью. Въ то-же время земства стали просить казну, чтобы она отпустила денегъ на прокормъ голодающаго народа. Правительство вмѣсто рублей дало двугривенные, такъ что земства не могли помочь всѣмъ нуждающимся, а помѣщики и купцы обрадовались случаю нажиться на народной нуждѣ и подняли цѣну на хлѣбъ втрое и вчетверо противъ обыкновенной цѣны. Зимой земства стали выдавать фунтовъ по 30 въ мѣсяцъ, и хоть знаютъ, что этого хватаетъ только на двѣ пѣдлы, но ничего больше сдѣлать не могутъ, потому что казна больше не даетъ. Она-бы и вовсе не дала ничего мужику, потому что привыкла только брать съ него, но побоялась, что мужикъ не вытерпитъ голода и начнетъ бунтовать, поколотить помѣщиковъ, купцовъ, земскихъ начальниковъ и другихъ вѣрныхъ слугъ царя, которые помогаютъ ему обирать народъ. Народъ напрасно вѣритъ тому, что царь сдѣлаетъ для него что-нибудь настоящее. Хлѣбъ, который выдаютъ теперь изъ земства крестьяне называютъ „царскимъ паѣнкомъ“, но это не вѣрно: хлѣбъ этотъ идетъ не отъ царя, а отъ земства: оно поручилось, что выплатитъ казнѣ всѣ деньги, на которыя теперь кормится народъ. Поэтому скоро начнутъ выбирать до послѣдней копѣйки сеуду обратно. Будутъ становые и исправники рыскать по деревнямъ, будутъ сѣчь и сажать въ холодную и не посматривать, что мужикъ раззоренъ, а будутъ еще раззорять его. Придетъ осень, тогда узнаютъ крестьяне какъ сладокъ „царскій паекъ“! Отъ кого-же ждать народу помощи и заступы? Теперь народъ надѣется на царя и не хочетъ понять, что вся бѣда его произошла отъ того, что царь дружитъ съ дворянами, чиновниками и купцами. Онъ имъ даетъ грабить народъ, а они ему за это служатъ и ублажаютъ его всячески. У царя 600 милліоновъ руб. лежатъ въ англійскомъ банкѣ, а онъ ни гроша изъ тѣхъ денегъ не далъ годнымъ ребятишкамъ мужицкимъ, плачущимъ на холодной печи. Пойми, русскій народъ, что тебѣ надѣяться не на кого, кромѣ какъ на свою силу могучую! Ты окруженъ со всѣхъ сторонъ грабителями и лиходѣями: урядника покрываетъ

становой, станового исправникъ; помѣщику помогаетъ земскій начальникъ; попъ дружить съ становымъ; купецъ и кабатчикъ угощаютъ и дарятъ станового, а всѣхъ ихъ покрываетъ губернаторъ; губернаторы-же всѣ лично извѣстны царю, и имъ самимъ поставлены на должности. Не думайте, что царь потому не помогаетъ вамъ, что отъ него скрываютъ народную нужду. Да развѣ можно теперь скрыть народную нужду отъ ребенка даже малаго, а не то что отъ царя? Вѣдь онъ получаетъ всякія бумаги отъ губернаторовъ, онъ могъ-бы прочитать, что въ газетахъ пишутъ о голодухѣ, онъ могъ-бы самъ проѣхать по деревнямъ, если-бы хотѣлъ своими глазами провѣрить, что тамъ дѣлается. Но ему до того дѣла нѣтъ, и онъ сидитъ себѣ во дворцѣ, сладко ѣсть, живетъ въ свое удовольствіе, да забавляется на разные лады. И это второе, что надо понять народу: нашъ царь не мужицкій царь, а царь дворянскій!..

Много теперь въ городахъ людей, которые хотѣли-бы помочь народу; надо-бы вамъ съ этими людьми столковаться, какъ-бы устроить, чтобы васъ перестали грабить помѣщики, чиновники и царская казна, чтобы подати были полегче, да земли побольше. Бѣда, однако, въ томъ, что деревню усердно карауляютъ; становые и урядники смотрятъ, какъ-бы къ вамъ не пришелъ чело-вѣкъ, который могъ-бы рассказать всю правду, — отчего бѣднѣетъ народъ русскій и богатѣютъ купцы и чиновники. Много уже погибло по Сибири да по острогамъ хорошихъ людей, которые хотѣли посовѣтовать народу, какъ выбиться изъ нищеты. Чуть окажется гдѣ-нибудь такой мужицкій доброхотъ, такъ его сейчасъ слуги царскіе хватаютъ и въ Сибирь ссылаютъ или казнятъ; и потому трудно такимъ доброхотамъ перемолвиться съ мужикомъ по душѣ; и вотъ теперь задумали такіе мужицкіе доброхоты писать народу письма, чтобы понялъ онъ, что ему дѣлать надо. . . . Получите ежели это письмо, почтенные, то читайте его на людяхъ, да подумайте о томъ, что здѣсь сказано и потолкуйте о немъ другъ съ другомъ. А скоро, можетъ быть, и еще новыя письма придутъ къ вамъ; передавайте ихъ другъ-другу, но берегитесь становыхъ, урядниковъ и помѣщиковъ, потому что отъ нихъ добра вамъ ждать нечего, да и письма эти они отъ васъ отберутъ... А пока прощайте!

Мужицкіе доброхоты.

Мартъ 1892 г. Типографія народовольцевъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ самый день отправки нами въ наборъ перваго номера „Съ родины и на родину“ П. Л. Лавровъ получилъ изъ Россіи отъ „Группы Народовольцевъ“ письмо съ приложеніемъ „Легучаго

листка группы Народовольцевъ“ (помѣчено: сентябрь 1892 годъ) и „Народовольческой программы“ (помѣчено: мартъ 1892 г.), которая и напечатана въ этомъ-же номерѣ „Съ родины и на родину“; было получено еще ранѣе инымъ путемъ: „Отъ группы Народовольцевъ молодежи“ (помѣчено: 1 марта 1892 годъ). — П. Л. Лавровъ очень благодаритъ приславшихъ и горячо привѣтствуетъ новое изданіе революціонныхъ борцовъ на нашей родинѣ. Вся наша группа и наши сотрудники присоединяются отъ всей души къ его привѣту нашимъ дорогимъ товарищамъ и посылаютъ имъ горячія пожеланія успѣха.

Настоящая брошюра уже была говова къ выходу, когда одинъ изъ членовъ „Группы Старыхъ Народовольцевъ“ получилъ изъ Россіи программу „Соединенныхъ Группъ социалистовъ-революціонеровъ“.

СООБЩЕНІЯ.

Письмо къ издателямъ „Съ родины и на родину“.

Въ № 2-мъ газеты „Свободная Россія“ была напечатана замѣтка о предательствѣ Петровскаго и Неклепаева, административно-сосланныхъ изъ Смоленска въ Сургутъ Тобольской губ. Я тогда же обратился къ одному изъ редакторовъ этой газеты, г. Буце-ву, съ просьбой исправить это сообщеніе. А именно, какъ товарищъ этихъ лицъ по ссылкѣ и членъ товарищескаго суда, разбиравшаго въ Сургутѣ это дѣло, я просилъ его напечатать слѣдующее:

„Товарищескій судъ за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ отказался признать обвиненіе въ предательствѣ какъ Петровскаго такъ и Неклепаева“.

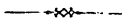
Такъ какъ свѣдѣнія г. Буцева относились къ этому времени, то онъ далъ обѣщаніе напечатать опроверженіе вышеупомянутой замѣтки. Такого опроверженія нигдѣ не появилось, а потому прошу васъ дать мѣсто этому заявленію.

И. Лазаревичъ.

24 сентября 1892 г.

Въ № 11497 „Temps“ отъ 14-го сентября 1892 г. напечатано слѣдующее сообщеніе изъ Болгаріи: „Якобсонъ, дрозманъ русскаго посольства въ Бухарестѣ, продавшій болгарскому правительству документы, указывающіе на участіе Россіи въ разныхъ заговорахъ съ цѣлью убійства Стамбулова и князя Фердинанда, настаиваетъ, въ письмѣ въ газету „Свобода“, на подлинности этихъ документовъ. Онъ прибавляетъ, что въ 1890 г. румынское правительство знало о содержаніи этихъ документовъ, захваченныхъ въ Русукѣ, и что въ іюнѣ 1890 года начальникъ русской тайной полиціи, статскій совѣтникъ Росковскій, послалъ въ Бу-

харестъ агента *Ландейзена*, подъ ложнымъ именемъ Лати, для приготовления бомбъ. Румынское правительство, узнавши объ этомъ, выслало Лати“.

ОТЧЕТЫ.

Отчетъ Петербургскаго Отдѣла Общества вспомошествованія политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ.

Общество помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ, называемое иначе „Краснымъ Крестомъ“, существуетъ уже одиннадцать лѣтъ Оно было основано въ Петербургъ въ 1881 году кружкомъ лицъ, рѣшившихся организовать правильную и постоянную помощь политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ, положивъ начало обществу этого имени. Помощь эта, довольно значительная въ первое время и правильная для тайнаго общества, какимъ былъ и есть „Красный Крестъ“, годъ отъ году падала, и въ этомъ году достигла своего *minimum'a*. Мы приведемъ для сравненія нѣсколько отчетовъ за первые и послѣдніе года существованія Общества:

Съ декабря 81 г. по декабрь 82	5726 р. 53 к.
" 82 " 83	4017 р. 25 к.
" 83 " 84	3582 р. 11 к.
" 84 " 85	4864 р. 77 к.
Съ ноября 89 г. по ноябрь 90	1602 р. 88 к.
" 90 " 91	2067 р. 40 к.

Такимъ образомъ сборы Общества за послѣдніе годы въ Петербургъ упали въ 2-3 раза.

А казалось-бы между тѣмъ, что для широкой дѣятельности даны всѣ условія, — политическій гнетъ продолжается и по сей часъ, мѣста ссылки и заключенія усердно пополняются, и, пожалуй, рѣдкая русская интеллигентная семья не имѣетъ близкихъ себѣ среди осужденныхъ за политическія преступленія...

Было время, 10-15 лѣтъ тому назадъ когда и печать и общество слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ революціонной борьбы въ Россіи. Печать, пользуясь сравнительной свободой, сообщала все, что было возможно, объ этой борьбѣ, публикувала политическіе процессы, помѣщала письма ссыльныхъ, призывала къ пожертвованіямъ. Общество знакомилось съ произволомъ администраціи, съ положеніемъ ссыльныхъ, оторванныхъ отъ общества, близкихъ, заброшенныхъ въ провинціальную глушь Россіи, въ далекую Сибирь, обреченныхъ на монотонную, полную нравственныхъ и физическихъ мукъ жизнь. Оно узнавало объ ужасахъ тюремнаго заключенія, когда осужденные на года одиночества попадали подъ безконтрольную, разнузданную власть тюремнаго начальства.

Общество негодовало на установившійся порядокъ вещей; въ

лицъ своихъ представителей—земства и городского самоуправления — оно высказывалось противъ административнаго произвола, выражало свое сочувствіе революціонерамъ, аплодируя оправданію политическихъ борцовъ, покрывая пожертвованіями подписку, открытую „Голосомъ“ въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ. Но это продолжалось недолго. Печать, подъ давленіемъ правительства, умолкла; общество, не слыша ничего о революціонерахъ, не зная о судьбѣ сосланныхъ и заключенныхъ въ тюрьмахъ, забыло ихъ.

На средствахъ „Общества Краснаго Креста“ такое забвеніе отразилось самымъ печальнымъ образомъ: сборы его пали, сфера дѣятельности сдузилась, многіе вовсе не знаютъ о его существованіи, другіе смѣшиваютъ его съ тѣмъ „Крестомъ“, что на Инженерной улицѣ....

Желая упорядочить и по возможности расширить дѣятельность „Общества“, мы призываемъ всѣхъ сочувствующихъ его дѣятельности: 1) къ пожертвованіямъ деньгами, вещами и книгами; 2) къ доставленію всѣхъ свѣдѣній о ссыльныхъ и заключенныхъ: когда взять къ чему приговоренъ, когда отбудетъ срокъ наказанія, число ссыльныхъ въ данной мѣстности, заключенныхъ въ тюрьмы, ихъ нужды и проч. 3) къ организациі съ этою цѣлью кружковъ въ провинціи, связанныхъ съ центральнымъ кружкомъ въ Петербургѣ. Централизация необходима въ виду того, что при настоящихъ условіяхъ только такимъ образомъ могутъ быть достигнуты желаемые результаты—своевременное и правильное распределение помощи.

Отчетъ Общества съ 1-го марта по 1-е іюня 1892 г.

Приходъ: Отъ наследника, 100 р.—Врача, 10 р.—Врача, 10 р.—NN, 10 р.—NN, 5 р.—Роза, 6 р.—?, 6 р. 50 к.—Предпріятіе, 43 р.—Изданія, 26 р. 85 к.—Продажа книгъ, 1 р. 70 к.—Продажа билетовъ, 4 р.—Продажа корзинъ, 16 р. 30 к.—Сборы, 28 р.—По листкамъ, 11 р.—Уч. Зав.: Т. И., 24 р.—Г. И., 10 р.—Б. К., 4 р.—М. А., 7 р. 80 к.—Ун., 4 р. 50 к.—А., 3 р.—Возвратъ долга, 25 р.—Остатокъ отъ прежн. мѣс., 54 р. 7 к. Всего 410 р. 72.

Расходъ: Въ тюрьмы, 220 р.—Въ провинцію, 63 р. 86 к.—Въ Вост. Сиб., 25 р.—Въ Западную, 15 р.—На дорогу ссыл., 20 р.—Уплата долга, 25 р.—За книги, 3 р.—Расх. почт. и др., 2 р. 18 к. Итого 374 р. 54 к. Въ кассѣ 36 р. 18 к.

Печать „общества вспомош. полит. ссыльн. и заключ.“

Отчетъ Центральной Кассы (въ Парижѣ) для помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ. Съ января по ноябрь 1890 г.)*

Приходъ: Изъ Цюриха отъ Сѣверной кассы имени Н. Г. Чер-

*) Отчетъ этотъ былъ въ свое время опубликованъ, но такъ какъ онъ былъ отпечатанъ на отдѣльныхъ листкахъ, то мы считаемъ нужнымъ воспроизвести его снова.

нышевскаго 461 ф. 50 с. — Изъ Цюриха отъ Сибирской кассы 61 ф. — Изъ Женевы черезъ Н. 150 ф. — Изъ Женевы черезъ С. 219 ф. — Изъ Англии 175 ф. — Съ Бернскаго вечера 70 ф. — Изъ Цюриха отъ нѣмецкихъ социалистовъ 15 ф. 20 с. — Изъ Румынии 50 ф. Изъ Болгарин 105 ф. — Изъ Варны отъ У. 20 ф. — Отъ доброжелателя Т. 168 ф. — Отъ Х. 5 ф. — Изъ Парижа отъ русской молодежи 20 ф. — Получено отъ продажи брошюръ 4 ф. 50 с. — Отъ доброжелателя С. 343 ф. — Всего 1867 ф. 20 с.

Израсходовано для государственныхъ ссыльныхъ 774 ф.

Съ ноября 1890 года по ноябрь 1892 годъ.

Въ кассѣ имѣлось 1 ноября 1890 г. 1093 ф. 20 с.

Приходъ: Изъ Америки отъ Филадельфійской Братской помощи 663 ф. — Изъ Цюриха отъ Сибирской кассы 429 ф. 30 с. — Изъ Цюриха отъ Сѣверной кассы имени Н. Г. Чернышевскаго 351 ф. — Изъ Женевы черезъ Д. 374 ф. 35 с. — Изъ Женевы черезъ С. 153 ф. 50 с. — Изъ Парижа отъ бывшего ссыльнаго черезъ Р. 50 ф. — Изъ Парижа черезъ П. Л. 50 ф. — Изъ Парижа отъ П. 180 ф. — Изъ Парижа отъ супруговъ А. 14 ф. — Изъ Парижа по подписнымъ листамъ: № 1 черезъ Его 7 ф. 75 с.; № 2 черезъ Я. Ф. 3 ф.; № 3 черезъ Т. 5 ф. 25 с.; № 5 черезъ Р. 45 ф.; № 10 черезъ Р. 10 ф.; № 11 черезъ Л. 23 ф.; № 12 черезъ N 28 ф.; № 15 16 ф. — Отъ рус. художника 10 ф. — Проценты 70 ф. 95 с.

Всего 3577 ф. 30 с.

Израсходовано съ ноября 1890 по ноябрь 1892 г. 2152 ф. 25 с.

Въ кассѣ имѣется: 1425 ф. 5 с.

—

На изданіи „Группы Старыхъ Народовольцевъ“ получено: „отъ Неизвѣстнаго на народовольческую литературу„ — 20 фр.; отъ француза — 20 фр.; отъ либерала изъ Лондона — 20 шиллинговъ.

Издатели имѣютъ въ виду, чтобы каждый выпускъ состоялъ изъ двухъ отдѣловъ съ особой пагинаціей.

Всѣ статьи *перваго* отдѣла могутъ быть впоследствии сброшюрованы въ особую серію томовъ, для которыхъ будутъ выданы въ последнемъ выпускѣ особые заглавные листы и оглавленія.

Порядокъ статей будетъ тотъ самый, который указанъ въ „Объявленіи“, появившемся особо, а также приложенномъ къ каждому выпуску. Именно рядъ статей будетъ одинъ отъ А I до А XVII и отъ Б I до Б VI. На каждомъ листѣ (внизу, слѣва) будетъ отмѣчено, какое мѣсто въ первомъ отдѣлѣ будетъ занимать статья, такъ какъ статьи будутъ помѣщаться въ выпускахъ по мѣрѣ ихъ изготовленія, а не по ихъ порядку, указанному въ объявленіи.

Каждая статья будетъ имѣть особую пагинацію.

Второй отдѣлъ, носящій общее названіе „Съ Родины и на Родину“ будетъ имѣть въ каждомъ году, или для 6 выпусковъ, общую пагинацію, и въ концѣ года или въ последнемъ выпускѣ годовой серіи будутъ для этого отдѣла выданы особый заглавный листъ и оглавленіе. Всѣ листы этого отдѣла будутъ помѣчены (внизу, слѣва) знакомъ: „съ р.“ съ обозначеніемъ годоваго тома.

По случайному недосмотру на первыхъ листахъ отдѣла „Съ Родины и на Родину“ въ этомъ выпускѣ отмѣтки листовъ *ошибочны*. На стр. 1 и 7 должно быть слѣва внизу: „съ р. 1“; справа внизу на страницѣ 1—1; на страницѣ 7—2.
